

16+

Дмитрий Соловьев

Веселые приключения мальчишек

Дмитрий Андреевич Соловьев

Веселые приключения мальчишек

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65341107
SelfPub; 2021*

Аннотация

Одиннадцатилетний хулиганистый мальчишка считает потерянным день, если не сделает кому-нибудь пакость. Однажды ночью к нему является добрая фея в попытке исправить этого паршивца. Мальчишка Димка – неутомимый фантазер постоянно попадает в разные переделки. Маленький Гошка рассказывает о своих детсадовских проблемах, о няньке монстре, настоящем деде морозе упавшем с елки и предстоящем полете на луну. Подросший Гошка идет в школу, там тоже много забавных моментов. В рассказе "Безграмотный" – тогда еще детсадовец Димка, прочитал нацарапанное в подъезде слово и ничего не понял. Как и все любознательные дети он пошел в народ спрашивать что это слово обозначает. Вообще смешного в книге много, и приключений тоже. А Димка это тот же мальчишка из первой книги "Димкины рассказы и приключения". Фотографии моего сына использованы на обложке и в книгах.

Содержание

Предисловие	9
Волшебные приключения, произошедшие с Димкой Гольцовым – учеником пятого «в» класса на самом деле	10
Усыновление барбоса	25
Бандитские страсти в городской больнице	29
Шпионская история	38
Куриное дело	47
Детективная история	61
Река	74
Я, Мишка, братец и злой «чемодан»	81
Попрошайки	102
Биологическое оружие	108
Подарок	116
Научный эксперимент с бубликом	118
В парикмахерской	121
Цирковое представление с доставкой на дом	124
Папа и плот	128
Маскарад, или перестарался	130
Спор	133
Шахматист	134
Какая разница? Или скажи, сколько мне лет деточка?	140

Все зовут меня хулиганом	143
Речные разбойники	145
Миллионерша	161
Лужа	166
Курьер	170
Кругом шьшнадцать	177
Невезучий	181
Будильник	185
Что такое счастье	187
Лапка	189
Караул! Меня отшлепали!!!	193
Наша нянька – Монстр!	194
Глиняные игрушки	197
Тимур	200
Безграмотный	203
Дяденька негр	213
Странная штука зависть!	216
Корочка хлеба	218
На улице когда стройка рядом, очень интересно гулять	220
А потом появился ты...	222
Откуда дети берутся	234
Дневные ежики	237
Коник	238
У меня в носу проблема	241
Посылка	242

Сегодня мы идем на речку	247
Гошка мечтает о Зоопарке	254
Как мы играем	257
Мы играли в трансформеров	259
Гошка и дворницкая метла	260
Рассказ маленького Гошки о трудностях жизни	262
Когда я болею	264
Гошка – снайпер, или происшествие в детском саду	266
Полезные и бесполезные вещи	269
Как зубная фея опоздала в магазин	270
Прятки	271
Ура мы с Лешей и папой летим на луну	274
Запрещенная жвачка, или уголовная история первоклашки	278
Гошка в первом классе и плохие отметки	281
Шутник Сашка	285
Нелька – такса истребитель	286
Эти несносные девицы	289
С малышкой держи уши остро!	292
Щекотка!	294
Гошкины приключения в летнем лагере в Быково	296
Руководство влюбленному мальчику	310
Новый год это хорошо	312
Гоша и кроличья шапка	320

Разговор с продавщицей	321
Девочки досвидания	323
Гошка и бородатая женщина	325
Рассказ Гошки о компьютерной игре	328
Жажда мести	330
Гошка картошка и бабка ежка	331
Разговор в детском саду	333
Спрашиваю Гошку, вы сегодня в детском саду не дрались?	335
А ты мне купишь летаюсие тапоцки?	337
Гошка ест суп	338
Чья же все-таки книжка	339
Меня мама поздно разбудает	341
Как изобрести бомбу в детском саду	342
Разговор по испански	344
Гоша одевается	346
Пора жениться	348
Что такое козявки и где они обитают	350
Таэквандо	351
Гошка и лечебные котята	353
Поход на лосиный остров 22 мая 2013 года	354
Гошка и бабушкин подарок	358
Гошка с Дашкой в зоопарке	359
Самая верная примета	363
Обмен – дело тонкое	365
Пострадавшие	367

Детсадовская история	368
В качестве эпилога два рассказа для пап и мам	369
Трудное решение или собака монстр	372
Собака звучит гордо	378
Волшебные времена моего детства	379

Дмитрий Соловьев

Веселые приключения мальчишек

Рекомендовано для пионеров и пенсионеров. **Книга № 2**

Предисловие

Читайте. Надеюсь, что вы буквы знакомые встретите. Рекомендую ребятам постарше 14 лет. Они острее чувствуют, что детство неумолимо проходит, и хотят возвратиться на пару лет назад. Но если честно, не стоит об этом переживать.

Главное ребята всегда в душе оставаться детьми способными фантазировать, надеяться и удивляться. Тогда никакая бяка не сделает черным ваш овеянный светом мир. Москва 2021 год. Дмитрий Соловьев. Контактный тел. 8 917-567-56-35, почта s89175675635@yandex.ru

Волшебные приключения, произошедшие с Димкой Гольцовым – учеником пятого «В» класса на самом деле

Однажды темной летней ночью у меня зачесался нос и я проснулся.

И так я проснулся, почесал нос и собирался дальше спать, но тут небо заволокло тучами, что-то мрачно каркнуло и луна, до того ясная и большая, куда то исчезла.

Я зевнул во весь рот и, завернувшись в простыню, отвернулся к стенке. В конце концов, ночью надо спать и какое мне дело до исчезнувшей луны! – Завтра появится!

Вот когда я решительно собирался заснуть! даже один глаз закрыл для начала! Вот когда я все эти сонно-спальные приготовления сделал, у меня перед уже почесанным носом, появился, возник из воздуха здоровенный таракан.

Я такого никогда не видел! Просто слон, а не таракан! У нас такие точно не водились, а то бы я раньше заметил.

– Брысь! – сказал я ему, – я в тебя не верю! Приснится же такое!

Но таракан брысь не сделал, а, глядя на меня печальными глазами, стал перевоплощаться!

Сначала у него отросли уши, и пока они росли, таракан тихо стонал и стрекотал, сучил лапками.

– Ну ты, блин даешь! – в восхищении сказал я приподнимаясь, а тараканьи уши продолжали неуклонно, неумолимо расти!

Вскоре они выросли больше самого таракана и тот, потеряв равновесие, шлепнулся на свою спинку.

Никогда раньше не видел таких быстрорастущих ушей, мне даже пришлось согнуть ноги в коленках и поджать пальцы на ногах, так стремительно они расширялись!

Уши были какие-то волосатые и противные! А уж наглые!

Мне пришлось хлопнуть по ним тапком, чтоб они меня с кровати не вытеснили!!!

После этого они покраснели, стали сворачиваться в трубочку, а когда окончательно свернулись, то задымились, съезжились и превратились в маленькую сморщенную старушку со шваброй.

Я замахнулся на нее простыней и потянулся за рогаткой, но старушка, испустив сноп искр заверещала: – Стой невоспитанный мальчишка! Замри хулиган! А то.....О-еей!

– Пошла ты! – распрощался я с нею, потому что узнал подлую сразу!

Это была фея – моя совесть, как она утверждала!

Я просто затрясся от негодования, так она мне надоела!

А фея. тем временем, размахивала своей швабро- палочкой, горела глазами и обличала спрашивая: – Кто сегодня

съел у кота Кузьки предназначенную ему сосиску!?! Кто вместо нее сунул ему под нос ватку с нашатырным спиртом!?! Кто потом говорил что он взбесился!?! А!?!

– Отстань! Надоела! – отмахнулся я от нее.

– Кто подложил папе кнопки в туалетную бумагу, кто покрасил бабушкины вставные челюсти в зеленый цвет!?!? Кто!?! Кто!?!? Кто!!!??

– Ну я, – уныло признался я, отгораживаясь от нее подушкой.

– Негодный мальчишка! И тебе не стыдно!?!?

– Ни сколечко! – признался я, – И вообще, не пора ли тебе смыться, а то если я не выплусь, то утром буду раздражительным и злым – пригрозил я ей на всякий случай.

И тут с ней начались новые превращения!

Она затрещала и заискрилась как бенгальский огонь, даже простыню прожгла в трех местах, и превратилась в сладкоречивую принцессу.

– Димочка, – сказала она ангельским голосом, – ну почему бы тебе не исправиться и стать обычным мальчиком, разве интересно стрелять из рогатки в бабушек и дедушек на пруду, разве хорошо вгонять гвоздик в тапочек твоего брата, неужели тебе нравится драться и плевать, говорить нехорошие слова подслушанные у взрослых, и сыпать соль в варенье!?!

– Хи-хи, здорово получилось!! Правда!?! – порадовался я, вспомнив свои проделки, – Это еще не все, ты просто не зна-

ешь, я еще попи.

– Не надо! – быстро прервала меня принцесса.

– Надоела! Господи, как же ты мне надоела! – потеряв терпение вскочил я на кровати, вознеся руки к обшарпанному потолку, и топая ногами по издерганной простыне.

– Что ты от меня хочешь!? Чтобы я, как мальчик паинька ел конфеты и нюхал цветы!?! Может тебе еще стихов почитать!?! А!?! В рифму!!!!

– У-У-У, Ненавижу! В прошлый раз всю рогатку мне испоганила, я над нею неделю трудился, а ты ее своими тибидохами в свеклу превратила!

Несъедобную, между прочим! Да!? Ведь так!?

У-У-У ЗЗАРАЗА!!

– Не дожدهшься! Я хулиганил, хулиганю и буду хулиганить! – Всю жизнь! Тебе назло! Чтоб ты лопнула!!»

Я вопил это самозабвенно и исполнял дикарский танец, подпрыгивая до потолка, а моя бедная измученная кровать скрипела своими натренированными пружинами.

Нагнувшись, я изловчился и запустил в фею подушкой, но тут же почувствовал на своих ребрах, чью то огромную когтистую лапу и через мгновение болтался в воздухе примерно на высоте лампочки.

– Щекотно! – сказал я, хихикая, но стоящая внизу фея ткнула меня шваброй в живот – Помолчи!

– О-ееей, сейчас меня стошнит! Б..е..е..еее – решил я ее подразнить.

– Ты неисправим! – печально заметила фея, – Поэтому я тебя арестовала летающей волосатой рукой, чтобы ты не ерзал, не дерзил, не делал мне пакостей и не мешал, пока я буду накладывать на тебя сложное заклятие.

– Па..а..адумашь!! – презрительно пожал я плечами и, извернувшись, ущипнул державшую меня руку. Я собирался применить к ней один хитрый болевой приемчик по заламыванию пальцев, но у руки вместо локтя рос хвост, и она махала крыльями, и я растерялся.

Все это время фея, что-то бормотала себе под нос, а потом помазала мне нос касторкой, погладила по голове, сказала, что бы я вел себя прилично, и с легким хлопком исчезла.

– Отпусти! – сказал я волосатой руке, – Отпусти дура!

И мгновением позже шлепнулся на диван.

Луна вновь светила, тучи растворились и я, забравшись под простыню, сладко уснул.

Наутро день начинался как обычно.

Увидев солнце в окне, я подмигнул ему и улыбнулся, затем секунд тридцать лежал неподвижно, размышляя, стоит ли вставать или поспать маленько.

Спать не хотелось и я, дрыгнув ногой, сорвал с себя простыню, потянулся вытянувшись в струнку и замер, наслаждаясь прохладой.

Из раскрытого окошка доносился птичий гомон, звук ранних машин и нежно веял ветерок.

Мне нравилось лежать так, пока еще никто из домашних не проснулся, и впитывать каждой косточкой, каждым мускулом начало нового дня.

Очень приятно чувствовать пятками утренний холодок и ждать когда все тело покроется мурашками.

Жизнь словно заново заполняет тебя и ты, ликуя, вскакиваешь, встаешь на голову, кувыркаешься и, подобравшись на четвереньках к висящему на стене зеркалу, пытаешься шевелить ушами, высовывать до подбородка розовый язык и безуспешно стараешься напрячь отсутствующие бицепсы, и всякие там трицепсы.

Сегодня мне не терпелось послушать своего кота. Он здорово вопит, когда дергаешь его за хвост! Но Кузя вовремя смылся!

Доставать его из-под кровати было хлопотно и я, шаркая по полу дырявыми тапками, словно на лыжах доехал на них до ванной комнаты.

Там я закалился под горячей водой, съел немного зубной пасты, поменял все зубные щетки местами и чуть-чуть поперчил мыло.

Пора было приниматься за активный отдых, и я, высунувшись в окно, заорал чужим голосом: – Ходют тут всякие! Трам тарарам! – и противно замаякал.

Соседская собака живет на балконе, а кошки приводят ее в легкое помешательство!

Теперь район точно проснется без всяких там будильни-

ков! Правда в воскресенье мало кто ходит на работу, но это детали!

Нынче собака превзошла, самые лучшие мои ожидания и просто давилась от ярости. Вопли ее хозяйки лились мне бальзамом на душу и я, прошедевствовав на кухню, принялся есть из холодильника самое вкусное.

Запив съеденное чашкой крепкого чая я стал раскачиваться на табурете и думать.

– Димон! – сказал я себе, зажав нос прищепкой, – Димон, чем бы тебе таким заняться в такое прекрасное, замечательное утро!??? Может быть поджечь на улице помойку?

Представив себе, густой черный дым и взрывающиеся в бачках бутылки, я расплылся в улыбке.

Но мои намерения тут же были извращены и неправильно поняты вошедшей в комнату мамой (которую я сразу не заметил)

– Правильно, сходи дружок на помойку, а то ведро уже полное, – ласково похлопала она меня по плечу.

– На помойку..... на помойку, – мрачно забормотал я, – человек только встал с постели, даже котика любимого не успел приласкать, а его посылают на какую-то поганую помойку!

– Давай, давай, нечего лениться, а я тебе пока яичницу с жареными сосисками приготовлю, – сказала мама, и я нехотя поплелся одеваться.

– Шорты дырявые! Майка рванная, сандалеты скоро раз-

валяются, носков нет, – шепотом наедине перечислял я свои претензии к маме, и, захватив на всякий случай запасную рогатку, вышел с ведром из квартиры.

Я шел к помойке и нес к ней помойное ведро, но внутри себя я все еще сомневался, стоит ли мне выносить этот дурацкий мусор или не стоит. Я просто измучился от этих сомнений, постепенно замедляясь, пока на полпути вовсе не остановился. Стыренная с кухонного стола конфета скрасила мой досуг, а упавший под ноги фантик навел меня на дельную мысль.

– Зачем существуют дворники? – спросил я себя и недолго думая, вывалил мусор на дорогу.

– Удачно получилось, – радовался я, раскидывая его ногой в разные стороны.

– Дима! Димочка, сынок, подожди! – раздался от нашего подъезда знакомый голос, и я, втянув голову под воротник, приготовился к неприятностям!

Но мама, пролетев мимо меня, бросилась к разбросанному мусору и стала в нем интенсивно рыться.

– Слава богу, что ты его не выбросил в помойку, уж там то я его точно бы не нашла! – хвалила она меня, разгребая картофельные очистки.

– Ура! Нашла! Мое обручальное кольцо.....! – засмеялась мама и, повернувшись ко мне просветлевшим лицом, поцеловала меня в макушку.

– Надо же! – подумал я и пошел домой, на душе бы-

ло немного грустно. Пакость как-то не удалась, получилась стертая хорошим поступком, а поэтому неинтересная.

Впереди меня шла незнакомая девица и я, подкравшись с хихиканьем надел ей на голову помойное ведро.

Она взвизгнула от неожиданности и как слепая курица сделала по инерции еще пару шагов вперед и в тот же момент ей на голову, со свистом рухнул сверху, глиняный горшок с геранью.

Кто-то на четвертом этаже сдавленно охнул-ахнул, а потом старобабским голосом завопил: -Убилаааааааа!
Я.....Убилаааааааа!

– Кого убила!? – глухо спросила девочка из-под ведра. Теперь она стояла на четвереньках, стараясь осмыслить происходящее, и бодала головой с ведром останки герани.

Я молча готовился к встрече с бабкой, героически насвистывая траурный марш Мендельсона. Я собирался ей нахамить, но выбежавшая из подъезда бабка заключила меня в крепкие объятия.

– Спаситель! – залопотала она, – А какой смелый! Не каждый догадается! Горшок уже летел, когда ты, рискуя жизнью, защитил ее ведром!

– Чмок, чмок – обслюнявила она меня, – Чмок, чмок.

– Герой! Аполлон Бельведерский! Рыцарь туманного образа! Куинджи!

Я с трудом вырвался из ее липких объятий, а меня уже поджидала выползшая из ведра девочка.

Она смотрела на меня любящими глазами, и колбасные очистки трогательно свисали с ее растрепанных косичек.

– Давай дружить, – прошептала она, – о мой Квентин Дорвард!

– Хорошо..... но потом... – с трудом выдавил я из себя слова, – ты просто меня плохо знаешь, я жуткий хулиган и никогда не дружил с девчонками.

– Какой ты скромный, – опустила она глаза и часто заморгала ресницами.

– Ладно, давай провожу тебя до дому, – неожиданно для себя предложил я.

– Спасибо! Но я уже пришла! Я здесь живу! На первом этаже! – застенчиво затеребила свою юбочку девочка, – Лучше заходи к нам в гости, я тебе покажу свои игрушки, ну там (она задумалась) в куклы поиграем.

– Ненавижу куклы! Не люблю девчонок! Дружу только с мальчишками, а играю в солдатиков и в войну только за наших! – забубнил я себе под нос, медленно пятясь от своих почитателей.

– Возьмите ведро! Наш принц! – обратилась ко мне бабка.

– Да, да! Конечно! – сказал я и со всех ног бросился домой.

Яичница показалась мне безвкусной, я ел и думал, что со мной происходит!?

Спустя час выйдя во двор я вовремя увидел удаляющийся хвост удиравшего кота и недолго думая достал рогатку, я стрелял почти не целясь, навскидку, уж чего, чего, а искусством стрельбы из рогатки я владел в совершенстве. Приятный вопль влетевшего в забор кота подтвердил точность моего прицела и остроту моих глаз.

– Мастерство не пропьешь! – похвастал я прошмыгнувшей мимо меня малявке, но та, подбежав к забору, заползла на коленках чирикая: – чиф-чиф – что-то разыскивая в высокой траве, а потом, радостно заулыбавшись и бережно прижимая к груди трепыхавшийся комок перьев, подошла ко мне.

– Спасибо добрый мальчик! – закричала она, – вы спасли мою любимую птичку из когтей этого негодного бродячего котищи.

Я собирался с мыслями, чтобы ей ответить, но тут услышал новый голос.

– Бедный котик! – сказала проходившая мимо и остановившаяся над ошеломленным котом женщина, – Ему пушистику плохо, наверное, перегрелся на солнышке или съел какую-нибудь гадость из помойки! Пожалуй, я возьму его к себе!

– У-тю-тю миленький, я буду кормить тебя осетриной! Давно мечтала завести себе такого рыжего красавца!

Они ушли, а я остался стоять. Что со мной происходит!? Почему все то гадкое и пакостное что я делаю, превращается

в благородное и героическое!?

Тут что-то не так!!

Неужели эта старая ночная поганка, эта медоточивая фея со своими сюсями-мусями так мне подгадила!

Ладно, проверим! Что бы такого сделать, что бы уж наверняка!?

Минут через десять план был готов и поражал меня своим нахальством.

Прошагав пару кварталов, я остановился у ювелирного магазина.

Народу в нем было немного, да я и не собирался в него заходить. Я просто нагнулся, поднял с земли булыжник и швырнул его в отполированное безбликовое стекло!

Тут же заверещала сигнализация, а по витрине поползли шикарные трещины!

Вдалеке ей завторила милицейская сирена и вскоре слышался приближающийся визг тормозов. Люди из ювелирного магазина тоже выбежали. Сразу бросалось в глаза, что они сильно расстроены, настолько расстроены, что даже не заметили меня, а сразу бросились в ближайшую подворотню.

Вскоре оттуда заверещали милицейские свистки, и бабахнула пара выстрелов.

Все это было крайне подозрительно, но я стоял и ждал приезда милиция. Правда, когда они выехали юзом, на ды-

мящихся шинах, из-за угла, я немного струсил.

Затормозив у входа в магазин, милиционеры посыпались из машины как грибы из корзины. По-моему, их было в ней человек семь, не считая водителя. Все семь были вооружены до зубов автоматами, резиновыми дубинками и газовыми баллончиками. Шесть из них сразу исчезли в недрах магазина, а один облокотившись о машину, закурил.

Набравшись смелости, я подошел к нему и срывающимся от волнения голосом честно признался: – Это я кинул камень.

– Молодец парень! Не растерялся! – обнял меня подоспевший из подворотни милиционер с майорскими погонями, – Мы с твоею помощью сынок, обезвредили опасных преступников, самую зловредную банду грабившую ювелиров. Я за ними полгода гоняюсь! Если бы не ты они опять бы скрылись!

Ночью я не мог заснуть, ворочался и все ждал фею, но она, гадина, не прилетела.

На следующий день, едва проснувшись, я, набрал по телефону ноль два и позвонил в милицию: – Ало! Заверещал я, милиция!?! – И притворяясь страшно взволнованным, сказал дежурному, что мост через Москва реку заминирован.

Через три часа нашу квартиру осадили журналисты и телевидение, а генерал ФСБ благодарил меня по телевизору за бдительность.

От моста с мигалками вывезли двенадцать грузовиков со взрывчаткой, оставшейся с войны, а куча экспертов в вечерней аналитической программе чуть не передрались споря до хрипоты слетели бы при взрыве звезды с кремля или же не слетели.

Меня, моих маму и папу допрашивали три недели, а затем представили к наградам.

Все повсюду заговорили, какой я хороший и смелый мальчик!

Спасенная девочка и старуха стали телезнаменитостями, расхваливая меня за врожденную скромность!

Милиция благодарила за неоценимую помощь в поимке грабителей, а малютка-девочка показывала журналистам своего дурацкого чижики пыжика вырванного мною из когтястых лап рыжего разбойника.

Мало того, меня стали ставить в пример другим мальчикам и девочкам, как самого умного и славного!!!!??

И тогда я понял что погиб! Погиб как хулиган! Разве можно стать хулиганом в таких недопустимых условиях!

Я тут на днях ударил палкой по спине, какого то еле двигавшегося парня и он бросился мне на шею со слезами благодарности!

Оказывается, при ударе у него вправился какой-то позвонок, с которым он уже год как мучился! Думаю, если бы я дал ему в глаз, у него бы прошла близорукость!

Представляете, что за жизнь у меня наступила!!!!????

Теперь я не бью стекло, не кричу в бассейне – Пожар! – потому что если я это сделаю, то потом меня долго будут благодарить пожарники за своевременное предупреждение.

А враги!?! Если я дам в нос врагу, то непременно избавлю его от гайморита или насморка!!!

Чем больше я дерусь, тем больше у меня появляется друзей! И скоро мне не с кем будет драться!! Просто кошмар!!!

Все-таки фея добилась своего! И я ей, если честно, по большому счету благодарен.

Не сразу, но я ее понял.

Оказывается, делать людям добро намного приятнее!

Со временем я научился пользоваться даром феи на пользу другим.

Но это совсем другая история.

Усыновление барбоса

После школы сразу идти домой не хотелось. Весеннее солнышко высушило весь асфальт. Голубое глубокое небо с белыми облаками и такой свежий и веселый воздух. Мы гонялись друг за другом, пинались, дрались портфелями. А потом потные подошли к ларьку и стали требовать наперебой у продавщицы фанту и печение.

Привыкшая к суматошной школе, полная накрашенная тетя Феня между делом обсчитала Мишку на тридцать копеек и тот застыл перед нею столбом складывая в уме покупки.

Когда его внутренний калькулятор выдал ошибку, окошко ларька было закрыто на обед, а тетя Феня затаилась.

– Я ей точно ларек подожгу – мстительно пнул его Мишка. Тетя Феня почему-то всегда обсчитывала только его из нашей компании.

– RRRРГАФ – требовательно раздалось где-то внизу и из-за помоек показалась разбойничья морда какого-то барбоса.

– RRRРГАФ – сел он перед нами на задницу, нетерпеливо перебирая передними лапами и подметая хвостом валяющиеся на дороге окурки.

Прохиндейские глаза весело на нас смотрели и требовали – дай пожрать.

Лохматое криволапое чудище голодно сглатывало слюну, прицелившись карим глазом в мое печенье.

Барбос, на мой взгляд, был милый и смешной, он быстро проглотил всю пачку печенья и даже сжевал обертку, шумно обнюхивая ее. Затем его влажный нос ткнулся в мою руку. Пес благодарно облизнулся и даже дал мне себя погладить по голове, хотя и прижал от страха свои огромные уши.

Мишка ревниво смотрел то на меня, то на подобревшего от жрачки барбоса, после чего предположил что у того лишай, бешенство и вши.

Барбос стойко выслушал все Мишкины обвинения, завертелся вокруг своей оси пытаясь догнать свой хвост и задницу, энергично щелкая зубами в поисках кусачих блох.

Посмеиваясь, мы пошли в направлении дома, а оглянувшись у подъезда, вновь увидели его.

– Придется взять его к себе, как-то позабыв о родителях, опрометчиво пообещал я, и барбос последовал за мною в подъезд. Только тут я почувствовал, как от него тянет псиной и вблизи рассмотрел его пыльный весь в репейнике и каких-то опилках, зад. Похоже, там еще висело засохшее говно.

В любом случае это чудо надо было срочно помыть, пока оно не запрыгнуло на мамины белоснежные простынки.

Понятное дело я еще снимал ботинки, а этот бандит стал бодро обнюхивать коридор, а потом, наткнувшись на зашипевшего от негодования и ужаса кота, стал обиженно лаять.

– Кузя познакомься это Вася, нарек я барбоса мальчишеским именем. Но Кузя, забравшись на вешалку, скворчал как

сковородка и возмущенно на меня смотрел.

То, что я посмел привести в дом собаку, он воспринял как предательство и явно обдумывал планы будущей мести в виде обоссанных тапок и загаженной постели.

Погрозив ему пальцем, я бросился за псом, который, встав на задние лапы, засунул свое наглое рыло в стоящую на столе кастрюлю.

– Стой! – заорал я – это мой обед!

Но он лишь сыто облизнулся, по уши, погрузившись в еду.

Он чавкал и даже похрюкивал от удовольствия. Никто его на помойке не научил, не быть таким наглым.

С вешалки на меня тарачил глаза Кузя. Он словно мне говорил – Вот видишь, чего ты натворил! Теперь-то ты точно выгонишь эту прожорливую сволочь.

– Вася пошли мыться – строго сказал я барбосу. Но Вася, сыто икая и бурча животом, мыться не хотел. Более того, увидев открытый кран, он пришел в ужас и чуть меня не укусил.

Теперь в квартире гундосило целых два недовольных животных. Кузя сверху и Вася из-под стола.

Я попытался надеть на него веревку вместо ошейника, но он уперся всеми четырьмя ногами и не собирався из-под стола выходить.

Съев колбасы прямо из холодильника, я пошел делать в свою комнату уроки, но этот мерзавец завыл. Выскочив в коридор, я увидел его перед дверью рядом с огромной кучей

говна посередине такой же огромной лужи.

Васе надоело сидеть дома, и он собирался отправиться на родную помойку. И тут я почувствовал такую огромную радость, от того, что мне не придется его выкидывать пинком под зад из квартиры, просто мне надо изловчиться, не замочив носки открыть входную дверь.

– Прощай Вася! Слава богу, тебе скучно с нами! – прокричал я ему вслед.

Вася, не оглядываясь, бодро затрусил по лестнице вниз, а я со вздохом закрыл дверь. Мне предстояло глубоко осознать и пожалеть о своих опрометчивых действиях.

Васино говно островом высилось перед ногами. Кузя, умываясь, смотрел на меня круглыми глазами. Наверное, он думал, что можно меня теперь простить и даже пожалеть. Вася отомстил за него так, как он и за год не смог бы нагадить.

Бандитские страсти в городской больнице

Доктор явно был бандит!

Он все время шушукался с нашей медсестрой Мариной и подозрительно косил глазами. Да и вообще он был противный и облезлый, как и полагается быть нехорошему человеку. Руки у него торчали как у пугала в разные стороны, и он ими постоянно кого-нибудь мучил.

Мальчику из соседней палаты он так надавил на живот, что у того вылез язык до подбородка, а глаза и по сей день выпучиваются.

У меня пресс, мне не страшно – хоть кулаком бей, а вот Толик – рыхлый как тесто карапуз при одном взгляде на него трясется. Правда злые языки говорят, что это у него после удара по голове палкой, но я не верю, потому что раз эта палка при ударе сломалась, значит, она была непрочная и вреда нанести не могла!

Ну да это неинтересно. Самое интересное, что сегодня этот доктор-бандит явно чего-то замышляет, даже рожу побрил!

Ничего, я его без присмотра не оставлю, главное ночью с него глаз не спускать!

Весь день мы с Алешкой (он тоже в больнице лежит), за ним следили, разговоры подслушивали, да ничего из них не поняли.

Зато после отбоя, ровно в полночь – Бум, бум, бум! – мы босиком в трусах, прямо с кровати переползли на гладкий

линолеум пола и заскользили по нему на четвереньках в коридор.

В полутьме тускло мерцала лампа на далеком столе дежурной медсестры, и мы босиком, небольшими перебежками направились к нему.

Тихо, очень тихо мы вползли в освещенный лампой круг и затаились.

Приятное волнение от опасности холодило кровь, и зябко передернув лопатками, я осторожно выглянул из-за угла.

– Так я и знал – медсестры за столом не было и я, приподнявшись, на цыпочках, вытягивая от любопытства шею, подкрался к приоткрытой двери.

Черной дырой зияла щель в медсестринскую и оттуда, чуть поскрипывая, ко мне тянулась мертвая тишина!

Схватившись за ручку, я медленно начал открывать эту дверь, когда кто-то положил свою ледяную руку на мое голое плечо!

Взвизгнув, я подпрыгнул на два метра и, врезавшись лбом в притолоку, осыпался на пол.

Пока я пытался убежать по воздуху, внизу гнусно хихикал мой напарник, он, видите ли, пошутил – Придурок!

Мы долго бы с ним шипели друг на друга и переругивались, но тут в комнате застонали пружины, заскрипела кровать, и кто-то стал ожесточенно чесаться.

Нас словно ветром сдуло под стол, и мы тревожно затаились.

А из комнаты слышались невидимые шаги!

Кто-то большой и бестелесный щелкнул выключателем, и нашему взору предстали тощие волосатые ноги в тапках. Эти ноги нервно заходили вдоль стола, а голос сверху хрипло сказал: – Наверное, показалось!

Затем ноги повернулись к нам пятками и сверху капризно зашептали: – Все же нам надо быть поосторожнее Марина! Я тебя предупреждал.

– Да брось ты! Никто в такое время по коридорам не шляется, разве только мальчишка какой в туалет соберется! – стал успокаивать его женский голос.

– Ты плохо его знаешь, я с ним раньше работал, если Федор хоть что-нибудь заподозрит, он нас убьет! Ему для этого никаких улик не понадобится.

– Не бойся, уверяю тебя, никто ничего никогда не узнает, а даже если и узнает, то кто в это поверит.

Они это говорили, а мы тряслись от ужаса под столом.

Я сразу узнал голос бандитского доктора и понял, что мы находились на краю гибели.

Мы слушали их зловещие тюремные разговоры, а стол так, и подпрыгивал от нашей неустрашимой храбрости.

– Ты слышал? – посеревшими губами спросил меня спустя вечность Алешка, – Пора смываться из этой больницы!

– Нет, – сказал я, храбро выглядывая из под стола, – нас двое и мы сильнее его! Сейчас как скрутим! Главное его чем-нибудь тяжелым угостить! Неожиданно! – Кирпичом к при-

меру.

.....Ладно, пойду, поищу!

Я уже выполз из-под стола и на четвереньках запутешествовал к санитарной комнате, где имелись в наличии швабры, ведра и прочие полезные для атаки предметы, когда меня кто-то ухватил за трусы.

– Отстань! – лягнул я своего не в меру шутового друга ногой. Но меня не отпускали.

– Ты чего разгуливаешь в одних трусах по коридору!? – задал мне вопрос нехорошо-знакомый голос.

Если раньше мурашки были у меня только на спине, то теперь они заползали по мне всему, даже уши стали в мурашках.

Перевернувшись на спину, я чуть не закричал от ужаса!

Надо мною, склонившись, стоял врач-бандит!

Отталкиваясь пятками и локтями, я заскользил от него по линолеуму и тут же уперся спиной в холодную стену.

– Чего ты делаешь ночью в коридоре! – зловеще переспросил кровожадный врач-убийца, и его здоровенные, волосатые руки медленно потянулись ко мне!

Вблизи его скрюченные пальцы показались мне огромными, кусать их было противно, а орать я не мог от страха.

Я вдруг показался себе очень маленьким и беззащитным, несмотря на мой пресс и там всякие бицепсы трицепсы.

Я боялся, но парализовавший мои движения страх не мешал мне думать, и я соображал, соображал и успел сообра-

зить еще до того, как эти страшные руки дотронулись до меня.

– Вот в туалет захотелось, – пролепетал я, – а что, разве нельзя?

– А почему на четвереньках!? – удивился он.

– Да так.....– пожал я плечами, – захотелось.

– Захотелось!? – вытаращил он глаза, – В первый раз вижу мальчишку, который ходит в туалет на четвереньках.

Я благоразумно молчал, чувствуя, что сморозил глупость, а бандито-доктор с треском почесав свою облезлую репу, проговорил: – Ладно, быстро туда и обратно и что бы сразу в постель, я проверю!

– Хм, захотелось!! – несколько потрясенно произнес он, провожая меня взглядом.

Пока он разговаривал сам с собой я, не чуя под собой ног, стремительно преодолевал пространство от него до унитаза.

После пережитого страха толчок показался мне родным и уютным, я просто прилип к нему, прикипел душой, размышляя, а не удрать ли мне пока не поздно по водосточной трубе.

Нелегко было покидать насиженное место, но не оставаться же здесь на всю жизнь. Я представил, как обо мне напишут газеты, мальчик умер от голода в туалете, выслеживая особо опасного преступника, и мне это совсем не понравилось!

С опаской я выглянул в коридор. Тишина, тепло и никого нет. Шлепая босыми ступнями, я помчался в родную палату и вскоре стоя на четвереньках, разыскивал под кроватя-

ми своего храброго друга. Увидев меня, он перестал притворяться валенком и сразу выполз в мои объятия.

– Пошли дальше следить, – предложил я

– Ну, уж нет! – решительно отказался тот

– Трусишь!? – пристыдил я его.

– А ты нет? – сердито спросил Лешка.

– Не знаю! – честно признался я, но если мы его не выследим, то нам будет стыдно всю жизнь!

– В кино всегда как-то легче – вздохнул мой друг.

– А нам медали дадут и еще пистолеты именные с разрешением, что бы в школу носить! – мечтательно прикрыв глаза, сказал я.

– Пошли! Чего сидеть! – заторопился Лешка.

И мы пошли!

Вначале в санитарную комнату, где я вооружился самой увесистой сучковатой шваброй, прихватив вместо щита крышку от ведра. Лешке досталось протершееся от употребления старинное эмалированное судно, и висевшая на крючке резиновая клизма с предлинняющим резиновым шлангом.

Теперь мы были не кучкой запуганных больницей мальчишек, теперь мы стали регулярной армией, и пол содрогался под нашей могучей несокрушимой поступью.

Мы успели вовремя! Медсестра в темной комнате как раз закричала: – Ой...ой...ой! Больше не могу! – а он с рычанием на нее накинулся и вроде бы начал душить.

Мы подкрались незаметно. Как гром в ясную погоду на

его голову!

Медсестра, закрыв глаза, тяжело прерывисто дышала, а над ней нависал ненавистный доктор.

Он, почему-то забрался к ней под одеяло и садистски кряхтел и сопел, вцепившись в медсестру своими страшными руками.

Наша помощь подошла вовремя!

Швабра с высоты птичьего полета врзалась в его затылок словно бомба!

Еще звенела ударившаяся об его лоб ведерная крышка, а клизма прыгала по кровати как лягушка, а он, почему-то неубитый и почему-то без штанов убежал торопливо вдаль, а мы вопили на всю больницу: – Караул, убивают! Милиция!

Но тут из дверей выскочила, почему-то совсем не замученная медсестра Марина и погналась за нами, крича, что мы хулиганы.

Странная она все-таки! Наверное, сообщница! Мы ее спасли, а она нас в благодарность за уши отгаскала.

Но самое удивительное, что этот бандит через день на работу вышел, я как его увидел, чуть с кровати не свалился! Все-таки плохо у нас работает милиция!

Шпионская история

В последнее время развелось столько шпионов! Просто ужас!

Я раньше не замечал как-то! А тут на каждом шагу расплодились! Мы с ребятами даже штаб организовали под кодовым названием ШКАП – шпионам капут (расшифровывается) В него вошли я и Мишка, оба командирами! А больше в него никто не вошел потому что, видите ли, им рядовыми не хочется быть!

Работа нам предстояла трудная и не очень благодарная.

Вообще шпион это страшная штука! Его сразу не распознаешь, потому что он прячется. Иногда так запрячется, что его даже свои найти не могут.

Вот я слышал, в одной зарубежной стране случай был.

Послали туда из другой страны шпиона и потеряли. Искали тридцать лет! Нету! Устали, конечно! Ну, их главный по разведке и говорит: – Умер, наверное, наш шпион смертью храбрых. – Поставил ему памятник, орденом наградил и позабыл.

А тут во вражеской стране перевыборы. Нового президента избрали! Вот он, этот президент, и приезжает в ихнюю страну с визитом. Охраны взял целую кучу! Всякие там ниндзя ногами дрыгают – подпрыгивают, снайперы на деревьях сидят, даже пушку с собой привез суперсекретную, которая только врагов убивает.

Ну, днем он с вражеским президентом поговорил, чайку

вместе попили, потом подрались немножко и по своим резиденциям разошлись.

А ночью, как только часы двенадцать пробили, тот приехавший президент из постели вылезает, кнопкой свою охрану вызывает и говорит: – Вы тут посидите маленько, в шашки поиграйте, а я один по улочкам прогуляюсь.

Вышел в город и исчез!

Три контрразведки его искали! Даже наша милиция! Не нашли! Нету его и баста!

Представляете, чего тут началось!

Та страна на эту кричит, президента назад требуют, войной угрожают, а те руками разводят: – ничего не знаем – говорят.

Ну, корабля по три они друг у друга потопили – успокоились. Те, у кого президента не стало, нового выбрали и о старом позабыли.

А через десять лет, когда документы рассекретили, оказалось что в ту ночь президент, вместо того чтобы по улицам шляться да свежим воздухом дышать, напрямик пошел к начальнику вражеской контрразведки, достал из потайного кармана смятый документ, раскрыл захваченный с собой чемоданчик с суперсекретными материалами. Фуражку из-за штанов достал, руками разгладил, себе на голову надел. Ногами в лакированных ботинках щелкнул и честь отдал!

– Ваше задание товарищ генерал выполнено! Прошел в высший эшелон власти! Устал вусмерть! Ностальгия заму-

чила! Хочу на родину к маме и папе!

Ну, тут его генерал обнял, еще пару орденов дал, вместо отмененного памятника, и говорит: – Родина вас не забыла! Идите назад! Будете нам по дипломатической почте всю их вражью информацию передавать! Вы ведь у них президент – самое лучшее прикрытие.

Ну, тут президент заплакал, ногами затопал: – Хочу домой! Прошу политического убежища!

Что тут делать! Отправили его к маме и папе, а потом в тюрьму посадили, как двойного агента!

Он оказывается, и на ту страну тоже работал!

Вот какие истории бывают! Но это редко! А так шпионы, если к ним присмотреться очень даже легко вычисляются.

Во-первых, они где-нибудь обязательно работают и притворяются нашими. А после работы шпионят. Всюду ходят, что-то вынюхивают, где-то подсматривают. Иногда даже в целях маскировки пьяными прикидываются и в лужах лежат.

Кстати это они хитро придумали. Найди себе лужу поближе к секретному объекту, водолазный костюм под одежду надень и лежи себе подсматривай. Никому в голову не придет что это враг! Сразу скажут: – Наш! Родной! Товарищ!

Вот мы с Мишкой одного такого уже третий день пасем.

По утрам он чистенький и трезвый, а вечером пьяный и грязный. Сразу видно с задания (шпионского) возвращается!

Вчера он весь день, зачем-то искал пустые бутылки, что тоже очень подозрительно!

Сами понимаете! Бутылки можно найти где угодно, они у нас валяются повсюду! Можно и к заводу секретному подкрасться, даже через забор находящийся под электричеством перелезть.

Если вдруг поймают, всегда оправдание есть – Бутылки собирал! Забора не заметил!

Вообще хитрющий этот тип! Вчера с бабкой какой-то остановился поговорить, а когда мы поближе подкрались, он чтобы отвести от нее подозрение и направить нас по ложному следу, вдруг как треснет ее по лбу свернутой газетой, вдруг как заорет на нее: – Ах ты старая дура! Да чтоб я.... да чтоб тебя...!

Ну, мы эту бабку заприметили. Даже узнали, где она живет! Так что скоро вашему шпионскому гнезду господя вражеские агенты – каюк! Что в переводе на наш язык – капец!

Мишка считает, что уж сегодня мы точно его расколем, потому что сегодня воскресенье, а по воскресениям все порядочные шпионы назначают своим сообщникам встречу на явке, потому что это не подозрительно!

По воскресеньям мои мама и папа тоже ходят в гости, но, по-моему, они не шпионы, потому что они хорошие!

И вот мы следим сегодня за ним с перерывом на завтрак, обед и полдник, то есть практически постоянно! И фиксируем его контакты.

Правда нам приходится периодически переодеваться то в бабушек, то в дедушек, а сейчас я изображаю второклассницу, но это ничего! Это окупится! Слава мне не нужна! Орден я сразу спрячу к себе в шкафчик, что бы даже мама не догадалась! Когда стану старым, выну, полюбуюсь (как разведчица в фильме) и опять спрячу – Секретность!

– Уф! Этот тип играет в домино второй час! Я уже устал прыгать через прыгалки! А тут еще эта приставала, эта противная зануда с дурацким именем Ляля! – Завет меня поиграть в классики! Мишке то что! Ему хорошо! Он сейчас дебила изображает, все от него шарахаются!

– Ну наконец то! Ура! Наш шпион наигрался! Встает! Чего-то передает толстому пенсионеру! Вот оно!

Преследуем пенсионера! Очень подозрительно толстого! Ага, оглядывается! Матерый! Интересно, в каком кармане у него пистолет и нож! Бр..р..р – за пазухой наверняка! Большой такой с зазубринами на тусклом изогнутом лезвии – я такой в фильме видел!

– Ой! Чего-то мне страшно сделалось, коленки подгибаются. Ну почему я!? При свете солнышка! Во цвете лет, в расцвете сил должен рисковать жизнью из-за какого то поганого шпиона. Эх, будь бы у меня пистолет, я бы его застрелил немножко, а теперь приходится идти на него в рубашке и шортиках, без грима, как и полагается мальчику десяти лет.

Оглядываюсь назад. Мишка отстал – сильно! Он теперь изображает хромого и не очень торопится!

А этот бандит в облиии пенсионера, этот хладнокровный убийца с кривым ножом за пазухой и пистолетом в кармане несет суперсекретные сведения своей шпионской радистке!

– Мишка! – сиплым шепотом кричу я другу, – Мишка быстрее!

С замиранием сердца мы ныряем в темный подъезд и крадемся на цыпочках по лестнице вверх, слыша над головой удаляющиеся шаги – Бум, бум, бум!

Со скрипом открывается и захлопывается тяжелая дверь на последнем пятом этаже! Неужели мы опоздали!? Скорее, ну же скорее!! Теперь перебежками и по-пластунски к двери. Надо узнать! Надо услышать! Хоть что-нибудь!

Я встаю на подламывающихся ногах и плотно прикладываю ухо к теплому дерматину! До меня доносится звук включенной воды и аппетитный перезвон ложек о посуду. Мы почти у цели! В логове врага!

И тут сдавленно охает Мишка, а мои уши почему-то отрываются от дерматина вместе с ногами, закрыв глаза, я хочу завопить от страха, но мне зажимают рот. Я болтаюсь в воздухе на своих подтяжках и явно спускаюсь вниз. Темный подъезд кончается, и меня опускают ногами на нагретый солнцем асфальт, один сандалет потерялся и босая нога ощущает его приятную шершавость. Вокруг голоса, но мне по-прежнему темно! Ах да, надо открыть глаза!

Осторожно приоткрыв глаз, я незаметно осмотрелся – Куча народа, мальчишки и бабки, столпились вокруг нас с

Мишкой и галдят.

Передо мной стоит взрослый парень лет пятнадцати в джинсах и майке, в руке сандалет.

– Твой? – спрашивает он меня.

– Мой – обретаю я дар речи.

– Носи дальше! – говорит он, и, оборачиваясь к толпе, объясняет, – Вот шпионов поймал! Они за моим дедом от самого сквера следили!

Куриное дело

Дело происходило на пляже. Образовав круг, мы играли в волейбол.

Классная, на мой взгляд, игра, тут и попрыгаешь вволю, и поорешь на друзей во всю глотку. Этим приятным делом я как раз и занимался, когда к нам из деревни пришла делегация – Два деда в валенках на босу ногу и одна бабка лет семидесяти.

Странновато они выглядели на фоне прыгающих в одних плавках мальчишек! И это в середине июля!

– Смотри, предки пришли купаться, – рассмеялся стоявший рядом со мною Серега, и, отвлекшись, получил в лоб мячом.

– Вот зараза! – ощупывая голову, пробормотал Сережка, а мяч, закончив полет, звонко шлепнулся в воду.

– Ты кидал тебе, и доставать! – закричали ему ребята и он, размахивая кулаками, помчался за самым горластым из мальчишек.

Игра сама собой закончилась, и мы, с Джамбулом забравшись по уши в реку, словно крокодилы, наблюдали за странной тройцей, гадая, чего им от нас нужно.

Вы, конечно, спросите, с какого перепуга мы решили, что эти чудики пришли за нами? Да потому что мы с Джамбулом самые знаменитые сыщики этого захолустья!!!

Не успели мы, выйдя на берег зарыться в горячий песок, как они подошли к нам и смущенно обратились к греющему свое необъятное пузо Джамбулу.

Меня они так и вовсе не заметили, спасибо не наступили, а перед Джамбулом стелились!!

Я обиженно уткнулся носом в песок, и, наострив уши, стал слушать.

Оказывается в соседней деревне кто-то или что-то повадилось таскать кур! Вначале грешили на жившую в лесу лилицу, потом на серого волка. Но куры стали пропадать не только ночью, но даже среди бела дня!

За последние две недели их дворы не досчитались двадцать несушек и одного не в меру гулящего петуха.

– Волка я сама давеча видела! Ужас! – богобоязненно перекрестилась бабка, – Глаза как дырки и горят словно конфорки, Я со страху чуть не обделалась, а он на задние лапы встал, да как завоет, да как побежит.

– Это волк-то! – дернулся от возмущения я.

– А ты пацан, лежи и не подслушивай! – погрозил мне когтястым пальцем валенко-дед.

На что Джамбул сказал этим врунам, что я его помощник. Представляете!!!? Не напарник, а помощник! Нет, он у меня сегодня точно получит!

Мне даже расхотелось их вранье дальше слушать, так я обозлился!

Нырнув в прохладную воду, я мысленно продолжал ру-

гаться – Хватит с меня! Сыт по горло! Кто у нас главный, у кого самые умные мысли! Это все моя проклятая скромность! А Джамбул редиска!

Минут через пять, выбравшись на берег, я молча прошел мимо Джамбула и, собрав свои вещи, не оборачиваясь на его крики, зашагал домой. Он что-то орал мне вслед, но я, гордо вздернув нос, делал вид, что его не слышу.

– Так тебе и надо, Джамбульчик, – бубнил я себе под нос всю дорогу, – дружи если хочешь со всякими старушками, слушай их бредовые сказки и лови до зимы синих вурдалаков. Один! Можешь, правда, дедов в валенках в помощники взять – так для разнообразия!

– Интересно, а в чем они зимой ходят!?! – последний вопрос так насмешил меня, что я захихикал! – Ну, до чего же я остроумный!!

У дома меня все же нагнал весь растрепанный и растерянный Джамбул, ему, видите ли, было не понятно, почему я обиделся, он оказывается, не подумал что напарник и помощник не одно и то же.

– Давай помиримся! Ты мой единственный друг! – грустно сказал он, умоляюще глядя мне в глаза, – Первый и единственный, на всю жизнь!

Разве мог я на него после этих слов дуться!

Остаток дня мы посвятили разработке плана действий. История с похищением кур выглядела странной, и нам необ-

ходимо было побывать на месте преступления, собрать хоть какие-то улики и опросить жителей обо всем, что им известно.

На том и порешили.

Лежа на раскладушке, на веранде, глядя на звездное небо, под шелест ветра и листвы я незаметно уснул.

Этой ночью пропало сразу две курицы!!!

Когда мы приехали на велосипедах к месту преступления мы увидели затоптанную множеством ног поляну. У курятника наблюдалась такая же картина!

В общем, жители деревни показали свою поголовную криминалистическую неграмотность. Джамбул долго объяснял им новые правила, после чего они на цыпочках удалились.

Вообще жители деревни были не на шутку напуганы. Сегодня ночью снова появлялся черный огромный волк и в двух руках утащил кудахтавших спросонья очередных кур.

В центре деревни мы увидели приходского священника, разбрызгивающего во все стороны святую воду из ведра. Он освещал крестным знаменем каждую из четырнадцати хат этой процветающей деревни.

– Совсем сбрендил охламоны, – шепотом поделился он с нами сокровенными мыслями.

Черное уныние встречали мы и на местных лицах, им уже было не жалко кур, лишь бы самих не съели.

Увидев такое, мы срочно занялись окрестностями, но ни-

каких следов не обнаружили.

Разумеется, мы мало верили в рассказы полоумных старух и непросыхающих от пьянства дедов (больше в деревне никто не жил), но раз куры пропадали, то значит их кто-то ел!

На ночь мы решили устроить засаду, но для этого нам необходимо было вернуться домой, сделать определенные приготовления и тайком удрать из своих комнат.

Стояла полная луна и звезды, густо рассыпанные по черному небу, таинственно сияли над нами. В кромешной темноте мы въехали в деревню.

Электричество сюда забыли провести еще пятьдесят лет назад, и окна хат были мертвыми. Лишь в некоторых из них мерцал свет керосиновой лампы.

Когда мы прятали за забором свои велосипеды, ночную тишину разорвал тоскливый протяжный вой, и мы затряслись от страха.

Прошли, напряжено тикающие минуты, но ничего ужасного не произошло. Мы обрели силы пошевелиться и нервно захихикали, но тут где-то треснула ветка и мы вновь онемели. Затем кто-то большой и толстый, пыхтя, прошлепал босыми лапами до деревянного сортира и застрял там на полчаса.

Вскоре мы осмелели настолько, что принялись рассказывать друг другу анекдоты и вполне бодрые встретили рано

наступившее утро.

Несколько разочарованные мы поглядывали на часы – половина четвертого! И никого! Словно вор догадывался о нашем присутствии.

До этой ночи он появлялся регулярно!

Через час я зевал во весь рот и хлопал уставшими глазами. В таком состоянии я не увидел бы перед собой слона, не то, что несчастного воришку, зато Джамбул увидел!

Он даже заикаться стал, когда увидел, только тыкал меня кулаком в бок, указывая на дорогу, и говорил: – Ва...ва...ва...

Увидев Ва...ва... я вытаращил глаза и стал объяснять Джамбулу что это: – Гы...гы...гы...!!!

Потом мы оба заорав: – А.....А.....А... – бросились на утек.

Остановились мы только в лесу и, взглянув друг на друга, заверещали от нервного смеха. Да видок у нас был еще тот.

– Ты видел его? – успокоившись, спросил Джамбул.

Я кивнул. Меня до сих пор брала оторопь от жуткого зрелища. Старухи оказывается, совсем не врали и уж точно не преувеличивали. Такое страшилище я наблюдал только на телевизионном экране при просмотре третьесортного ужастика.

Неужели они существуют на самом деле!? – ужаснулся Джамбул.

– Бр..рр! – передернул я плечами.

И тут мимо нас, вновь остолбеневших от ужаса, шумно промчался по тропинке давешний монстр!! Он бежал, как будто за ним гнались черти, собиравшиеся затащить его обратно в преисподнюю!!

И у него было две головы!!!

Две! Я мог поклясться!

Одна волчья, а вторая лохматая с черными усами и бородкой клинышком!

– Ты видел? – задал я вопрос другу, – Перевоплощается!!!!!!

Но тот, упав на четвереньки, уже обнюхивал след.

Я наклонился, собираясь увидеть, что ни будь вроде копыта, но увидел совсем не то, что ожидал!

– Ботинок! Сорок пятого размера! Вот падла! – запрыгал Джамбул по земле как ищейка.

– Ты хочешь сказать.... – дошло до меня.

– Да! Да! Да, черт возьми! – в восторге завопил мой друг, – Ну теперь то мы его точно поймаем! Прямо сейчас и схватим этого прохвоста!

– Прохвоста за его фальшивый хвост! – исполнил я вокруг Джамбула дикий танец! – Ну погоди куриный истребитель!! Мы за тобой идем!

И мы пошли!

Нам даже нагибаться не пришлось, так красиво отпечатался его след на дороге!

Мы миновали какую-то заболоченную речушку, прошага-

ли вдоль поля и свернули в реденький лесок на пригорке.

Там след терялся в густой траве, но нам он уже был не нужен!

Совсем рядом, за кустами, на маленькой опушке кто-то пел густым баритоном арию Мефистофеля из оперы Фауст.

– Люди гибнут за металл! Люди гибнут за металл! Ха-ха-ха...

Встав на четвереньки, мы осторожно по очереди выглянули из-за куста.

Вот он родименький! Рядышком! Радостный и ничего не подозревающий! Уже освободившийся от волчьего костюма! В штанишках и без тапочек!

А вон и шкурка плюшевая лежит, на солнышке сушится!

Мы застали разбойника за занятием, ярко указывающим на его ближайшие планы.

Находящаяся в глубоком обмороке курица вяло шевелила своими связанными лапками, не подозревая о своей печальной участи, а похититель кур – солидный дядька лет пятидесяти стоя на коленках, раздувал под котелком костер.

Рядом, на расстеленной газете лежал пакетик лаврушки, баночка с солью, горошины черного перца и прочие ингредиенты для приготовления наваристого куриного бульона.

– Руки вверх! – неожиданно ткнул его пальцем в спину подкраившийся Джембул, и похититель, издав сдавленный вопль, тут же поднял руки. Затем, театрально схватившись

за горло и закатив глаза, он свалился замертво на зеленую травку.

– Чего это он!?? – ошеломленно оглянулся мой друг.

– Воры, они все нервные! – подумав, предположил я, – Вон, давеча дед Федор тоже откинулся.

– Давай его свяжем, пока он в этом самом обмороке, – почесав макушку предложил Джамбул.

– Давай, – согласился я, и мы быстренько обмотали пленника найденной тут же веревкой.

Что бы он ее, не дай бог, не перегрыз мы, посоветовавшись, надели ему на голову авоську, зацепив ее ушками за торчащие на дереве сучки.

– Ну вот, так оно спокойнее, – с облегчением выдохнул Джамбул, – теперь можно заняться делом.

И сорвав травинку, он принялся щекотать похитителю ноздри.

Вскоре раздался рычащий чих, и на нас с ели посыпались шишки.

– Небо в клеточку! Что с моими глазами! Где я!? – завопил, вращая глазами очнувшийся похититель.

– Успокойтесь! Пока вы еще не в тюрьме! – начал его утешать мой приятель.

– Прекратите хулиганить,дети... – скосив глаза в мою сторону строго сказал злоумышленник и стал грызть авоську.

– Не смейте грызть авоську, она у меня последняя!!! –

предупредил его Джамбул.

– Мне наплевать, что она у тебя последняя! Хулиган! Вредитель! – раздраженно огрызнулся тот, но авоську грызть перестал.

Пошевелив руками и ногами и напрягшись, он понял, что самостоятельно не освободится, и сердито надулся.

– Вы меня похитили! – спустя три минуты заявил он загробным голосом, – За это вас посадят на тридцать лет в тюрьму! Будете жить там в железной клетке как обезьяны и хавать гнилую капусту!

– Мы вас арестовали на месте преступления, – высказал иную точку зрения Джамбул.

– Я ее купил! – быстро взглянув на очнувшуюся курицу, соврал похититель.

– И где же вы ее купили? – ехидно поинтересовался я, – Может сходим в деревню и вы нам покажите?

– Нет! – решительно отказался похититель, – Мне некогда!

– Почему вы воруете кур именно из этих мест? – спросил я его.

– Здесь они вкуснее, – после некоторого раздумья приободрился он, – суп из них получается наваристый, и вообще они тут экологически чистые.

Облизнувшись, он перевел расслабленный приятным воспоминанием взор на курицу и вдруг забился в авоське!

– Эй, не вздумай ее отпускать!! – заорал он на Джамбула, –

Я на нее охотился три дня и умираю с голоду!

– Так как ваше имя? Чем вы занимаетесь в свободное от воровства кур время? Место вашего рождения, где и кем работаете? – приступил к допросу Джамбул.

– Не скажу! – гордо отвернулся разбойник, но тут Джамбул пощекотал ему соломкой в ухе и тот заерзал хихикая.

– Ну, так как ваше имя!? – склонился над ним Мюллером Джамбул

– Отстань! Ой...ой.. не могу, хи-хи, – заржал тот, когда травинка залезла в его волосатые ноздри.

– Дальше будет хуже! – предупредил Джамбул, указывая на его грязные пятки.

– Ладно! Ешьте меня с котлетами..... на завтрак! – сдался тот, и хитро нам, подмигнув, торжественно заявил, – Сейчас вы услышите душещипательную историю моего рода! Я артист и сын, и внук артистов. Меня знала вся Европа! Я гремел в Азии и прочих городах (запутался он в географии). Мир рукоплескал мне, заливаясь слезами!! Дамы падали при виде меня сразу в морг, минуя реанимацию!

– Артист!?? – широко раскрыв глаза рот и уши, переспросил я, – И вы... вы снимались в фильмах!?

– Там где я был, телевидение не работало, больницы ломались от моих покалеченных поклонниц, а репортеры в толчее давили друг друга насмерть! – восторженно продекламировал он.

– А вы не врете? – засомневался Джамбул.

– Чтоб я сдох! – поклялся тот.

– Лучше дайте честное слово, – предложил я более личную клятву.

– Чтоб я сдох, честное слово! – поправился он.

– Но тогда зачем вы воруете кур? – с любопытством спросил я.

– Это у нас наследственное! – пригорюнился он, – Моя бабушка – графиня Грязская, воровала кур из своего курятника! Для этого ей даже пришлось переехать из столицы в свое загородное имение. Ее сын – мой папа из-за этого был лишен светского образования и вырос колхозником. Времена тогда несколько изменились, и ему пришлось воровать кур на принадлежащей колхозу «Красная Коммунарка», птицеферме.

Мне же, как артисту приходится годами разъезжать с гастролями по разным странам. Как вы догадываетесь, в гостинице при помощи кипятильника хороший куриный бульон не сварить!

– Поверьте мне это так! Я пробовал! – в отчаянии вскричал он, – Вот и приходится мучиться! Если бы не отпуск, я бы сошел с ума! Целый месяц я отвожу душу на лоне дикой природы и отъедаюсь курочкой на год вперед!

– И когда у вас этот отпуск заканчивается? – осторожно поинтересовался я.

– Завтра! – заливаясь горькими слезами, расстроился артист, – О господи, в тюрьме мне не увидеть курицы десять лет, я так и умру, не попробовав курочки!!!

Отойдя в сторонку, так чтобы нас не слышал похититель, мы устроили совещание.

– Может быть отпустим его на все четыре стороны? – предложил я.

– Несчастный, больной человек! – пожалел его Джамбул, – Только перед отпусканьем возьмем с него клятву, что он больше сюда не приедет, и голову волчью у него заберем, как улику. Надо же нам людей успокоить!

Узнав наше решение, пленник от радости перегрыз на себе все веревки и бросился нас обнимать и подбрасывать высоко в воздух.

– Вы очень добрые хорошие ребяташки, хотя и отпустили мою курицу! – расчувствовался он, – Никогда, никогда я не забуду вашего сочувствия. И если увидите на афишах мой псевдоним, то знайте, что я буду всегда рад вас снова увидеть.

– А какой у вас псевдоним? – спросил я его на прощание.

– Ах да! – хлопнул он себя по лбу ладонью, – Чуть не забыл! Позвольте представиться – Александр Ильич Бобрякуло, творческий псевдоним – Истребитель кур летчик Петухов! Прошу любить и жаловать! А теперь мне некогда, опаздываю на поезд! Вот вам ребятки конфеты и пять банок компота абрикосового! – разворошил он маленький стожок, – Пальчики оближете, рекомендую.

Собирался он недолго, покидав все свои манатки в огромный рюкзак.

– Зубы не успел почистить!! – сокрушенно вздохнул он, и помахав нам на прощание бодро зашагал к железной дороге.

– Обалдеть можно, – сгибаясь под весом шкуры и подарков, пробормотал я, провожая взглядом господина Бобрякуло.

– Целая детективная история с хорошим концом, – согласился со мной Джамбул.

– Обязательно когда-нибудь опишу ее в рассказе, – сказал я.

– А ты что умеешь писать рассказы!?! – удивился Джамбул.

– Ну, если честно, – замялся я, – то не очень!

– Когда-нибудь обязательно научишься, главное чтобы тебе это нравилось, – подбодрил меня мой друг, и мы, больше не оглядываясь, зашагали навстречу солнцу и нашей славе! Славе победителей монстров!

Детективная история

Это случилось в середине июля. Мой младший братец

вторую неделю тянул лямку в пионерском лагере и, судя по его отчаянным письмам, влачил там безрадостное существование.

Послания его грамотностью не отличались, но были полны жалоб и вселенской тоски.

Однако это не мешало мне резвиться на полную катушку. Жили мы в поселке, расположенном в живописных приокских местах, в снятых на лето у Марфы Петровны двух комнатах.

До реки было сравнительно недалеко, около километра. Но я, как и большинство моих сверстников, предпочитал ездить к ней на велосипеде.

Сама поездка таила в себе массу очарования, когда ты мчишься по тропинке среди величественных сосен, обдуваемый прохладным ветерком.

Я выезжал рано утром. В лесу было тихо, и только пение птиц да дребезжание моего росинанта нарушали безмолвие. Как правило, вскоре меня нагоняли проспавшие зорю друзья, и начинались гонки. Велосипеды превращались в норовистых коней, а мы – в диких индейцев. Лес сразу наполнялся нашими криками, железные кони вставали на дыбы и рвались в бой.

Вскоре я безнадежно отставал, видя далеко впереди себя смуглые спины товарищей. Однако все это были пустяки, и, оставив зарывшиеся колесами в песок велосипеды, мы босиком добежали до реки, с размаху кидаясь в прохладную бод-

рящую воду.

Наплескавшись до синевы, мы, обессиленные, выползли на горячий песок и блаженствовали под лучами солнца. Пляж, окружавший нас, был огромен. Заросший во многих местах лопухами и неизвестными мне колючими растениями, он представлял для нас великолепный полигон для мальчишеских игр. Мы расстреливали друг друга из пулеметов, дрались на деревянных ножах, снимали скальпы и устраивали засады на ничего не подозревающих отдыхающих.

При таком положении дел родители видели меня лишь за завтраком и иногда за обедом.

К ужину я приползал на обессиленных ногах и, скинув шорты, замертво падал на набитый соломой матрац-диван, стоявший на открытой веранде. Спать внутри в душных комнатах было невозможно, а здесь меня обдувал ветерок.

Утром все повторялось сначала, и так изо дня в день. Такое полудикое существование мне нравилось, зато мама, глядя на мой темный загар, надоедала постоянными требованиями почаще находиться в тени и одевать рубашку.

В играх время летело необыкновенно быстро, дни сменялись днями, и я не заметил, как прошел месяц.

Со дня на день должен был приехать на пересменок мой брат, и наше семейство, к моему неудовольствию, засобиралось в город.

Я не видел особых причин для своего присутствия при встрече и новых проводах брата, справедливо считая, что

там и без меня обойдутся.

Признаюсь честно, я не успел соскучиться по своему братцу. За зиму он мне и так надоел! К тому же скучать по дому он давно перестал, вполне довольный своей жизнью. Его последние письма ярко об этом свидетельствовали. Написанные корявыми, мелкими буквами, наискосок в правом нижнем углу огромного листа, они содержали несколько коротеньких фраз типа: – Мама и папа, живу я хорошо. Пришлите еще печенья. Здравствуйте, ваш сын Андрюша.

Не подумайте, что я перепутал их очередность, просто братец писал слова по мере важности в сторону убывания.

Узнав о моем нежелании покидать деревню, мама вначале расстроилась, но, посоветовавшись с папой, подозрительно легко согласилась. Я даже обиделся на нее, решив, что она рада от меня избавиться.

И вот я стою по щиколотку в пыли, а вдалеке затихает натуженный рев перегруженного автобуса. Раннее утро, и я предоставлен самому себе. На целых четыре дня!

Не торопясь, зарываясь пальцами ног в песок, я направляюсь через всю деревню к нашему дому. Солнышко едва взошло, но уже ласково греет, и я наслаждаюсь теплом и прохладой.

Мимо проходит пастух, подгоняя малочисленное стадо, кудахтают за забором куры, где-то звякнуло ведро.

– Все прекрасно и замечательно, – думаю я, открывая калитку, и застываю с открытым от удивления ртом.

Марфа Петровна – наша хозяйка, с кочергой наготове затаившись, сидит на карачках за колодой дров, неподалеку от сарая, и напряженно всматривается в его раскрытую дверь.

Первой моей мыслью было, что старуха окончательно спятила. И от такого предположения мне стало не по себе.

– Марфа Петровна, – тихо позвал я ее, предусмотрительно отступая на безопасное расстояние, – что с вами?

Я думал, она подпрыгнет от неожиданности, но та, обернувшись в мою сторону, раздраженно зашикала.

На лбу ее расцветала здоровенная шишка, и я немного успокоился.

– Иди сюда, – позвала она меня, усиленно жестикулируя, – слава богу, ты пришел, а то уж больно страшно!

И она поведала мне странную историю.

Как обычно, встав спозаранку, Марфа Петровна хлопотала по хозяйству. В процессе работы ей понадобилось, что-то в сарае, куда она легкомысленно и отправилась.

Открыв засов, она смело вошла в темное помещение – и тут же получила крепкую затрещину!

– У меня аж искры из глаз посыпались, – пожаловалась она, потирая солидную выпуклость на лбу. – Хорошо еще я не растерялась, наугад, как размахнусь, да во что-то мягкое врежу, и бегом сюда. Ну, думаю, коли за мной погонится, тут я его..... ну, в общем, с криками удеру. А он, гад, затаился, не выходит! Уже полчаса здесь сижу без толку!.....Боюсь, как бы он не спер чего ценного из сарая!

– Да что, Марфа Петровна, у вас в нем может быть ценного? – удивился я.

– Много чего! – несколько сварливо ответила хозяйка, и, по-видимому, решившись на что-то, обернулась ко мне.

– Ну, я пошла! Пойду проверю, можа он сбежал через щель какую.

Свое нападение она проводила крайне воинственно, при этом подбадривая себя криками типа: – Эй ты, выходи, я уже милицию вызвала!

Мне все это было безумно интересно и немного страшно-вато.

Более всего меня удивило бесстрашие нашей хозяйки, когда она, распахнув пошире дверь, храбро вошла в сарай.

Не скрою, я затаил дыхание, а спустя пару секунд услышал глухой звук удара (палкой по голове), ругань и стенания, после чего увидел и саму хозяйку, пулей вылетевшую из сарая с очередным фингалом.

Она бежала так, словно за ней гналась стая волков, и если бы не мой окрик, снесла бы забор.

Придя в себя, Марфа Петровна начала истошно кричать, призывая на помощь, чем до смерти перепугала старичка соседа, который тут же исчез в недрах своего дома.

В общем, крики «убивают и грабят» дали обратный эффект. Прохожих словно ветром сдуло, а на противоположной стороне улицы зачем-то включили на полную громкость музыку.

– Беги в милицию, – хватаясь за сердце, прошептала несчастная старуха. – Скажи, бандит с тюрьмы сбежал, у нас прячется.

– Один? – уточнил я.

– А кто его знает, – с сомнением потрогала она шишки, – говори что много, быстрее приедут.

Мне не очень хотелось оставлять ее одну, но и пользы от меня здесь не было, да и страшно стало настолько, что я пожалел, что не поехал с родителями в город.

Местного милиционера я нашел не сразу. В будке его, как всегда, не оказалось, дома тоже. Только пораспрашивав соседей, я обнаружил его в одних подштанниках на прилегающей к участку лужайке, за распитием какой-то бутылки, которую он при виде меня тут же спрятал.

– Чего надо? – недовольно спросил он меня, почесывая внушительное брюхо.

– Бабка Марфа в сарае бандита держит! – выпалил я.

– Прячет что ли? – несколько озадаченно переспросил тот.

– Да нет же! – в досаде на его бестолковость разъяснил я. – Бандит в сарай забрался, палкой дерется, не выходит!

– Так уж не выходит, – усомнился он, – палкой, говоришь, хе- хе. Ну, что ж, веди.

– Вы бы пистолет захватили да приоделись, – напомнил я ему.

– Все это ерунда, – отмахнулся тот, – я его одними руками

в бараний рог согну. Плевое дело!

Дошли мы довольно быстро, несмотря на то, что блюстителя порядка слегка штормило.

Бабка Марфа, все это время не покидавшая свой наблюдательный пост, бойко отрапортовала, что никаких попыток прорваться противник не предпринимал.

Милиционер снисходительно выслушал ее, с уважением поглядывая на бугристо-лиловые выпуклости старушкиного лба. Они явно произвели на него сильное впечатление, потому что, покричав с безопасного, по его мнению, расстояния, чтобы невидимый злодей немедленно сдался, тот заторопился к себе за амуницией.

Полчаса, которые он отсутствовал, показались мне вечностью.

Ветер гонял по двору кусок крафтового пакета, и тот зловеще скрежещал в безмолвии. Тихо, тихо перемещались стрелки на часах, а главное, слишком медленно.

Наконец на нашей сонной улочке раздалось дребезжание, а вскоре появился наш защитник в форменной рубашке и даже в сапогах.

Приехал он для быстроты на старом двухколесном драндулете, и вид у него был очень бравый.

– Ну что, – соскочив на землю, спросил он, – никак не проявился?

– Молчит, гад! Затаился! – ожесточенно подтвердила Марфа, погрозив невидимому обидчику старческим ревма-

тическим кулаком.

– Удрал давно, наверное, – с надеждой предположил милиционер, доставая из кобуры пистолет ПМ.

Дело принимало серьезный оборот, и я, затаив дыхание, следил за его действиями.

В отличие от бабки тот продвигался к сараю бесшумно, почти на цыпочках. И лишь ворвавшись внутрь, грозно заорал: – Всем руки вверх! Стрелять буду!

Затем в сарае вновь прозвучал знакомый звук, послышалась какая-то возня, закончившаяся новым ударом и градом ругательств. После чего на божий свет вывалился весь избитый милиционер. Обернувшись, он с остервенением нажимал на спусковой крючок, извлекая из пистолета еле слышные щелчки. Еще раз, выругавшись и в конец, озверев, страж порядка, передернув затвор с криками: – Ах ты, паскуда! Драться!? – вновь скрылся в недрах сарая.

Судя по звукам, там началась страшная потасовка, рев и удары следовали один за другим. Но внезапно все прекратилось. Последнее что мы слышали был смачный шлепок по голове бедолаги, сдвоенный выстрел и его предсмертный стон. После чего наступила мертвая тишина.

Я и бабка Марфа тряслись от страха, а столпившиеся после приезда милиционера зеваки залегли прямо в пыль.

– Звони в РУОП, – посеревшими губами произнесла старушка, – Беги, беги, – подтолкнула она меня к калитке.

Дважды упрашивать меня не пришлось. Я обернулся на-

зад лишь у административного здания.

Телефон РУОПа я, конечно, не знал и, ворвавшись в помещение, мимоходом до смерти перепугал местную власть ужасным рассказом.

Дрожащей рукой председатель поселкового совета набрал по телефону 02, а так как после бега я запыхался, стал сам объяснять в трубку, что бандит убил одного и взял в плен двух милиционеров коих и удерживает в сарае, пока не предъявляя никаких требований.

И тут закрутилось!

Не прошло и часа, как в село въехало два грузовика, набитых до отказа молодыми солдатами из близко расположенной части. Каждый из них был вооружен автоматом и парой гранат.

Их командир, пожилой подполковник, явно приехавший не по чину в надежде на ордена, зычно приказал ротному окружить опасный участок и окопаться.

Вскоре солдаты с испуганными лицами почти по-пластунски рассредоточились по периметру, предварительно отогнав все увеличивающуюся толпу зевак.

Ко мне как к очевидцу это отношения не имело, и я в восторге шнырял между подполковником, председателем и ротным с удовольствием глаза на все их приготовления к штурму.

– Да, – радостно думал я, – вот настоящее приключение! Глядишь, и телевидение понаедет.

Похоже, что подполковник надеялся на то же. Его громовой голос раздавался то тут, то, там заставляя всех понять, кто здесь главный.

Время шло, и волнение улеглось. Все ждали омоновцев, но те не торопились.

Прошел час, другой, но никто не ехал.

Председатель вновь пошел к себе, поклявшись не слезать с телефона пока не придет помощь.

Дисциплина среди солдат постепенно падала, и те от нечего делать швыряли в сарай камешки. Но тот отвечал гробовым молчанием.

Лишь к трем часам прибыли омоновцы, чем вызвали новое оживление в поредевшей толпе. К версии о заложнике они отнеслись довольно скептически, а, услышав, что в течение дня от преступников не поступило никаких требований, они предположили, что в сарае засел или засели какие-нибудь психи, замочившие милиционера.

Покричав для протокола в мегафон, они оперативно приступили к захвату преступников, зашвырнув для начала в раскрытую дверь сарая дымовую шашку.

Зрелище было захватывающее, дым повалил изо всех щелей, а спустя мгновение кто-то большой ломанулся через дверной проем им навстречу.

Его тут же скрутили и, попинав для порядка, под гул всеобщего одобрения повели к автобусу. Мне не терпелось узнать, кто он такой, но тут начался сам штурм, приковав к

себе все внимание.

Одетые в противогазы военные, на ходу стреляя холостыми патронами, с ходу ворвались сарай.

Бац, бац, еще мгновение . . . И наступила тишина.

Остатки дыма постепенно рассеялись, и, словно из преисподни, из них появились сумрачные силуэты омовцев. Один из военных что-то бережно нес на руках.

Когда они подошли поближе, я увидел у одного из них здоровенный фингал под глазом.

Остановившись перед своим командиром, он четко отпартовал: – Задание выполнено, террорист обезврежен. – И бросил к ногам подполковника широченные грабли.

– Вот он, террорист, – опасливо пнул он железяку носком ботинка.

Подполковник медленно наливался краской, а его подчиненные еле сдерживали обидный хохот.

– Похоже, он оказал вам яростное сопротивление? – смеясь, спросил руководитель группы. Его слова потонули во взрыве всеобщего веселья. Хохотала вся поляна, омовцы, солдаты, зрители, ну и, разумеется, я!

Только избитому и помятому милиционеру было не до смеха. К ЕГО ТРЕМ ШИШКАМ РАЗГОРЯЧЕННЫЕ ОМОНОВЦЫ ДОБАВИЛИ БЛАНШ ПОД ГЛАЗОМ, УШИБ ГРУДНОЙ КЛЕТКИ И ХУГ СЛЕВА В РАСПУХШУЮ ЧЕЛЮСТЬ, К ТОМУ ЖЕ ОН НАГЛОТАЛСЯ ДЫМА И БЫЛ ПЬЯН.

Его тут же поместили в санитарную машину, стоявшую рядом на случай перестрелки, а подполковник, проводив бе-долагу задумчивым взглядом, удивленно пожал плечами: – В первый раз вижу человека, трижды наступившего на одни грабли.

Река

После двух часов гребли вдоль замечательного по красоте берега я заметил уютную бухточку.

Войдя в нее, я залюбовался видом. Яркое солнце отсвечивало от сочной, словно покрытой воском листвы, тихая прозрачная вода мягко шелестела, разрезаемая носом моей лодки. Необычно высокая трава покрывала почти плоскую долину. Даже отсюда были видны целые россыпи голубики, а пение птиц и зудящий звук крупных слепней придавали открывшемуся виду яркость и остроту восприятия. Лишь несколько чахлах деревьев с наполовину засохшими ветками портили картину.

Этот берег был настолько приветлив и непохож на заросший соснами крутой противоположный, что мне захотелось пристать к нему, поесть ягод, поваляться на траве, позагорать и искупаться.

А почему бы и нет, – размышлял я, медленно подгребая к берегу. Насчет позагорать, это было лишнее, так как последние два часа я этим только и занимался, а моя одежда, аккуратно сложенная, лежала у меня за спиной на скамейке.

Прихлопнув севшего на плечо слепня, я встал в лодке и, шурясь от яркого солнца, огляделся. Налетевший ветерок приятно охлаждал разгоряченное тело и шумел в зарослях прибрежного камыша. Вода весело играла бликами, словно

тысячи маленьких зеркал, и звала к себе, обещая бодрящую свежесть.

К моему удивлению, хотя до берега оставалось довольно далеко, лодка почти касалась ровного песчаного дна, весла стали зарываться в ил, и, решив не мучиться, я спрыгнул в воду.

Замечательная прохлада охватила до щиколоток мои ноги, я попытался сделать шаг и провалился.

Это было ужасное ощущение, дно подо мной словно разверзлось, и я мгновенно погрузился по пояс в предательскую трясину.

Только теперь я понял, как обманулся, приняв желтое илистое дно за песок.

Падая, я ухватился за весло, и оно, выскочив из уключины, под моей тяжестью погрузилось под воду. Я, в отчаянии рванулся, чтобы удержать лодку, и погрузился еще глубже. Страх сковал все мои движения, над водой оставались только моя голова и плечи. Я не шевелился.

Постепенно муть, поднятая моей борьбой, улеглась, и я увидел, что весло, на которое я опирался, скрылось под илом.

Шло время, а я не осмеливался глубоко вздохнуть. Все так же весело светило солнце, и кружевные белоснежные облачка медленно паслись по ярко голубому небу. Озорной ветерок ерошил мне волосы, над болотом щебетали птицы. Природа была как всегда безмятежна, и ей не было дела до на-

смерть перепуганного мальчишки.

Находиться неподвижно в том положении, в котором я оказался, было мучительно. Спина, шея и руки у меня затекли от напряжения, а доходившая до груди трясина не давала нормально дышать, стискивая в своих объятиях тело.

Положение мое было отчаянным. Никто не встревожится моим отсутствием, по крайней мере, до вечера, да и потом вряд ли кому придет в голову искать меня в этом месте. Только надежда на плавающую рядом лодку заставляла меня бороться. Глядя на нее, я испытывал танталовы муки. В обычной ситуации мне достаточно было сделать всего один шаг, чтобы оказаться в ней, сейчас же это расстояние превратилось в мили. Я не знал, сколько времени нахожусь в воде, ибо рука с часами скрылась под пленкой ила, и я не осмеливался поднять ее.

Несмотря на неподвижность, я постепенно, с каждым вздохом погружался в пучину. Пузырьки болотного газа, вырвавшись на свободу, щекотали мне кожу. Казалось, время остановилось, и я целую вечность не отрывал взгляда от свисавшего с лодки каната. Покачиваясь на волнах, она медленно от меня уплывала. Со слезами отчаяния я провожал ее глазами, явственно чувствуя холодное прикосновение смерти.

—Господи, каким я оказался глупцом. Тихая заводь! Зеленый луг! Ведь я же видел камыши – верные спутники болот, и чахлые редкие деревья должны были насторожить меня.

Какая страшная, коварная ловушка поджидала меня!

–Только бы выбраться, – твердил я словно молитву сквозь зубы, – только бы выбраться, и я никогда так опрометчиво не спрыгну в воду, прежде чем не испытаю дно веслом.

Непокрытую голову сильно припекало, слепни облепили мои потные плечи, лезли в лицо, стиснув зубы, я вздрагивал от укусов, стогая их, окуная лицо в воду.

Не дай бог умирать таким образом, при свете дня в райском уголке, испытывая пытку солнцем и болью, связанным по рукам и ногам ужасом и трясинной, – чувствовать, как тело твое постепенно засасывает в холодную зловонную жижу!

Вскоре я так перегрелся, что меня стало бросать то в жар то в холод, а воспаленные глаза застилал туман.

Я больше не погружался в трясину, но чувствовал, что еще немного – и я, потеряв сознание, захлебнусь в этой прозрачной воде. Постоянный звон стоял в ушах, не давая пробиться иным звукам, я грезил наяву, и перед моим взором открывались сказочные, красочные картины.

Кто-то сильно давил мне на живот и ребра, не давая дышать, и, хватая раскрытым ртом воздух, я внезапно очнулся.

С трудом, разлепив закрытые глаза, я, мучимый жаждой, глотнул воду и увидел перед собой лодку.

Уткнувшись в илистое дно носом, она под действием ветра разворачивалась кормой в мою сторону.

Я смотрел на это чудо, не смея поверить, а ее левый борт, покрытый облупившейся местами краской, уже засло-

нял мне полнеба.

Рванувшись, я попытался выдернуть из грязи ушедшую по локоть руку, но она не слушалась, и борт, царапнув меня по щеке, начал удаляться.

Мои дерганья не пропали даром, вода стояла выше подбородка, почти заливая нос. Это был мой последний шанс, и я снова рванулся, вложив в рывок все отчаяние и жажду жизни. Наполовину освобожденная рука, разбросав куски грязи, выскочила из-под воды, поймав уходящую корму.

Накренившись, лодка остановилась и нехотя поплыла обратно, а я, еще не веря в свою удачу, выпростал вторую руку и с силой подтянулся.

Теперь лодка вплотную стояла ко мне кормой, и, отвоевав у трясины несколько сантиметров, я, высоко задрав голову, сумел положить подбородок на ее теплые шершавые доски. Прямо перед моим лицом лежали снятые джинсы и рубашка, и какими родными показались они мне, я смотрел на них с непонятным восхищением, словно они были вестниками из дома.

– Ну что, ребята, я вас еще поношу, – заговорил я с ними и снова сильно дернулся, выбираясь из трясины.

Работа эта была непростая, и лодка часто грозила перевернуться, зачерпывая все новые и новые порции воды, но я не унывал, и вскоре, навалившись грудью на борт, вырвался из ловушки.

Только отдышавшись, я понял, что все еще нахожусь в

смертельной опасности, вся моя одежда плавала в наполненной водой лодке, а через ее края, стоявшие почти вровень с водами залива, при каждом моем движении переклестывала поднятая легким бризом волна.

Еще немного – и лодка бы затонула, прочно увязнув в илистом дне.

Не передать вам, с какой осторожностью я вычерпывал из нее ладонями воду. Не найдя ковша, я воспользовался рубашкой, выжимая ее за борт. Так трудился я больше часа, прежде чем борта немного приподнялись над уровнем озера.

Я страшно устал и готов был упасть на дно лодки и уснуть беспробудным сном, но залив внушал мне такой ужас, что я не собирался находиться в нем ни минуты больше, чем требовалось; перегнувшись через борт, я попытался отыскать в иле весло, однако вскоре оставил эту бесполезную работу.

Весло навечно поглотило болото, и я мог только радоваться, что отделался так дешево.

Неумело орудуя оставшимся веслом, я кое-как вывел свою лодку на открытую воду.

Огромное озеро окружало меня, темное от глубины, грозное, но без обмана!

Полузатопленная посуда плохо слушалась весла, до ближайшего берега, поросшего соснами, было метров сто, и, подчиняясь внезапному порыву, я, бросившись в прохладную воду, поплыл к нему, наслаждаясь свободой движения, ныряя в его глубины и фыркая, словно дельфин, по грудь,

выскакивая из нее.

Никогда еще я не испытывал такой радости. Куда делась моя головная боль! Я волшебным образом излечился.

Отмывшись от грязи, усталый, я вышел на подгибающихся ногах на каменистый берег, прижался лицом к покрытой теплой хвоей земле и неожиданно для себя разрыдался.

Я, Мишка, братец и злой «чемодан»

Есть такие друзья, от которых происходят всякие неприятности. Мой друг Мишка к примеру. Лето на дворе. Играй себе, сколько хочешь, купайся, загорай – так нет же. Не терпится ему поэкспериментировать. И не на ком ни

будь, а на самой злощей в округе собаке, которую за зубастую квадратную пасть прозвали чемоданом.

Пришел он ко мне ранним утром, с какой-то заляпан-

ной черной краской картонкой. И прямо с порога, тыча в не закрашенные круги, посвятил меня в свою замечательную идею.

С его слов эти круги были вовсе не круги, а глаза неведомого зверя, которые просто обязаны напугать любую породную собаку.

Я слушал его вполуха, – согласитесь стоять в одних трусах у открытой двери, даже летним утром прохладно и вообще я был сонный и не выспавшийся, а потому невнимательный и злой.

Мне очень хотелось захлопнуть перед Мишкиным носом входную дверь но, к сожалению, я этого не сделал. Вместо этого я развесил уши и впустил его в дом.

Вскоре мы втроем—я, Мишка и мой младший братец пили на кухне душистый чай, а мой друг, между делом опустошавшая холодильник, доказывал нам всю прелесть задуманного.

Оказывается, ему кто-то сказал, что служебных собак так выбраковывают.

– Ей богу, дело верное и чемодана устроим и повеселимся – разгорячено кричал он в промежутках между жеванием. Спорить с ним было бесполезно, но я попытался.

– Хорошо – говорю, – может быть, это и так, но не факт, что сей барбос, к охранной службе не годен, как схватит за задницу, мало не покажется.

– Чепуха, – успокоил меня Мишка, – чемодан самый тупой пес на свете, он даже клички своей запомнить не может.

Так бы мы с ним долго спорили, уж больно мне его затея не нравилась, но тут мой шустрый братец захихикал, захлопал в ладошки и побежал в комнату одеваться. Оставшись в меньшинстве, я поотнекивался для вида и вскоре сдался.

Через десять минут наша компания вприпрыжку спустилась во двор.

Выйдя на улицу под жаркие лучи солнца, мы прошли через заросший травой двор, перешли дорогу и, углубившись в море листвы высокого кустарника, вскоре оказались на замусоренной опушке у не менее замусоренного сарая.

Где-то поблизости была среда обитания чемодана и, оглядевшись, я подобрал валявшуюся в траве палку.

Лучше бы я этого не делал! Мой поступок вызвал бурю возмущения. Мишка заныл о чистоте эксперимента и заодно облил меня презрением.

Раздосадованный я зашвырнул палку в самую гущу кустов и незаметно нащупал в кармане газовый баллончик, с ним я чувствовал себя поувереннее.

Тем временем мой братец принялся беспечно собирать цветочки что-то, бубня себе под нос.

Стрекотали кузнечики, каркали вороны, Мишка глазел на свой кусок картона. Время шло, но ничего не происходило.

– Ну – прервал я затянувшееся молчание – Где зверь?

– Откуда я знаю! Может он где-нибудь гуляет, – высокомерно, произнес Мишка, отгородившись от меня плакатом.

Так мы стояли и чего-то ждали – пока мой братец не ска-

зал: – Мяу.

Кошки были самым сильным раздражителем для чемодана и почти сразу из кучи мусора показалась его страхолюдная морда.

Увидев нас, он злобно зарычал, показывая пожелтевшие клыки, и издавая: – гыр, гыр, гыр – неторопливо засеменял, переваливаясь на кривых лапах, к обомлевшему от страха Мишке.

– Палка! – с дрожью в голосе спросил Мишка. – Где палка?

– Ты же просил ее выкинуть! – напомнил я ему, прикидывая в какую сторону легче смыться.

К этому времени чемодан уже подбирался к моему другу с плотоядным урчанием, и следовало позаботиться о себе.

– Кыш, кыш отсюда, – боязливо попросил Мишка, и неуверенно ткнул своим пучеглазым плакатом в веснушчатую харю чудовища.

Наступил момент истины, и я затаил дыхание.

Вначале чемодан брезгливо принюхивался, в недоумении уставившись на рисунок. Затем. Почесав задней лапой, ободранное ухо, он крепко призадумался.

Прошло секунд десять, прежде чем он решил испугаться, и, поджав хвост, попятиться к родной куче.

Увидев это, Мишка просто взвыл от восторга и продолжил преследование.

– Видишь, как я его? – вместе с плакатом обернулся он ко

мне и тут же поплатился за свою неосмотрительность.

Я не успел и рта раскрыть, как чемодан, ничем более не сдерживаемый, мгновенно отвоевал утраченное пространство и радостно вцепился в Мишкину задницу.

Завопив, тот пулей взлетел на крышу сарая, а лишенная добычи псина, обратила свои взор на меня.

Братец мой, который дома самостоятельно не мог взобраться на табуретку, тут проявил чудеса ловкости, вскарабкавшись на ближайшее дерево.

Каждый спасался, как мог. Я это сразу понял.

Для начала, достав газовый баллончик, я пшикнул им в приближающуюся пасть, и не дожидаясь эффекта, сломя голову, помчался к кустам.

Бежал я, не разбирая дороги, пока не поскользнулся на глинистой почве. Скорость моя была немалой, так что я пару раз кувыркнулся через голову, прежде чем приземлиться на четвереньки по другую сторону большей квакающей лужи.

Полет временно спас меня от неприятностей. Лохматый преследователь чуть поотстал, брезгливо обнюхивая зацветшую воду, и этих мгновений вполне хватило, что бы я заметил лежащую перед моим носом знакомую палку.

Находка была столь своевременной, что я не преминул ей воспользоваться. Ко мне сразу вернулась былая уверенность и я, помахивая оружием, пошел войной на преследователя.

Приятно было посмотреть на приунывшего барбоса. Он даже перестал гавкать! В отличие от баллончика он хорошо

знал предназначение палки и затормозил всеми четырьмя лапами. Словно загипнотизированный он следил за ее движением в моей руке, а затем, сделав вид, что меня не замечает, печально побрел восвояси.

Мое появление на поляне вызвало бурю эмоций.

Меня приветствовали как героя – Мишка со своего сарая – и мой братец – с верхушки высоченного дерева.

Поначалу нам было очень весело, но вскоре восторги потухли, и виной тому был мой драгоценный братец. Взобраться то он на дерево взобрался, а вот спустаться с него его никто не научил, и теперь он непрерывно ныл из поднебесья, требуя незамедлительной помощи.

Наивный парень, он думал, что это так просто!

Подойдя к дереву, я присвистнул, редко увидишь в наших местах такие гладкие стволы. Самое неприятное заключалось в том, что эта гладкость (будь она неладна), наблюдалась на высоту до трех – четырех метров, после которой начинались сравнительно толстые сучки и ветви.

Сперва я попрыгал, стараясь дотянуться до веток, затем попробовал обхватить ствол руками и ногами, чтобы залезть на дерево, но они скользили по нему как по маслу.

Вскоре мне все это надоело. Отдышавшись, я подозвал Мишку, и мы устроили военный совет.

Думали мы долго, но безуспешно.

Мишка, правда, предложил подождать, пока мой брат на ветке уснет, и сам вниз свалится. Но это не понравилось мо-

ему братцу, который залился горючими слезами и обозвал нас бяками.

Со стороны это, наверное, выглядело смешно, но сидеть, сложа руки, любуясь вопящим братом, мы не могли, да и не хотели. И я, при помощи пыхтящего от усердия Мишки, сумел дотянуться до ближайшей ветки.

Дальше дело пошло веселее, и я вскарабкался наверх, словно по лестнице.

Но рано я радовался.

Пока я к нему вскарабкивался, мой трижды ненаглядный братец, со свойственной ему наивностью, решил посмотреть на прилетевшую птичку поближе и залез на самую верхушку.

Теперь он сидел, обхватив ногами и руками тонюсенькую макушку дерева.

Лишь трогательный хохолок листвы реял над его собственной макушкой и он, вместе с ветром проделывал опасные кренделя на высоте пятиэтажного дома.

Теперь ему, конечно, стало страшно. Глаза его были крепко зажмурены, а рот, соответственно, широко открыт, что позволяло ему орать во всю силу своих легких.

Почти непрерывно он оглашал окрестности горестными воплями и совершенно не слышал моих увещаний.

В конце концов, потеряв терпение, я тоже заорал на него, снизу ко мне присоединился Мишка. И так мы орали, кто громче, на протяжении нескольких минут.

Первым умолк братец. С интересом свесившись, он во все

глаза таращился на меня и смеялся.

Ему было смешно!

– Бяка закаряка, – подвел он итог своим наблюдениям, и доверчиво протянул мне ладошку.

Что бы дотянуться до него, мне пришлось подняться еще выше. С предельной осторожностью, я снял своего братца с ненадежной макушки, и, нагнувшись, усадил его на крепкую ветку.

– Смотри, не упави, – предостерег я вертлявого младенца, и собирался дать ему еще пару ценных советов, когда сук, на котором я стоял, с треском обломился, и я молча полетел вниз.

Сказать, что я испугался, ничего не сказать!

За четверть секунды полета, я вспомнил всю свою жизнь, успел покаяться во всех грехах, обозвать идиотом себя, Мишку и особенно братца, а так же торжественно поклясться никогда не лазить по деревьям!

Все эти ценные мысли пронеслись у меня в голове за время достаточное для того, что бы с размаху грохнуть на расположенную чуть ниже толстую ветку.

Пребольно ударившись, об нее животом, я, словно летучая мышь, повис, раскачиваясь над бездной кверху тормашками.

В таком положении мне не составляло труда любоваться своими ногами, которые болтались в непосредственной близости от моего носа.

Рассматривая себя со столь необычной точки зрения, я впервые увидел, до чего старые у меня сандалеты и насколько протерты джинсы на коленках.

Где-то внизу бестолково бегал, размахивая руками, Мишка, и участливо спрашивал, как я себя чувствую.

Его глупые вопросы я только потом расслышал, а в начале я не мог ни вдохнуть, не выдохнуть. Так я капитально треснулся.

Прошло некоторое время, прежде чем я, приняв нормальное положение, огляделся.

В мире ровным счетом ничего не изменилось. Все так же чирикали птицы, а кучевые облачка бодро неслись по синему небу. Мой братец, успокоившись, задумчиво ковырял в носу и всецело был увлечен исследованием какой то букашки. Мои страдания его ничуть не взволновали и даже позабавили.

– Интересно, а что было бы, если бы ты упал вниз? – спросил он с чисто детской непосредственностью.

Такое нездоровое любопытство меня возмутило.

– Хочешь, на тебе проверим, – неласково предложил я, ощупывая, пострадавший живот и считая набитые шишки.

Если честно, то я еще легко отделался, лишившись трех пуговиц на рубашке и получив пару синяков и царапин.

Отдышавшись и передохнув, я продолжил эвакуацию любимого брата. Тот усиленно мешал мне, цепляясь за ветки всеми руками и ногами и попискивая со страху.

Изрядно с ним промучившись, я решил облегчить себе жизнь, опрометчиво усадив его на плечи. Эта ошибка чуть не стоила жизни моим ушам. Вскоре, потеряв равновесие, он схватился руками за мои уши, словно за поводья, и только чудом не оторвал их.

Придя в себя, я продолжил спуск, но не прошло и двух минут, как брат, чего-то, испугавшись, так вцепился мне в горло, что мы едва не загремели на землю. Здесь моему терпению пришел конец. И дальше я тащил его за шиворот.

Он злился, но, поглядывая на мою мрачную физиономию, благоразумно помалкивал.

Так мы добрались до последней ветки и.....Застопорились.

Четыре метра сверху показались мне восьмью.

От одной мысли, что надо спускаться по отвесному стволу, у меня тряслись поджилки. Дерево стояло на пригорке, и от этого ощущение высоты удваивалось. Нахохлившись, я смотрел вниз на важно расхаживавшего Мишку, из которого так и сыпались умные советы. Давалось они ему легко. Стоя на твердой земле по щиколотку в траве, он прямо таки излучал уверенность.

– Чего тут бояться – разглагольствовал мой друг, поплеывая на ладони. – Подумаешь, каких то четыре – пять метра! Обхвати ствол руками и ногами и спускайся.

В его интонации нет, нет, да и проглядывало легкое презрение к моей нерешительности, и это обстоятельство окон-

чательно вывело меня из себя.

– Хотел бы я посмотреть, как ты бы запел на моем месте – обозлившись, прокричал я, в сильном негодовании.

– Все вы мастаки советовать стоя на земле, а кости ломать мне!

– Ерунда! – хмыкнул Мишка, ничуть не обидевшись. И пожав плечами, с поразительной быстротой забрался к нам на ветку.

– Я же говорил. Все это пустяки, – отдуваясь, сообщил, он, и собрался в обратный путь. Но тут он случайно поглядел вниз и вцепился в меня мертвой хваткой.

– Давай, давай – поторопил я его – нечего здесь задерживаться. Спускайся!

– Ага! Нашел дурака, – почему-то заорал на меня Мишка, – что я самоубийца? Уж лучше посижу здесь.....Пока, кто ни будь, мимо не пройдет!

Меня его заявление развеселило, но Мишке стало не до шуток. Он приуныл почище моего братца. А, считая меня виновником своих бед, он надулся, как мышь на крупу, и не желал со мной разговаривать.

Так мы и сидели – как куры на насесте.

Сидели, и чего-то ждали!

А время шло, и солнце, до того стоявшее над самой головой постепенно клонилось к западу.

– Есть хочется, – нарушил молчание Мишка.

– Не помешало бы, – согласился я, вспомнив, что толком

и не позавтракал.

– А я писать хочу – внес свою лепту в разговор ненаглядный братец.

– Может, потерпишь? – уныло осведомился я, заранее зная ответ.

– Я и так давно терплю, мне не только писать хочется, – заныл тот, раскачивая ветку.

– Ну, так снимай штаны и делай, – посоветовал я ему.

– Здесь!?! – ужаснулся он, и, покраснев, шепотом признался – Я стесняюсь»

Это заявление меня окончательно добило. И я растерянно взглянул на друга.

– Не бойся, мы отвернемся, – подбодрил его Мишка. Но моего братца это не устраивало.

– Нет! – уперся тот, упрямо набычившись, – мне на одной ветке с вами стыдно! Лучше я повыше заберусь, что бы вы меня не видели

– Об этом и не думай, – поспешно проговорил я, не желая усугублять наше и без того плачевное положение.

Да, скажу я вам, ну и занятие. Мы с Мишкой сидели тремя ветками выше, болтали ногами и ждали пока он, кряхтя поудобней пристраивался.

– Эй, скоро ты там – потеряв терпение, окликнул я его.

– Чего-то не получается, – напряженным голосом отозвался тот.

– Как бы не лопнул, – заботливо покосился на него Миш-

ка, и тут же, кстати, припомнил анекдот про мышшь, которая, какая, так выпучила глаза, что ее спутали с совою.

Было около пяти вечера, а положение наше только ухудшалось. День стоял жаркий, сильно хотелось пить и не менее сильно чего-нибудь съесть.

Обычно я мог целые дни напролет бегать, позабыв о пище, но здесь это не удавалось. Сосиски и бутерброды так и носились перед моим мысленным взором. Друзья мои испытывали схожие муки, громко сглатывая слюну.

Говорят, что голод обостряет ум! Наверное, это так! Потому что когда Мишка, вздохнув, машинально затянул потуже свой брючный ремень, в мою голову сразу пришла замечательная мысль. Она так понравилась мне, что я рассмеялся.

– Ты чего? – спросил меня друг, явно не понимая причину моего веселья.

– Просто мы дураки, – поделился я с ним сделанным открытием и посветил Мишку в свой план.

Тот долго чесал свой облупившийся под солнцем нос, делая вид, что сомневается, а потом нехотя согласился.

Взяв у Мишки ремень, я соединил его со своим, дальше было делом техники, и вскоре с нижней ветки на полметра свисало ременное кольцо.

Наступил самый ответственный момент и, протерев о рубашку, сразу вспотевшие ладони я взглянул на друга.

– Пора! – хрипло откашлялся он.

– Начинаю, – предупредил я его и с замиранием в сердце

перегнулся через ветку. Ремень лениво покачивался высоко над землей не столько от ветра, сколько от дрожавшей подомной ветки.

Ухватившись за него, я повис над землей на вытянутых руках, висеть было страшно и очень неприятно и я нервно поторапливал Мишку: – давай побыстрей, а то устану!

– Сейчас – сказал тот, осторожно трогая меня за макушку.

– За плечи хватай идиотина! – просипел я, когда он, ухватив меня за шею о чем-то задумался.

– Да, да, да – успокоил он меня и медленно стал сползать по моему телу вниз, цепляясь руками за мою одежду. Мне было щекотно, и я глупо хихикал подергиваясь.

Наконец он осторожно сполз по моим джинсам вниз и, ухватившись за мои щиколотки, приготовился к прыжку.

По моим расчетам, прыгать ему было сравнительно невысоко – где-то метра полтора, и в наших предварительных уговорах все выглядело просто и замечательно. Вот только я никак не мог предположить, что Мишка в последний момент струсит. Он вцепился в меня словно клещ и ни в какую не хотел расставаться с моими ногами.

– Прыгай гад! – вопил я, чувствуя, что вот, вот (еще секунда) и руки мои разомкнуться.

– Прыгай же, ну прыгай! – стонал я извиваясь. Но тот стойко молчал.

Я пытался стряхнуть его, но ничего не получалось. Мало того, от страха, Мишка растерял остатки разума и начал ка-

рабкаться по мне наверх.

– Ну все! – в отчаянье подумал я, – Сейчас мы полетим вместе и уж я то точно расшибусь с таким грузом.

На мое счастье пуговица на джинсах не выдержала, оторвалась, и Мишка вопреки своему желанию, так вместе со штанами на землю и грохнулся.

Оставшись в одних трусах, я из последних сил подтянулся к спасительной ветке, после чего с негодованием уставился на друга.

Судя по его физиономии, он был безмерно счастлив своему приземлению, а, увидев меня, он так и покатился от смеха.

На правой ноге у меня оставался сандалет (другой упал вместе с Мишкой) и я им тут же воспользовался. Метко брошенный он въехал в широко раскрытый рот моего приятеля, что сразу снизило его веселое настроение до нуля.

– Вот и сидите там до утра! – мстительно произнес он, отплевываясь от сандалета.

Закончив смеяться, я свесился вниз.

– Брюки кинь, сволочь, – попросил я его

– Обойдешься, – обиженно буркнул он, собирая свои манатки.

– Бог тебя накажет, – не слишком уверенно пригрозил я.

– Как же, держи карман шире! – усмехнулся Мишка с нахальной самоуверенностью.

Но на этот раз он сильно ошибался!

Возмездие последовало быстро и неотвратимо.

За разговором, мой заклятый друг не заметил, как из-за склада–сарая крадучись появился чемодан. Увидев Мишку, он расплылся в радостной улыбке, и широко распахнув пасть, помчался в его сторону.

– Сейчас, он тебя сожрет! – удовлетворенно пообещал я, указав Мишке на приближающуюся опасность.

– Ха, ха, так я тебе и поверил, – произнес Мишка, но все же обернулся. Обернулся, что бы увидеть пред собой повизгивающего от нетерпения барбоса.

Заорав, Мишка затравлено завертел головой. Бежать было поздно, да и некуда, кроме, разумеется, нашего дерева, на которое он взлетел еще быстрее, чем в предыдущий раз.

– Со свиданьем! – поприветствовал я друга.

А в низу чуть не выл от разочарования чемодан. Успокоившись, он улегся на мои джинсы и от нечего делать, стал их задумчиво пожевывать. Судя по всему он устроился здесь надолго и, представив судьбу моих Джинс, я возмутился.

Для начала я как следует, наорал на Мишку, а затем принялся швырять в чемодана ветками стараясь отвлечь на них его внимание. Но чемодану это несколько не испортило аппетит, и только наевшись моими джинсами до отвала, он весело помчался за какой-то приبلудной дворняжкой.

Оседлав ветку, я прижался голой спиной к шершавому стволу дерева и от нечего делать, принялся насвистывать популярную мелодию.

– Смотри, – протянул я Мишке разорванную рубашку, – твоя работа!

Мишка, пристыженный моими укорами, молча взобрался повыше.

– Спать хочу! – устало захныкал сверху братец.

– Упадешь! – предупредил я его, но, посмотрев на его сонную мордашку и слипающиеся глазки, понял, что надо, что-то делать.

Поднявшись на ноги, я усадил братца поудобнее на самую широкую и безопасную ветку и привязал его к ней своей пришедшей в негодность рубашкой.

– Будешь спать как настоящий путешественник! – сказал я, ему улыбнувшись.

– Лучше я стану разведчиком, – зевая, произнес он, – Так интересней!

Оставив его на посту, я вернулся на свое место.

– Ну что? – спросил я Мишку. – Как там в мире?

– Никак! – ответил тот недружелюбно, продолжая глазеть по сторонам.

Приложив ладонь к глазам, я огляделся. Зеленое море леса тянулось до самых домов, плескалось листвою под ногами, склонялось над руслом далекой реки. В полукилометре от нас, на лугу, превращенном в футбольное поле, гоняли мяч местные мальчишки, их деревня, скрытая пригорком не была видна, но перезвон колоколов с торчащей как шпиль колокольни заставил меня посмотреть на часы.

До хруста потянувшись, я, встав на цыпочки, постучал согнутым пальцем в свесившийся Мишкин сандалет: – Пять часов уже!

– Знаю, – буркнул тот.

– Хватит дуться, – схватившись за ветку, на которой он сидел и, подтянувшись, сказал я.

– Ура! – заорал Мишка, и его радость ни каким образом не была связана с моим предложением. Просто сидя метром выше, он первым заметил, чью то шатающуюся фигуру, двигающуюся в нашу сторону.

При ближайшем рассмотрении фигура оказалась горьким пьяницей, и тунеядцем Федей, которого местные старушки почему-то ласково называли Федюшей.

Небритое опухшее лицо Федюши страдало полнейшим отсутствием разума и двумя свежее расплывающимися под глазами бланшами.

Летом, он редко добирался до своего дома, а еще реже принимал ванну, если не считать ванной и водными процедурами, лужи в которых он частенько валялся.

Встретить подобное существо было сомнительным удовольствием, но сегодня мы ему несказанно обрадовались.

– Федюша! – закричал надо мною Мишка. – Федюшенька, подойди к нам, пожалуйста!

– Федя! Федя! Федюша! – Набрав полные легкие воздуха, заорал я. Но, увы, Федюша, оглушенный парами дешевой водки, никак не реагировал на окружающее.

Он шел вперед не для того, чтобы куда-то пойти, а для того, чтобы где-нибудь, упасть, что, он блестяще и доказал нам с треском врезавшись в наше дерево.

– Ой, – сказал Федя, и сраженный стечением обстоятельств, рухнул на притянувшую его землю.

– Фу! – зажал нос брезгливый Мишка.

– Кто-то обкакался? – спросил проснувшийся братец, принюхиваясь.

– Это Федюша так пахнет, – объяснил я, чувствуя подступавшую дурноту.

Теперь мы все взобрались повыше, подальше от благоухающего миазмами Федюши и с унылым видом провожали заходящее солнце.

– Холодно, однако! – зябко поежился я от налетевшего ветерка, и, обняв себя за бока, энергично заболтал голыми ногами.

Мишка смущенно помалкивал, но своей рубашки не предлагал.

В наступившей тишине особенно сильно застрекотали цикады. Разговаривать не хотелось, и каждый думал о своем.

Наверное, мама волнуется, не зная, куда мы подевались. Скоро нас начнут искать. Я покраснел, представив насколько комично мы выйдем со стороны. Завтра над нами будет потешаться вся округа!

Только этого мне до полного счастья и не хватало!!!

– Мишка! – неожиданно твердым голосом спросил я его

– ты хочешь, чтобы над тобой ржали все ребята с нашего двора!?

– Такого кошмара я не переживу! – сразу откликнулся Мишка, и подозрительно на меня уставившись, переспросил, – С чего бы им надо мною смеяться?

– Наверное, ты перегрелся и стал бестолковым, если этого не понимаешь! – посочувствовал я ему.

– Знаешь Мишка, ты как хочешь, а я слезаю! Не ночевать же нам здесь на самом деле!

Я произнес эти слова, обхватив ствол руками, произнес и преспокойно спустился вниз.

Я даже сам удивился, как здорово это у меня получилось!

В темноте окутавшей пригорок высота не пугала, я ее просто не ощущал и поэтому не боялся.

Почувствовав под ногами землю, я первым делом отыскал и надел на себя свои истрепанные и истерзанные джинсы. Судя по количеству прибавившихся в них дырок, я стал хипповым парнем. Прогрызенные на коленках, они элегантными ошметками ниспадали с моих ног, чуть пованивая псиной.

Мне не нужно было запрокидывать голову, что бы догадаться о последствиях моего поступка.

Сверху ругался, приноравливаясь к стволу Мишка, – до него, наконец-то дошло, и он очень торопился!

А затем, визжа от страха и восторга в наши распростертые руки рухнул, отпустив раскачивающийся ремень, мой братец.

И мы так обрадовались и воодушевились, что стали несокрушимо смелыми.

И когда дорогу нам преградил неугомонный ночной злодей чемодан, мы не бросились врассыпную, а зашагали прямо на него и он, увидев наши решительные лица и веселую твердость в глазах, вдруг заскулил и затыкал жалобно, перед тем как исчезнуть в темноте испуганным и посрамленным. А мы зашагали дальше к светящимся окнами домам.

Попрошайки

Мы решили подзаработать..... Попрошайничеством. Довольно интересно.... И прибыльно.

Сашка нам все уши прожужжал со своим предложением. Где-то вычитал или по телеку подсмотрел и завелся.

Нам с Мишкой немного страшновато было, а потом и мы с ним размечтались, – сколько денег на халяву заработаем, да как потратим.

– Мишка – говорю я ему, – я тут у Гиляровского прочитал, – у одного нищего, когда он умер, в подстилке со вшами два миллиона долларов нашли, а он объедками питался!!!

– Повезло – чихая от пыли, сказал Мишка, – ну не то что он помер, а что деньжищ столько нахапал.

– Он, наверное, не знал, что с ними делать, куда истратить..... Вот если бы у меня был миллион долларов, то я бы сразу на него купил...

– Размечтался – прервал меня Сашка, – лучше дай мне еще тот крем для загара, я себе синяк погуще подрисую, а то, как то блекло получилось.

Забыл вам сказать, что мы как раз к своей новой работенке подготавливались.

Ведь не пойдешь же деньги просить в костюмчике – надо загримироваться. Я себе усы из выщипанного кота приклеил, повязку на глаз соорудил, а под треники с футболкой

перьевую подушку засунул – ребята надо мной потом долго ржали.

Мишка костыли из дома притащил, (от прабабушки остались) помятую шляпу и два теннисных шарика, он их за щеки собирался потом засунуть.

Ну а Сашка в какую-то половую тряпку завернулся, правда он уверяет нас, что это просто старый плащ, которым машинный двигатель вытирали.

Он из нас получился самый страшенький со своим синяком под глазом и грязными ручками.

Ну, мы только на улицу вывалились, как у нас проблемы начались, как-то мы сразу приглянулись.

Ребята нас во дворе обступили:

– Ну, Димка, ну Сашка – клево вы вырядились, просто последние уроды!

– Вы зачем придуживаетесь, можно мне с вами?

– Мишка дай один костыль, пожалуйста, я тоже так хочу.

Все нас конечно сразу узнали! Даже странно и обидно! Еле от них отбились!

Хорошо в метро только за деньги пропускают, а то так бы и увязались.

Встали мы в центре перрона, приготовились. Мишка стал шары в рот запихивать, а они не запихиваются, еле уместились, правда, у него немножко рот остался приоткрытым, и болтать он перестал, но это даже смешнее.

Вскоре поезд подошел, двери раскрылись и мы вошли.

Вошли в вагон такими скромненькими уродами, встали в уголочке и молчим.

Вагон качается, и мы качаемся и молчим, потому что как-то неожиданно растерялись. Пассажиры на нас поглазели немножко, поудивлялись, и с каменными рожами сидят, чтобы не рассмеяться. Редко таких придурков, как мы в метро встретишь.

– Хыхо ты хихих гыгы швонибуть – толкнул меня в бок Мишка, мячики во рту ему явно мешали.

– Начинай – шепнул я Сашке, но тот совсем струсил и умоляюще смотрел на меня своим подбитым глазом. Синяк у него почему-то стремительно темнел, наверное, от волнения.

И тогда я насильно раскрыл свой рот и хрипло, срываясь на фальцет, протянул: – граждане подайте убогим карликам на пропппитание.

И мы, раскачиваясь и громохая костылями, начали свой знаменательный поход.

– Господи, у маленького мальчика уже растут усы – ужаснулась старушка, одарив меня рублем.

– Папа, это разбойники – с любопытством ткнул в нас пальчиком пятилетний мальчик

– Нет, сынок, это клоуны, видишь, у того мальчика ус отклеивается.

Пройдя вагон, мы, наконец, дождались остановки. Моя перьевая подушка неумолимо стягивала с меня тренировочные штаны, как всегда подвела слабая растянутая резинка.

Мишка же с шарами за щеками весь изошел слюнями, напоминая вечно сопливого боксера.

– Чуть рот не порвал – пожаловался он, с трудом от них избавляясь.

– Мишка, возьми лучше мою подушку, у тебя в штанах ремень, а не резинка – попросил я его.

Но сколько мы не пытались, подушка под Мишкиной рубашкой не помещалась.

– Давайте!!! Давайте же быстрее – торопил нас ненасытный Сашка. Синяк у него под глазом к тому времени сделался чернильно-черным.

– Тогда забирай у Мишки один костыль, чтобы он мог нести мою подушку – сказал я.

– Нафиг мне твоя подушка, давай ее выкинем – возмутился Мишка.

– А на чем я буду спать – придерживая усы рукой, вспылил я.

И мы пошли в мир, попрошайничать дальше.

Спустя час мы подсчитали свою выручку и убедились, чтобы оправдать траты на входной билет в метро, нам придется еще поработать.

– Что-то и как-то негусто, – с треском почесал вихрастую голову Сашка, – может, надо было приходиться в час пик?

– Щас я дам вам такой час пик по заднице, что улетите! Совсем молодежь обнаглела, работать идите – сортиры подчищать, а не попрошайничайте!!! – заорал на нас невесть от-

куда появившийся конкурент.

– Вы бы дедушка потише ругались, а то зубы выпадут, – вежливо попросил его Мишка, – мы тут журналистское расследование проводим, а вы мешаете.

– Милиция!!! Милиция, хватайте скорее этих клоунов – заорал тот еще громче и нас вместе с ним повязали.

В милиции мы пролили реки слез и мыли сортиры, а потом нас отпустили домой.

А дома мы срочно стали избавляться, кто от усов, а кто от синяков. И вскоре мы с Мишкой выглядели вполне нормальными пятиклассниками, а вот у Сашки с этим, что-то не получалось.

– Чегой-то он стал такой черный – удивленно спросил он нас о загаре под глазом, впервые увидев себя в зеркале.

– Не знаем – пожали мы плечами.

– Чегой-то он не отмывается – испуганно воскликнул он, спустя десять минут.

– Странно – заметил я, – когда я им испачкался, он у меня мигом отмылся, ты потри с мылом посильнее.

– Не оттирается, не оттирается, а ты говорил его легко можно смыть! – взвыл Сашка.

– Здесь на тубике написано – мрачно проговорил Мишка – что он, впитавшись в кожу, водой не отмывается и мылом тоже. Тут сказано, что через три четыре дня искусственный загар сам начнет сходить, а если слишком густо намазан, то через неделю.

– Через неделю! – завопил в отчаянии Сашка, это что же мне неделю так ходить. Да надо мною все смеяться будут.

– Давай тогда тебе все лицо намажем этим кремом, скажешь, что загорел так на солнце – предложил я ему.

И мы поссорились.

Биологическое оружие

Я проснулся от кошмара, чебурашка с крокодильскими замашками пытался меня придушить. В окно светило по-весеннему яркое солнце, а из раскрытой форточки несло выхлопной гадостью.

– Тыр-тыр-тыр – тарахтел снизу дизельный движок ненювенького мерседеса.

Подскочив к окну, я дернул его за ручку и возмущенно замахал кулаками: – Сколько можно говорить!!! Здесь не ставят машины – заорал я во все горло, но мой мальчишеский писк не был услышан.

Мое негодование объяснялось просто, этот тип вторую неделю травил нас газом. Поочередно на него орал каждый житель нашего подъезда, но он только ухмылялся.

Захлебнувшись от злости, я швырнул в него тапком и кажется попал, но выяснять подробности не стал, сразу притаившись.

Теперь орал он, но я надеялся, что вычислить мое окошко ему не удастся.

Наконец-то я не сдержался! Теперь боевые действия, начавшись, не прекратятся до полной нашей победы.

Спрятав под кровать оставшийся тапок, я пошел умываться. Вид в зеркале у меня был взлохмаченный, но геройский, орудуя во рту зубной щеткой, я ухмыльнулся.

Поплескавшись в воде, я услышал звонок в дверь и насто-роженно высунул нос наружу. Надо было срочно предупредить маму об убитом на войне тапочке, но время было упущено, она уже открывала входную дверь. Навострив уши, я напряженно прислушивался, а, услышав тараторящий голос соседки, почти успокоился.

– Ты, почему босиком? – спросила меня за завтраком мама, удовлетворившись невнятным мычанием в ответ.

Мне совсем не хотелось обострять ситуацию дома, тем более что у меня имелись основания найти свой тапок где-нибудь во дворе. Не взял же его себе на память этот гад.

Съев яичницу, я засобирался на улицу.

Автомобиля у подъезда, разумеется, не было, он увез своего хозяина на работу, а свой тапок я обнаружил не сразу, потому что искал на земле. Случайно задрав голову вверх, я обомлел, он висел на антенне третьего этажа, куда его зашвырнул ненавистный отравитель воздуха. Надо отдать ему должное направление атаки он вычислил неплохо, я живу на четвертом чуть левее. Поразмыслив с минутку, я со вздохом направился к соседнему подъезду и мгновение спустя нажимал кнопку звонка на третьем этаже.

На этот раз мне не повезло, в квартире никого не было. Постояв, у закрытой двери, я решил зайти попозже.

Спустя три часа у меня на квартире состоялся военный совет, на нем присутствовали Мишка, Сашка, и Верка. Пред-

ложения сыпались пачками, отражая пагубное влияние телевизора на нашу неокрепшую психику. Мысль, взорвать машину к чертовой матери бомбой сделанной из спичечных головок, была мною сразу отвергнута как совершенно нереальная в исполнении и слишком радикальная по смыслу.

Скинуть кирпич на крышу автомобиля – это мне сразу понравилось, но, помня о тапке, я отверг и его – опасаясь рикошета.

После чего мы глубоко и надолго задумались.

– У меня есть чертилка – нарушила молчание Верка, – отличная такая чертилка которой можно начертить на его автомобиле нехорошее слово!

– А у меня есть шило – улыбнулся Мишка, – очень, кстати, подходит для прокалывания всяких шин, и что самое главное абсолютно безопасное, попробуй, докажи что это я сделал, ни в жисть не удастся!

– Давайте попробуем сразу три способа! – вспомнил я о кирпиче, – Одновременно!

– Кирпич чуть попозже – уточнил осторожный Мишка.

На том и порешили.

Впереди у нас оставалось полдня, и чтобы не мучиться напрасными ожиданиями, я предложил сначала вызволить из плена свой тапочек.

Дверь на звонки по-прежнему не отвечала. И мы, вооружившись лыжной палкой, принялись выуживать тапок, вы-

сунувшись из моего окна.

Это занятие ни к чему хорошему не привело, напугав разгуливавшего по балкону раскормленного кота и уронив палку, мы временно уgomонились.

– Эх, была бы у нас приставная лестница, или пожарная машина – мечтательно произнес я, мы бы этот тапок мигом освободили.

– Секундочку! – встрепенулась Верка, – кстати, хорошая идея. Давайте вызовем МЧС, ПУСТЬ ОНИ НАМ ТАПОЧЕК ДОСТАНУТ.

– Совсем что ли очумела!?! – покрутил я пальцем у виска, – Так они тебе и поедут тапки с балконов снимать!!!

– А мы им наврем чего-нибудь – предложила Веерка, хитро улыбаясь.

– Только не про пожар и не про бомбу – сразу предупредил я ее.

– Мы им про кота скажем! – снова улыбнулась Верка, – про бедного котика который упал с моего балкона и третий день сидит без пищи.

– Слишком жирный – засомневался я, – голодные так не выглядят.

– Ну и что! Может быть, он раньше в три раза толще был – возразил Мишка

И мы воодушевленные отправились к Верке на квартиру. Ну и врунья же оказалась Верка, я не ожидал. Ей бы в театре актрисой работать. Так рыдала в телефонную трубку,

что МЧСовцы через час у нас были.

Правда, их удивило, что кот с ее второго этажа на третий упасть умудрился, но это детали. Достали они нам бедного кота, который в форточку удрать не догадался, и всучили любящей хозяйке орущим и царапающимся, с вытарашенными глазами и мокрым от переживания хвостом.

А тапок снимать отказались!

Не скажу, чтобы это стало для меня большим ударом, но немного обидно. Столько времени зря потратили.

Вот кому действительно не повезло, так это Верке, она сразу про тапок забыла, когда ей кота вручили, у нее от мыслей, куда его теперь девать, совсем память отшибло!

Неудача не приходит одна! К вечеру я не нашел ни одного целого кирпича, все попадались какие то мелкие обломки, а Мишку за ковырянием шилом шины застал дворник дядя Ваня, после чего от пылающих Мишкиных ушей можно было зажигать спички.

Верка, понятное дело, вообще во двор не вышла. Позабыв о чертилке, она носилась по квартире с мокрой тряпкой за напуганным котом и ждала неминуемой взбучки от родителей. Кто-то из школьников сказал ей, что услуги МЧС по спасению зверюшек бывают платные.

Утром я снова проснулся от кошмара, но не стал кидаться оставшимся тапком. Стиснув зубы, я, поднявшись на цыпоч-

ках, захлопнул форточку и засобирались в школу, весенние каникулы кончились, а хуже школы (с ее двойками) трудно, что-либо представить.

Встретившись у подъезда, мы унылой троицей поплелись к знаниям.

На уроке географии, сидя за последней партой, исцарапанная Верка шепотом учила нас, как укрощать котов.

– Когда он меня совсем достал, я накапала ему в блюдечко валерьянки. Я думала, он успокоится и уснет, но он совсем слетел с катушек, вначале стал мурчать громче холодильника и лезть ко мне целоваться, потом стало еще хуже. Он бегал по комнатам, чего-то рычал себе под нос, катался на блюде, точил когти обо все что придется и непрерывно гадил где придется.

– Настоящий бандит – посочувствовал ей Мишка.

– Вредитель!!! – эмоционально подтвердила Верка. – Сегодня хозяйке его отнесу! Наркомана!

Они болтали промеж собой, охали и ахали, а я при последних Веркиных словах радостно воскликнул: – Ура!

Именно в это мгновение меня осенило, – Вот оно! Я придумал.

После уроков я пошел в аптеку и купил три флакончика с валерьянкой, тоже самое сделали мои друзья, и мы стали ждать часа Х для испытания страшного биологического оружия КАТ№.1

Ровно в 18 часов вечера приехал объект. Нас он не видел, мы предусмотрительно спрятались за помойкой. Рядом с нами стояли, лежали и терлись о ноги драные помойные коты, их будоражили оброненные Веркой капли, асфальт в том месте, куда они упали, был вылизан до самой земли.

Ровно в 18 часов двадцать минут мы открыли флакончики с пахучей жидкостью, и осторожно оглядевшись, двинулись в направлении машины.

Во дворе повисла напряженная предгрозовая тишина.

Только три отважных воина поднявшись из-за помойки, молча шли на последний решительный штурм.

Девять пузырьков валерьянки одновременно омыли пахучей жидкостью ненавистный автомобиль и уже пустые, нашли пристанища в наших карманах.

Теперь оставалось только ждать.

Медленно, но неумолимо шло время, быстро высыхала вылитая на машину жидкость, и ничего не происходило.

Но мы ждали не напрасно – вот над машиной появилась первая кошачья морда. Раздалось первое хриплое:– Мряу!!! – И первая царапучая лапа ласково погладила лакированную обшивку.

– Мряу!! Мяк!! Мяк!! Мур-мур!!! – радостно раздалось со всех сторон.

Зашуршали хвосты и лапки, зашипели обделенные. Испытание нового биологического оружия вступило в завершающую самую длительную стадию.

– Завтра посмотрим – помахал я рукой на прощание, после чего вместе с Веркой и приносившимся к нам котом, пошел вызволять из плена свой тапок.

Хозяйка так обрадовалась возвращению своего Виолента (офигеть – ему придумали имечко!), что кроме тапка, подарила нам банку маринованных огурцов и угостила квашеной капустой.

Утром я проснулся от кошмара – я опоздал в школу!!! Кошмар оказался явью. Я проспал, потому что сегодня, впервые за две недели, не тарахтел мерседесовский двигатель.

Потянувшись, я осторожно выглянул в окошко, машина стояла на прежнем месте обосранная и обоссанная котами, а на исцарапанном капоте почему-то спала бродячая собака.

Снизу мне махали руками мои друзья, они тоже проспали.

– Сейчас выйду – крикнул я им и принялся лихорадочно заталкивать в портфель учебники.

Подарок

Я бабушке никогда не прощу, что она мне на день рождения купила дорогой свитер и ботинки на вырост. И спрашивается, чего я с этим добром буду делать!?

Во-первых, я может быть никогда до этого размера и не вырасту!!!

Вы представляете, что она мне сказала, что через год мне этот костюмчик будет впору!!!! Через целый год!! К этому времени я состарюсь без игрушек!!!

А ведь я был уверен, просто точно знал, что она мне подарит автомат и кучу солдатиков. Я ей много раз незаметно намекал, что мне не хватает игрушек.

Самое обидное, я подслушал ее разговор с мамой.

Представляете, она оказывается уже собралась мне танк на батарейках купить и шпагу, но тут, видите ли, ей свитер приглянулся в два раза дороже моего любимого танка, и она, вместо того чтобы купить мне два танка купила мне этот дурацкий никому не нужный свитер. Даже одеть его на себя нельзя, теперь я год на него должен смотреть и расти.

Я так обозлился!!! Просто вышел из себя, когда моя бабушка мне сказала: – я подумала что для тебя свитер важнее танка.

Я ей так и сказал, что она очень неправильно подумала и что этот дурацкий свитер я никогда не одену и лучше бы

она вообще ни о чем не думала, а купила бы мне танк или автомат или пушку с пистолетом, а то старый сломался.

Но было уже поздно чего-либо менять, и я это прекрасно понимал, и мне стало так грустно и обидно, что я ушел плакать в другую комнату и слезы текли по мне в два ручья, и все было плохо! А бабушка за стеной, вздыхая, говорила маме – какой меркантильный ребенок, никаких интересов, его интересуют только глупые игрушки.

– Сама глупая меркаталка – всхлипнул я напоследок и улыбнулся, увидев подаренного мамой плюшевого мишку.

– Хорошенький ты мой – поцеловал я его в черный бархатистый нос, и пошел есть с друзьями печенье.

Научный эксперимент с бубликом

Сережка шел впереди меня и жрал бублик. Почему жрал? Да потому что дома его не научили делиться.

Я поэтому с ним почти не дружу, потому что он обжора и жадина!

Поравнявшись с ним, мой нос уловил божественный запах свежей выпечки. Меня даже зашатало от него, а рот наполнился голодной слюной.

– Твой бублик не лучше моей булочки – сказал я, облизываясь, – и вообще бублик это все равно, что обычный хлеб, только с дыркой!

– А почему ты тогда мне завидуешь – набив рот очередным куском вкуснятины, спросил меня Серега. – Все равно мой бублик вкусней, твоей дурацкой булки!

«А правда – задумался я – почему бублик вкусней? Может быть действительно, все дело в дырке? Ведь без дырки бубликов не бывает!»

Мои мозги просто закипели в ожидании великого открытия. Я даже про голод забыл и помчался домой.

Оказавшись в квартире, я вытащил из портфеля недоенный бутерброд, быстро съел с него колбасу, а в уже зачерствевшем хлебе проткнул пальцем дырку и потянул его в рот.

Многие скажут, что очень опасно производить на себе

эксперимент. Но под рукой у меня не было говорящей лабораторной крысы. Все приходилось делать самому.

И так, я засунул в рот дырявый ссохшийся хлеб. Поморщился, оцарапав об него язык,

пожевал, прислушался к своим ощущениям и ничего – никакой почти разницы, просто дырявый бутерброд, к тому же без колбасы.

Наверное, в будущем я стану ученым, потому что на следующий день никто в школе так и не смог ответить мне на вопрос, почему бублик со своей дыркой намного вкуснее дырявого хлеба? Ведь он (разумеется, бублик) ни сладкий, ни соленый и корка у него почти такая же.

Вообще я часто ставлю наших учителей в тупик своими вопросами, а это значит, что я неординарно мыслю. Я не знаю, откуда я это слово знаю, но звучит оно достаточно непонятно и прикольно. Неординарно – это такое слово, которое с трудом выговоришь! Его проще написать, чем произнести! Прямо как генералиссимус. На генералиссимусе у нас весь класс язык сломал!

Ну вот, я как всегда отвлекся, просто какой-то дегенератор мыслей!

Мама пока не видит во мне ученого и говорит, что я просто слишком мало знаю, плохо учусь и поэтому задаю людям дурацкие вопросы. Но я где-то прочитал, что так было и раньше. Все новое в этом отсталом обществе с трудом находит признание. Люди, увы, не успевают за полетом моих

мыслей и фантазий и в этом их и моя беда.

Конечно, мир пока проживет без моих открытий. Наша «классная» училка продолжит вставлять мне палки в какие-то колеса и вместо пятерок ставить мне тройбаны.

Трудно бороться второкласснику с подобной несправедливостью, или как я где-то слышал красивое слово, – «с этой напастью»

И все-таки я чувствую, что решение этой необычайно важной научной задачи где-то рядом, и дырка в бублике сделана неспроста!

В парикмахерской

Я сидел на стульчике в парикмахерской, обвязанный до ушей пестрой косынкой и чувствуя себя идиотом.

Тетка парикмахерша куда-то неожиданно смылась, коротко сказав: – мальчик я мигом.

Судя по тому, как она орала кому-то в телефонную трубку – мигом у нее не получилось, и я приготовился к скучному ожиданию.

И я терпеливо ее ждал, и от нечего делать, глазел по сторонам.

Парикмахерская была безлюдна. Тихо скворчало радио, иногда взвизгивая помехами. В распахнутое окно сквозь листву заглядывало солнце. Легкий теплый ветерок трепал занавеску.

У меня зачесался нос и я чихнул.

Со двора противно мяукало неизвестное мяукало. Сверху с небес каркала и чирикала невидимая птица, и в мире наблюдалась отпускная пустота.

Почти все ребята разъехались по лагерям, либо набивали животы ватрушками в деревне с дедами и бабками.

В своих размышлениях я немного отвлекся и пропустил тот момент, когда в окне материализовался какой-то местный субъект.

На вид ему было 12 лет, но выглядел он внушительно и

старше меня.

Судя по царапинам на его облупленном носу, он недавно дрался, и я почувствовал себя неуютно. (Неуверенно как-то).

– Сидишь – утвердительно произнес он, и опасно перекинул ноги через подоконник.

Я растерянно кивнул.

– А почему такой лохматый? – нелогично задал он следующий вопрос.

По его тону чувствовалось, что его особо не интересует мой ответ, и я испуганно моргнул.

– Хочешь я тебя сам подстригу пока моя мама по телефону говорит.....Налысо....

Я совершенно этого не хотел и энергично завертел головой.

– Уши то перед стрижкой помыл?– хищно уставился он на меня. И снова его мало интересовал мой ответ.

– Понятно..... ты грязнуля... – вздохнул он укоризненно, прислушиваясь к орущей матери из-за стены.

– Смотри, ты с моей матерью полегче, а то я в лоб дам – задумчиво почесал он свою макушку, – Любишь драться?

– Не очень..– промямлил я.

– Сразу видно городской – презрительно окинул меня он задиристым взглядом, – Ладно я пошел..... после стрижки поговорим.... – торопливо произнес он, спрыгивая во двор, – и смотри моей матери ничего не говори.... А то...– многозначительно потыкал он себя отбитым кулаком в нос.

Увидев его неторопливо удаляющуюся спину, я облегченно вздохнул.

А когда в зал вошла парикмахерша, то над нею долго реял внушительный образ ее сына.

Цирковое представление с доставкой на дом

Не пойму я этих взрослых! На днях пошли в гости к тете Маше, и я здорово подготовился. У всех подарки как подарки, ничего особенного, а у меня целое представление, и главное, готовил я его от всех в тайне, чтобы всех потрясти. Вот последнее, мне, кажется удалось. И даже очень! Но это в конце случилось.

А я лучше начну с начала. То есть с самого утра.

Вначале я проснулся и потянулся, да так что стал в два раза длиннее, еле кровати хватило!

Затем умылся под холодным душем и съезжился до нормальных размеров.

Ну, там поел немного, и стал готовиться к походу в гости.

Рубашку, наглаженную, мне только на выходе выдали, боялись, что сомну, и брюки соответственно. Так что репетировать свой номер мне пришлось в трусах. Зато как приоделся, сразу застеснялся, до чего же я красивый.

Сбежал, по ступенькам, эдаким денди во двор, из парадного вышел, свой блестящий ботиночек на солнышко выставил, полюбоваться. Вдруг как блямс, голубь с крыши нагадил прямо на него, сволочь, да так, что сразу не ототрешь.

Естественно, настроение испортилось! Дальше – хуже:

В метро, напротив нас уселся синий пропойца, дыхнул раз, и все окна запотели, хоть плачь! Хорошо, что на следующей остановке его пассажиры, за матерщину, из вагона вытолкали.

Встал я у дверей, нос к стеклу прижал, на проносящиеся дома смотрю, помрачнел, задумался, еду, а самого единственная радостная мысль греет, что стол нас ждет отменный, а слава и того пуще.

Солнышко к этому времени пригрело, воробьи щебечут, мухи прошлогодние, как пьяные, ползают. Сразу видно, Весна пришла!

Я бы по такой погоде с удовольствием пешком прогулялся, но мама на автобусе настояла, хотя знает, как я его ненавижу. Уж больно в него народу много набивается!

Правда, сегодня нам повезло. Ехал с нами какой-то припадочный, все время хихикал, а на остановках воздуха побольше в легкие наберет, газеткой прикроется, сведет косые глазки к носу, слюни пустит, и так незаметно выдаст: – Гражданин, этот автобус идет в парк. Не толпитесь, сзади едет два пустых.

А граждане у нас доверчивые, вот мы и ехали почти одни. Но все равно мы опоздали. Гости давно собрались, только нас ждали. Сели мы за стол, за здоровье хозяйки лимонада выпили, поели. Некоторые из приглашенных даже песенки спели, а, спев, еще поели-попили, пару тостов проорали, гопака сплясали, и подарки имениннице потащили.

А она как помидор зарделась, итак вся красная была, а здесь просто малиновой сделалась.

Ладно, думаю, сейчас я вас всех затмю. Вазы хрустальные, они и в Африке вазы, а такой номер нигде не увидишь.

Встаю, стишок читаю. Все мне вежливо хлопают, а затем притихли. Видят, я коробок на стол выставил, ждут продолжения.

Ну, я, как настоящий артист, паузу выдержал, да как гаркнул: – Представление начинается.

И из коробка тараканов повыпускал.

Хотел объявить тараканьи бега, да не успел. Тут такое началось, что я даже растерялся.

Тетки завизжали, мужики на ноги вскочили, ладонями по столу хлопают, моих артистов гоняют. Да ничего у них не получается.

Не зря я тараканов неделю не кормил. Стали они злые и голодные, а потому изрядно шустрые.

Те, что поглупее, в винегрет забрались, да в бутерброды вцепились, а остальные меж тарелок бегают, усами шевелят, меня не слушаются.

Наверное, с час их ловили, поймали восемь штук, и ко мне с допросом, сколько их было. А, я, не будь дураком, не сказал, что их одиннадцать. Говорю: – всех поймали.

В это время мама ко мне подступает, бледная такая и включенная: – Надеюсь, – спрашивает, – у тебя это последние?

Мне бы соврать, в очередной раз, а я сдуру признался: – Нет, – говорю, – остальных дома оставил на приплод – за-пасную группу.

Народ в квартире хоть и сидел до этого как пришиблен-ный, так и попадал.

Им смешно, а мама за голову хватается: – Ах, я не пере-живу! Это дите меня доконает.

Это она обо мне. Ну, я обиделся немного и, надувшись, говорю: – И чего ты так волнуешься. Они у меня в кастрюле сидят. Еды у них навалом, да и крышкой прикрыты.

– Ах, – простонала мама, – я больше не в состоянии это слушать!

И к папе: – Алексей, поехали домой, может, они еще не разбежались!

– Это катастрофа, если они расплодятся.

– Не вижу ничего страшного, – мрачно пожал я плечами. – Ведь живут же у нас клопы!

После этих слов мама почему-то покраснела и, нервно подпрыгивая на каблуках, заторопилась к выходу.

Папа и плот

Мой папа любит море, матроску и корабли, особенно парусники. Он и слова морские знает и всякие названия – бомбрамстенги и доннер-веттеры с зюйд-вестами по корме и ниже ватерлинии.

Когда он был маленький, то в яхт-клубе занимался и на этих яхтах плавал. Но это очень давно было, а мы ему корабль неподалеку от дома нашли.

Здоровенный такой плотище, из трех бревен, устойчивый и на плаву. Весной у нас в овраге огромная лужа образуется и все кому не лень по ней катаются.

Так вот, решили мы папе приятное сделать, прокатиться пригласили, уж больно нам интересно на папу посмотреть, как он катается.

Папа оделся, словно на парад, брюки матросские, под пиджаком полосатая тельняшка, ботинки ваксой до блеска начищены ну и фуражка – настоящий капитан.

Идти нам было не долго. Увидел папа плот, весь загорелся, засиял, ладонь о ладонь хлопнул, потер, улыбнулся и говорит: – Хочется мне молодость свою вспомнить, давненько на плоту не катался!

И прыг на плот!... Зашатался, руками взмахнул, еле удержался, ну плот и поплыл,.... несмотря на то, что папа от счастья и воспоминаний шест на берегу забыл!

Плот как я уже сказал, пару раз качнулся и стал от берега медленно так отходить и еще медленней под воду погружаться. А папа стоит и улыбается, он, наверное, давно на плотках не плавал, забыл, как они тонут.

А плот тем временем все погружался и погружался и папа тоже вместе с ним погружался и хлопал глазами.

Вначале вода лизнула папины ботинки, затем заплескалась в брюках, плота уже не было видно, а папа все еще на нем стоял и медленно частями уходил под воду и улыбался. А мой друг Мишка глядя на него, вдруг начал бешено хохотать.

Мне одновременно хотелось крикнуть папе, что бы он прыгал на берег, и дать Мишке по шее, но тут плот лег на дно и папа прекратил тонуть.

Он стоял в луже по пояс в воде, растерянно озираясь, а капитанская фуражка гордо блестела на солнце кокардой.

Высоко в небе летали чайки или это были вороны, и им не было дела до грязной лужи, в которой терпел крушение прославленный «КОН-ТИКИ».

Папа, наконец, принял решение, и высоко поднимая ноги, вылез на берег.

Мокрый, но гордый он подозрительно покосился на всхлипывающего от смеха Мишку и, отжимая брюки произнес: – Капитан не покидает своего судна до конца!

Маскарад, или перестарался

Переодевшись девчонками, мы пошли на маскарад. Дело происходило в пионерском лагере, в самый разгар лета, и мы постарались на славу.

Я надел соломенную шляпку Ленки Сеницыной и нацепил поверх шорт юбку Вальки Рыбниковой. Завершая портрет, я стянул с ведра будущую половую тряпку, с дыркой по середине, представив, что это наплечный платок.

Закутавшись в тряпку, я полюбовался своим отражением в зеркале и довольно ухмыльнулся: – Приз мой!

Взглянув на пыхтевшего рядом Валерку, я рассмеялся. В цветастой юбке, с едва державшимся на бритой макушке бантом он походил на сбежавшую из цирка мартышку.

Весело поддразнивая друг друга, мы направились через лагерь к грохочущей музыкой сцене, где собралось много наших ребят, так же, как и мы, переодетых в девчонок. Вид у них был дурацкий, но довольный.

– Привет! – подбежал к нам Васька Ведерников из соседнего отряда, – как мой новый наряд? – покривлялся он перед нами.

– Ничего так! Страшненький! – честно признался я.

– Зато смешно! – захихикал он чудовищным красным ртом.

– Обхохочешься! В реанимации! – сказал я, рассматривая

его в упор.

Васька напоминал вампира сожравшего пару девиц, останки которых торчали в виде женских чулков и дырявых носков из его карманов. Глаза его скрывали огромные круглые очки, а дальше начинались криво покрашенные губы.

Юбка на нем смотрелась как на танке, и он нисколько не походил на девчонку! За сто верст было видно, что это грязнуля мальчишка.....

Но почему-то именно его спустя пять минут выбрали в победители.

Ваську и еще парочку таких же уродов затащили на сцену, где они глупо хихикали и соревновались промеж собой, кто противнее.

Я чуть не взвыл от негодования: – И это маскарад, и это победители!?... Какая несправедливость!

Ваську вскоре отпустили, наградив тремя слипшимися конфетами, а два других уродца пустились в пляс.

Я мрачно смотрел, как они веселятся, и мне становилось все обиднее. Ведь я так здорово замаскировался!

Ну что за невезуха?

Неужели мой костюм настолько плох? Я так старался – и все напрасно!

Я стоял у самой сцены, и на мои глаза готовы были навернуться слезы, когда парень из жюри, обернувшись, заметил мое невеселое лицо и, поднявшись со стула, заботливо поправил на мне съехавшую набок шляпку.

– Чего пригорюнилась, девчонка? Смотри, какие конкурсы смешные!

Пошла бы, переделась парнем, из тебя бы отличный мальчишка получился!

Спор

Едем мы на велосипедах, смотрим, впереди шлагбаум!

Мишка мне и говорит: – Давай головы к рулю пригнем и под ним проскочим.

– Совсем что ли!?! – покрутил я пальцем у виска, – У нас велосипеды под ним не пройдут!

– Нет, пройдут! – говорит Мишка, – Точно пройдут, я уже пробовал!

– Не пройдут! – говорю.

– Пройдут! Как миленькие пройдут! Спорим!?

– Спорим!

Ну тут, разогнались мы хорошенько, головы пригнули. Смотрю, – Мишка меня чуть обогнал, «Вжик» и впрямь под шлагбаумом проехал.

Но он дурак! Напрасно со мной спорил! Проиграл таки! Потому что я не проехал!

Шахматист

Не бывало выходного дня , чтобы мы не встретили в сквере дядю Васю.

В нашем понимании он был глубокий старик лет пятидесяти, а из-за его пристрастия к пиву я подозревал его в пьянстве.

Правда, к окончательному решению по этому вопросу мы с Мишкой так и не пришли, слишком слабо разбираясь в его тонкостях. Мишка придерживался крайней точки зрения, утверждая, что пиво похуже водки и с годами у дяди Васи будет печень до коленок, с чем я решительно не соглашался. Но если честно, то к делу это не относится , и если бы дядя Вася тем и был знаменит, что попивал пиво, то о нем можно было и не рассказывать, как говорится – таких везде хватает.

Нас дядя Вася интересовал как заядлый шахматист. Дни напролет он просиживал, склонившись над доской, и тасовал по клеточкам фигуры. При этом он не был бескорыстным, и на шее у него всегда висела белая табличка, на которой корявыми буквами значилось, что Василий Петрович, за умеренную плату, готов всего за полчаса обучить детей и взрослых азам древней игры.

Чему и как он их там учил , не знаю , но на пиво ему хватало . Правда, как-то раз, я видел его мчущимся с широко

открытым ртом и съехавшими на нос очками, а вдогонку ему летела шахматная доска, пушенная разгневанным клиентом. Но это происшествие лишь прибавляло ему славы личности неординарной и выдающейся. Именно этим он и привлек наше внимание.

Еще в четвертом классе я научился игре в шахматы, и теперь мне не терпелось испытать свои знания на почтенном гроссмейстере.

Сложность заключалась в том, что он играл в шахматы только с начинающими, чтобы не растрчивать, как он выражался, талант понапрасну в глупых и долгих баталиях.

Поэтому мы с Мишкой договорились, что подойдем к нему несмышленишками, а в процессе игры я постараюсь его обыграть.

Последнее представлялось мне сомнительным, ибо дядя Вася был до макушки увешан медалями и грамотами по шахматной части.

Задумав эту аферу, я два дня просидел над шахматными задачками и до головной боли зашаховал своего папу.

На следующий день, выпросив десятку на мороженое, я вышел во двор, где меня уже ждал Мишка, и мы с дрожью в коленках направились к скверу.

Дело шло к обеду, и дядя Вася, после очередного клиента, засобиравшись за пивом, когда появились мы и молча выложили на доску деньги.

– Двух рублей не хватает, – заметил дядя Вася, но, убе-

дившись, что с нас большего не добиться, быстро сграбастал деньги и, поднявшись, коротко бросил: – Ждите.

Пользуясь нашим доверием, он, однако, нам не доверял и удалился, прихватив с собой доску с фигурами. Нам оставалось только одно – ждать и надеяться. Надеяться на то, что он вернется.

– Зря ты ему деньги отдал, – подумав, укорил меня более подозрительный Мишка.

Я был с ним полностью согласен и с нетерпением посматривал на часы. Учитель наш задерживался.

– Куда он запропастился? – спустя десять минут возмутился Мишка, но тут вдалеке замаячила знакомая фетровая шляпа, а вскоре из-за кустов появился и сам хозяин с позвякивающей бутылками сумкой.

– Пива нигде не было. Пришлось в дальний ларек сбегать, – объяснил он непредвиденную задержку и, предоставив мне, в качестве первого задания, правильно расставить фигуры, принялся за открывание бутылок.

Спустя некоторое время он удостоил меня взглядом и чуть грассируя, произнес:

– Ну-с, молодой человек начнем с азов; вот эта большая толстая ба..., кхе-кхе фигура называется ферзь, а это, сударь, пешка.

Пробарабанив довольно невнятно сведения о других фигурах, он сделал свой первый ход- с Е2 на Е4 .

Я долго думал, прежде чем повторить его, а вскоре моя

позиция на доске оказалась почти зеркально расположенной относительно противника. Кроме того, я умудрился съесть у него пару пешек, к которым дядя Вася относился крайне беспечно и только посмеивался.

Но когда я съел у него офицера, он заподозрил неладное и задумчиво уставился мне в лицо. Не знаю, что он на нем прочел, наверное, что-то для себя утешительное. Потому что хорошее настроение вновь вернулось к нему, и он продолжил игру с прежней уверенностью.

При этом он не забывал о пиве и отгонял, как назойливых мух, столпившихся (в надежде на пустую тару) старушек.

Через полчаса он все же сообразил, что играет не с новичком, и здорово обозлился.

Я выслушал от него целую лекцию на тему правды и лжи и как нехорошо обманывать честных тружеников.

Затем он сказал мне, что своим дурным поступком я лишил его возможности поделиться знаниями с дюжиной учеников. А в завершение монолога заявил, что отказывается от игры со мной, но, порывшись в карманах, вспомнил, что истратил все мои деньги, а так как я категорически отказался брать их пивом, то он был вынужден согласиться на продолжение партии

После этого вид у него сделался столь несчастный, что мне стало неловко за свой поступок.

– Теперь-то он точно меня обыграет, да еще как-нибудь по позорному, – думал я, передвигая фигуры.

Битва шла нешуточная, и от волнения сердце в груди билось неровно.

Тем временем вокруг нашей скамейки собрались местные пенсионеры и молча глазели на доску, изредка между собой перешептываясь и покачивая головами.

Дядя Вася раздраженно на них поглядывал, подслеповато шурился и вел себя неуверенно. Надувшись пива, он, красный как рак, мучительно долго думал над каждым ходом, а рука, хватавшаяся за все фигуры подряд, дрожала.

Вскоре я с удивлением заметил, что побеждаю, и радостно повернулся к Мишке. Но тот толкнул меня локтем в бок: – Играй!

– Да, да, да, – загалдели деды и старухи, полностью с ним согласные. И я продолжил.

Сделал еще один ход, затем еще и еще ход и, окончательно разгромив противника, собирался поставить ему мат.

Но не тут-то было. Сколько я не искал на доске его короля – его нигде не было.

Я протер глаза, зажмурился, закрыл и вновь открыл их, но король на доске так и не появился. Ход был мой, и пауза затягивалась.

– Ну же, мочи его, – услышал я нетерпеливый шепот ничего не подозревающего друга.

– Да, да, да, – вновь загалдели слухастые старики. И тут я спросил у Василия Петровича: – А где ваш король?

– Чего? – переспросил тот в недоумении. – Ах, король!

Где мой король? Ну, молодежь пошла, невнимательная, ничего не помнит! – обратился он к окружающим и укоризненно обернулся ко мне, разъясняя: – Так ты ж его пять ходов назад у меня срубил! Не помнишь?

Какая разница? Или скажи, сколько мне лет деточка?

Эти взрослые такие странные!..... Особенно тети. Попробуйте спросить у них, сколько им лет! Сами убедитесь!

У них при этом вопросе лицо делается загадочным – словно мешком по голове ударенным, а глаза куда-то внутрь смотрят и всю ее тянет и ломает, прежде чем она, глупо улыбаясь, спросит: – А сколько тебе кажется!?

На мой взгляд, они, что в тридцать, что в пятьдесят выглядят одинаково – одинаково старыми! Поэтому я всегда отвечаю: – Тридцать.

И если после моих слов, мне говорят ласковые слова и угощают конфетой, значит ей, на самом деле стукнуло пятьдесят, а то и все семьдесят.

На днях к нам одна такая тетенька зашла, сразу со мной засюсюкала, словно я маленький.

Такое впечатление, что она сразу теткой родилась и не знает, что в двенадцать лет человек полностью сформировывается и если он не любит в этом возрасте есть манную кашу на завтрак, то уже никогда ее не полюбит – хоть ты тресни!

Так вот, пришла она к маме в гости, а мучила вопросами меня.

А потом они стали бурно обсуждать какое-то мыло, сдирающее с лица кожу, дескать, после этого оно (лицо понятное дело, а не мыло) молодеет. В доказательство, наша гостья стала тыкать себе в нос, глаза и щеки и радостно говорить:– Смотри, как кожа натянулась! А нежная какая стала, как у девочки!

У меня уши завяли от такой скукотищи и я, заерзав на стуле, собирался смыться к расставленным на полу, (в другой комнате) солдатикам, когда тетка, выпив залпом, стакан остывшего чая, задала мне извечный вопрос. Очень хитро его загнула, витиевато! Не просто спросила «КАК Я ВЫГЛЯЖУ» а длинно, словно невзначай. Хлопнула себя по толстым бокам, рассмеялась и ко мне свою розовую физиономию повернула: – А сейчас мы спросим у юного поколения, пусть он нас рассудит, ему видней! А скажи-ка деточка, сколько твоей маме лет?

– Тридцать пять – не задумываясь, ответил я.

– А мне?

– Тридцать два! – польстил я ей, что бы отвязалась!

И тут она обиделась! Вначале покраснела до свеклы, а потом почернела до тучи!

– Неужели – говорит – я для тебя такая старая!?

А что я ей мог сказать, я же не знал, что ей как раз тридцать лет на днях стукнуло, это мне потом мама рассказала!

Странные все-таки женщины и моя мама тоже такая же, все чего-то шебуршатся на какие-то шейпинги ходят, пла-

ваньем занимаются, в волейбол играют! Зачем!?! Это все до двадцати лет делать надо, а потом уже поздно, пора на пенсию, а они чего-то суетятся, прыгают.

И чего их волнует свой возраст, если после двадцати пяти лет наступает старость, а старушке должно быть все равно, сорок ли ей лет или восемьдесят! Какая разница!?!?

Все зовут меня хулиганом

Я хулиган говорят мне все, ты хулиган вторит им мама.

Ну да я хулиган и не могу ничего с этим поделать, у меня прям таки руки чешутся сотворить какую-нибудь пакость.

Ну, посудите сами, если баба Аня с первого этажа выставила свои, а может и не свои, безразмерные трусы на подоконнике, да к тому же мокрые и совсем не от стирки. Ну, как ей туда кой чего не добавить. Благо дворовый пес Кузька гадит больше чем жрет. А виноват, конечно, я. И по жопе ее костылем тоже получил я. Несправедливо!!!

Между прочим, я вроде санитаря леса в нашем гадюшнике. Чуть кто зазеваётся, там сразу я.

Михрютка, пятилетний, внучек дворника Васи несколько дней над ежиком издевался, ошейник ему хотел надеть, чтобы выгуливать. А где вы у ежика шею видели?!

Я честно это дяде Васе объяснял, а в благодарность получил подзатыльник.

Ежики между прочим днем спят, но только не у Михрютки. Попробуй, поспи, когда из тебя ошейником завтрак выдавливают. Тут сразу взбесишься.

Пришлось уже от него Михрютку спасать.

Когда дядя Вася после обеда на скамеечке уснул, снял я цепь с бешеного ежа, а он бедный так перебесился, еле двигается. Добежал до дядиных тапок, вдохнул воздух и окочу-

рился.

Лежит в тапке ножкой дергает.

А дядя Вася как чихнет, да как проснется, да как в тапок ногу засунет!!!

Не поверите, прям тут же и обоссался.

Ежику, слава богу, повезло, он от такого массажа очнулся, укусил дядю Васю за большой палец ноги и засеменил в кусты.

Я сам чуть вместо него не сдох от смеха. Благо дяде Васе было не до меня.

Речные разбойники

Доехав до Рублево на автобусе мы, сгибаясь под весом жратвы, протащились оставшиеся триста метров до лодочной станции.

Не знаю как Мишка, а я здесь был больше года назад, еще в пятом классе, и не представлял, как тут все изменилось.

«Девяностые» вам не хухры мухры. Всего за неделю мои мама и папа стали миллионерами и от этого мы оказались еще беднее.

Как вам нравится сдобная булочка за шестьсот рублей?

В кармане у меня лежало тысяч пятнадцать на мелкие расходы – буханку хлеба за две с половиной тысячи рублей, кусок колбасы и бутылочку пепси. Ну и деньги на саму лодку.

Слава богу, на лодочной станции царил такой бардак, что лодки периодически становились почти бесхозные. Наших денег хватало на четыре часа, что при полной неразберихи у новой собирательницы денег, давало нам возможность кататься на ней весь день.

Тетка потная включенная и бестолковая кидала как в помойку в свою раздувшуюся от залогов сумку паспорта, водительские права и всякие другие ценные вещи и документы.

Никаких тебе будок с полочками и квитанций. Главное вовремя завладеть недырявой лодкой и можно в принципе ее вообще не возвращать.

Как всегда мы проспали, неправильно договорились о встрече и поэтому пришли к пустым причалам. Вздохнув, я оглядел просторы Рублевской лужи. Никакой надежды на быстрое решение!

Возвращающиеся лодки можно сказать плелись. Такое впечатление, что они плыли к берегу не при помощи гребцов, а сдуваемые ветром.

К тому же тетка требовала с нас хоть какой-нибудь документ.

На руках у нее тьякала отданная в залог породистая болонка, о ноги терлась дюжина каких-то жирных котов, рядом ковырял в носу трехлетний чумазый мальчишка.

Я горячо доказывал ей, что кроме одежды и кроссовок, на мне ничего нет, да и какие в шестом классе паспорт и права.

Наверное, я напоминал кота Матроскина из мультика, у которого вместо документов были только кошачий хвост.

Пока мы спорили, пристало сразу пять лодок и начался натуральный дурдом. Болонка лаяла, коты шипели, а красные как раки от полуденного солнца отдыхающие, сами рылись в сумке, разыскивая свои документы, деньги и права.

Один парень чуть было не ушел с чужим паспортом, но вовремя заметил свою ошибку.

– Это какой-то кошмар! – пожаловалась нам тетка, которая сама же его и создала.

– Раньше мы оставляли залог в будке, там у каждого был свой номер квитанции с указанием полки, ну или металли-

ческий жетон – подсказал ей я.

– Спасибо мальчик, но я тут вообще ничего не знаю, меня наняли только позавчера, хозяина здесь вообще, по-моему, нет, просто в домике живет толи какая-то многодетная семья толи собранные вместе беспризорники.

Собранный беспризорник уже стоял рядом и хмуро пинал босой ногой деревянную скамейку. Другой помельче, загорелый дочерна, хотя лето только начиналось, задумчиво чесал свой облупленный нос, наблюдая за жующим козявки младшим братом.

Болонку и пару особенно жирных котов разобрали, остальные коты оказались тоже беспризорниками и не требовали от тетки никакого внимания.

В конце концов, мне удалось ее уговорить и, оставшись в трусах и плавках, мы босиком затрусили к покачивающимся от еле заметных волн лодкам.

Загорелый дочерна мальчишка, почти мой ровесник, вручил нам неподъемные весла, и первым спрыгнув в лодку, показал, куда и как надо их вставлять.

Я дал ему тысячу, и на его лице заиграла улыбка. Если у него действительно нет дома и родителей, мне было его жаль.

Отвязав канат, я сел на еще мокрую от прошлых гребцов скамейку и взялся за весла. Парень, нагнувшись, уперся руками в лодку и с силой ее оттолкнул.

Я греб, маневрируя у причала, а Мишка сидел на корме и, нагнувшись, разбирался с нашими сумками.

Парень все еще стоял, смотря в нашу сторону. По-моему он собирался закурить.

– И так, наши приключения начинаются! – радостно потер ладони мой друг, – давай выберемся из этой Рублевской лужи на речные просторы.

Я был полностью с ним согласен, Рублевское водохранилище конечно не лужа, но интереснее плыть по реке.

Мне нравилось грести, любуясь берегами и загорать одновременно.

Правда, время похода мы выбрали не самое лучшее. Под таким солнцем запросто можно было сгореть.

Отложив весла, мы намазали кремом друг другу спины и плечи, после чего Мишка перебрался на нос, и сразу стало труднее управлять лодкой.

– Водичка так себе...холодная – сказал он, опустив в воду руку.

– Однако все купаются, даже малышня – указал я веслом на повизгивающий радостными детскими криками пляж.

Настроение у нас было просто ого-го! Недавно начались каникулы, шла уже третья неделя лета или по другому июнь, и сегодня мы собирались с Мишкой устроить эдакий речной круиз к местным островкам, где нас ждал праздник желудка.

Я не обжора, но люблю вкусно поесть, а взятые из дома бутерброды это на речке всегда очень вкусно.

Вообще я давно заметил как скрашивает любую обстановку вкусная еда. Все мои знакомые ребята и точно весь мой

класс, только из-за этого ходит на всякие там театральные спектакли и в музеи.

Я подозреваю, что культура у нас в России накрылась бы медным тазом, если бы не спасительный буфет.

Мои философские рассуждения прервал ойкнувший Мишка.

Наперерез к нам мчалась переполненная ребятами шлюпка, словно неприятельский корвет.

Хорошо быть независимым, вопреки правилам кататься на лодке без родителей, но у такой свободы есть и темная сторона! И, похоже, судя по недружелюбным ромам преследователей к нам приближалась эта самая, что ни на есть темная сторона.

– Я вспомнил, мне говорили, что тут орудуют шайки пиратов – побледнев дрожащим голосом, произнес Мишка – может быть, мы успеем вернуться назад?

Он, наверное, не заметил, как далеко мы уже заплыли. Впереди маячил первый остров на нашем пути. Справа давно закончился пляж и к Рублевскому водохранилищу подходили песчаные холмы.

Ну а слева, если верить Мишкиным словам, на нас надвигались алчные и беспощадные до денег и жратвы юные пираты.

Совсем недавно я научился по-собачьи плавать, в смысле не дальше самого длинного собачьего поводка, и мне не улыбалась перспектива проверить свои плавательные способно-

сти посередине черной от глубины и совсем не похожей по размеру на лужу – рублевской лужи.

Судя по всему, у пиратов хватило бы отсутствия мозгов, чтобы нас показательно потопить.

В трехместной лодке их было человек пять и пока нам трудно было определить их возраст, но один явно был постарше нас на год.

В прошлом году я любил устраивать гонки на лодках и даже иногда побеждал в них своих одноклассников, теперь у меня был серьезный повод снова победить.

Согнав Мишку на корму, я заработал веслами как пропеллер, и нам удалось скрыться за островом от их глаз.

– Может быть, вылезем на берег и спрячемся в кустах! – подпрыгивая от возбуждения и страха, предложил Мишка, но сам тут же понял что это ерунда.

В лучшем случае пираты высадутся гурьбой на остров, набьют нам морду и ограбят нас до трусов. В худшем случае после этого отгонят от берега нашу лодку и оставят нас до утра здесь куковать.

На земле у нас не было ни единого шанса на победу, а лодку на воде не так-то просто отобрать.

От интенсивной гребли у меня болели руки, ноги, спина и живот, словно я весь день провел в «качалке» С непривычки я сильно подустал и с обреченным видом встретил появившуюся из-за острова шлюпку.

Увидев нас, пираты заверещали как стадо обезьян, а их

предводитель поднялся на носу лодки во весь рост. Приставив козырьком к глазам ладонь, другой рукой он властно указывал на нас. На нем были только сини плавки, но вел он себя как адмирал.

Все-таки я не оставлял тщетных попыток не дать им вплотную к нам приблизиться, хотя они и пытались парализовать мою волю, обещаниями набить мне морду, пока проносимыми из относительного далека.

– Стойте малявки, а то хуже будет – закричал фальцетом их капитан.

Но я по собственному опыту знал, что хуже будет, если они нас все-таки догонят.

Когда я прошлой осенью воровал яблоки в городском саду мне тоже самое орал красный от злости сторож. Представляю, что бы он со мною сделал, если бы поймал.

Блин! Ну, все-таки мы попались. Наши лодки так сблизилась, что слиплись бы бортами, если бы я немного не отгребал.

Ребята в соседней лодке имели вполне нормальные лица, несмотря на свои разбойничьи вопли и агрессивный вид, а их главарь мог рекламировать нижнее белье в каком-нибудь русском плейбое.

То-то мне его хитрая рожа показалась какой-то знакомой, где же мы могли встретиться сволочь с тобой!?

Думать о том, какие примерные мальчишки собрались нас побить и ограбить, совершенно не хотелось.

Скорее я думал о том, какое длинное и тяжелое у меня под рукою весло.

Если сильно повезет, я им устрою братское кладбище на их наutilusе, но это только если очень сильно повезет.

Когда я злюсь и особенно когда сильно праздную труса, во мне почему-то просыпается кровожадный монстр. Если бы мои фантазии хотя бы наполовину сбылись, я бы учился в школе один. Даже бы Мишке не повезло, потому что мы с ним часто ссоримся и ругаемся.

Представив перед собою вместо мальчишеских лиц кровавый компот, я содрогнулся от отвращения.

– Эй, ... пацан, Але!!! Я к тебе тормоз обращаюсь – вернул меня к действительности пиратский адмирал. Его рука крепко вцепилась в наш левый борт.

– Ну, бурундук, покажи чего там у вас в сумках – приказал он нервно сглатывающему слюну Мишке, но тот, покраснев от обидного прозвища в отчаянии заорал: – сам бурундук!

– Похоже, все-таки придется дать этим огрызкам по роже – задумчиво и как-то меланхолично и мирно произнес невозмутимый адмирал.

Дисциплина на его корабле, судя по всему не хромала. Когда говорил главарь, шавки молчали.

На мгновения наступила полная тишина, только плеск волн о борта лодок, да шелестящий листвой недалекого островка, ветер.

Здрав голову, я с тоской посмотрел на ясное голубое

небо над головой, и бодро летящие куда-то белоснежные ба-
рашки облаков.

Мир над нами был так прекрасен, а внизу шевелилась та-
кая гадость.

– У них там куча жратвы, на всех хватит! – радостно рас-
крыл рот ихний шпион, каким-то непостижимым образом
разворошивший своей длинной веткой наши сумки.

Ветку эту Мишка, конечно как всегда запоздало, у него
отобрал. За что тот, набрав в рот слюны, не метко, но обиль-
но начал в нас плеваться.

– Ладно, школота, кидайте свои припасы к нам – увидев
нагромождение бутербродов и бутылку кваса, невольно об-
лизнувшись, приказал предводитель пиратов.

Чувствуя себя победителем, он снова привстал.

– Забери сам – дерзко ответил я, лихорадочно думая как
нам смыться.

Храбрый вожак прыгать в нашу лодку почему-то не стал.
Вместо этого, оглядываясь на своих подельников, он что-то
пробормотал сидящему рядом мальчишке, но тот энергично
замотал в стороны головой.

Главарь строго переводил грозный взгляд с одного пирата
на другого, но добровольцы не находились.

– Кидайте сейчас же сюда свои манатки, а то получите! –
снова стал угрожать нам мальчишка, и тогда его шайка друж-
но заорала на нас разноголосым хором, обещая нам всякие

ужасы.

Мы с Мишкой тряслись от страха, но оставшиеся зачатки гордости не позволяли мне исполнить их требование.

– Забери сам, если тебе это надо – дрожащими губами упрямо прошептал я.

– Ну сейчас ты у меня получишь! – вскочил на ноги обобленный предводитель пиратов и как-то неуверенно перенес ногу на борт нашей лодки.

Лодка, разумеется, слегка накренилась и мальчишка, потеряв равновесие, забалансировал в воздухе руками.

– Надо ему помочь – мстительно подумал я, отталкиваясь веслом от их лодки, и парень медленно стал садиться между лодками на шпагат.

– Эй, дураки, вы что делаете, испуганно завопил он, – я же не умею плавать!

Но испуганный его давешними угрозами я не испытал к нему ни малейшего сочувствия. Еще минуту назад я с радостью бы прибил его насмерть веслом.

Лодки медленно расходились в стороны и так же медленно разъезжались в разные стороны мальчишеские ноги.

– Серега дай мне руку! – не отрывая взгляд от приближающейся воды, воскликнул испуганный мальчишка.

Но Серега боялся пошевелиться, чтобы еще сильнее не расшатать лодку.

Все это продолжалось несколько секунд, а мальчик был совсем не балерина что бы сесть на шпагат, и с воплями: –

Тону помогите! – он, подняв сноп брызг, свалился в воду и камнем пошел на дно.

Разумеется, он начал отчаянно барахтаться и всплыл с вытаращенными глазами и открытым, хватающим воздух, ртом. Серега или кто-то другой сразу протянули ему весло, за которое он судорожно ухватился, но Серега, чтобы дать ему весло, вытащил его из уключины и опасно перегнулся через борт, а так как его предводитель тонул, а не плыл, Серега, тоже потеряв равновесие, вместе с веслом ухнул в воду.

Словно два кота брошенных в воду с безумными от страха глазами они, вцепившись в весло, снова ушли под воду.

– Мишка – заорал я – кидай им круг! Да не в голову, а рядом надо было! – запоздало начал объяснять я – ведь он тяжелый как бревно!

Но наши враги, несмотря на шишки, дружно уцепились за спасательный круг, который разумеется, под ними перевернулся.

Оказывается не так-то просто с ним в воде обращаться.

Мальчишки с пиратской лодки наконец-то сообразили бросить в воду второй спасательный круг и, слава богу, никого не убили.

– Не пойму как он вообще плавает – недоуменно пожав плечами, обратился ко мне самый юный пират – ведь он весит как десять кирпичей!

Мальчишкам в воде уже ничто не угрожало. Ну, по крайней мере, не угрожало сразу потонуть, что сразу подорвало

наше так хорошо начавшееся перемирие.

Беда сплотила нас, и мы действовали сообща. Но теперь можно было вспомнить про прошлые обиды.

– Вы придурки, вы чуть не утопили нашего друга – заорали на нас пришедшие в себя пираты.

– Сами виноваты бандиты и воры – отвечали мы со своей стороны.

Наши лодки продолжали неторопливо друг от друга удаляться и также удалялись друг от друга почему-то привязанные к лодкам спасательные круги (спасательный круг к лодке вообще-то не привязывают).

Пираты выловили из воды своего мокрого и испуганного Сережу и не заметили, как потеряли своего главаря.

Весло, оставленное без присмотра, похоже, утонуло, что давало нам заметные преимущества. В отличие от пиратов мы могли грести!

Предводитель пиратов лишенный своей шайки как-то сразу скис, и как плот болтался за нашей кормой.

Лето только начиналось, и вода еще не настолько прогрелась, чтобы подолгу и неподвижно в ней прохладиться.

– Можно я к вам заберусь на борт – дрожа от холода, умоляюще спросил меня осознавший свое положение мальчишка.

– Только если ты сдашься – заявил Мишка и тот гордо отвернувшись, замолчал.

В его поведении не было ни агрессии, ни страха. На мой

взгляд, он вел себя смело и достойно.

– Как тебя зовут – спросил я его.

– Сашка – щелкая зубами, ответил мальчишка.

– Ты в каком классе?

– В седьмом.

– Зачем вы всех грабите? Ты вроде бы не похож на скотину!

– Это просто игра в пиратов, мы деньги не берем, просто бесимся со скуки.

– Ага! – встрял в разговор Мишка – Денег не берем, а по морде бьем!

– Да не стали бы мы вас бить, просто бы попугали. Ты слышал чего-нибудь про адреналин? – защелкал зубами наш пленник

– Это если бы я обосрался, то кайф испытал!? – безжалостно уточнил Мишка, – Спасибо, я как-нибудь без этого обойдусь!

– Если мы тебя пустим в лодку, ты не станешь драться? – задал я главный вопрос.

– Нет! – последовал односложный ответ.

– Честное слово?

– Д-д-да

– Не пускай его в лодку ты разве не видел, какой он здоровый – широко раскрыв глаза, зашептал мне Мишка.

Честно говоря, я тоже испытывал по поводу честного слова пирата некоторые сомнения, но злость на него и его мел-

я, сделав вид, что его не понял, протянул пленнику полотенце.

– Если хочешь, возьми печенье или бутерброд.

Пираты в соседней лодке внимательно наблюдали за нашей беседой, больше не разносились над водой их негодующие голоса.

У нас с Мишкой был выбор, как дальше поступить. Мы конечно могли взять с собой их капитана, а остальных оставить здесь.

Но я почему-то был уверен, что мальчишка этого бы не допустил, скорее всего, отогревшись, он стал бы с нами драться.

Ведь он же был их командир и не повел бы себя так позорно, а значит, нам придется с ними говорить, сообщая принимаемая решение.

Все мы были мальчишками, и понятный нам мальчишеский мир позволял нам довериться данному слову. Конечно, всегда бывает риск совершить ошибку, но мы с Мишкой на этот риск пошли.

Взяв их лодку на буксир, мы пристали к необитаемому острову, в надежде подружиться и погоняться друг за дружкой в веселых играх. А потом, если нам удастся стать друзьями, мы разведем на поляне скрытой от любопытных глаз (густой зарослью кустов), запрещенный, но такой необходимый костер, чтобы глядя на языки пламени помечтать о приключениях которые с нами обязательно приключатся и

съесть кучу наших таких вкусных бутербродов запивая их из кружки, по очереди, горячий терпкий, пахнущий золой дымящийся чай.

Миллионерша

Как-то зимой, после метели, идем мы с Мишкой по заснеженной улице, и болтаем.

О чем болтаем? Да ни о чем!

Прошли мимо помойки, свернули к магазину, постояли у витрины, нашли на дороге пятак, а потом его потеряли – ничего так время провели.

Обратно, для разнообразия, другой улицей пошли, идем, шаги считаем и слышим, кто-то за углом противно скребет: шкряб, шкряб, дзык, дзык.

– Смотри, – говорю, – дворничиха незнакомая. Давай ей поможем, как Тимур и его команда, помнишь, мы о нем читали?

– Давай, – обрадовался Мишка, – хорошее дело сделаем. Работа у нее трудная, а платят гроши.

– Дворники они все бедные, – согласился я, отряхивая от снега варежки.

Подошли мы к дворничихе и с ходу говорим:

– Тетенька, а можно мы вам снег убирать поможем?

– Убирайтесь отсюда, хулиганы проклятые, небось, опять лопату стырить хотите! – неожиданно грубо облаяла нас дворничиха.

– Да я, да мы... – залопотал пораженный Мишка.

– Ничего мы у вас тырить не собираемся, вы нас с кем-

то тетенька путаете, мы Тимуровцы – сказал я решительно и взялся за лопату.

Несколько мгновений мы с дворничихой молча боролись за инструмент. Потом она сдалась, и лопата осталась у меня.

Недовольному Мишке, после некоторых колебаний, достался скребок – это такая довольно скучная штукавина, чтобы лед отбивать.

И начали мы о-го-го как помогать!

Вначале дворничиха смотрела на нас с подозрением, ожидая от нас всяких пакостей, потом откуда-то принесла еще две лопаты – себе и заскучавшему Мишке – вместо скребка.

Постепенно настроение у тетки переменялось, оценила она двух юных тимуровцев. Стала она нам широко улыбаться железными зубами и вовсю нас нахвалять.

А нам, только этого и надо, рот до ушей, довольные, ну просто беда! По дороге носимся почище трактора, только лопаты от трения не искрятся! Вмиг пол-улицы от снега очистили. Давно так не трудились!

Через десять минут чувствую, лопата тяжелеет, шапка на потный лоб сползла, и вообще мне эта работа вроде как надоела.

Решил я передохнуть, остановился! Вижу, Мишка из последних сил пыхтит, словно грузовик на крутом подъеме – морда красная и не чувствуется в нем былого огонька!

Понятное дело, устал, а виду, как и я, показывать не хочет, – стыдно.

Принялись мы дальше снег месить, но уже без прежнего оптимизма, и с желанием при первой возможности домой смыться.

Повезло, что ребят знакомых на нашу улицу каким-то ветром занесло, увидели нас и дворничиху – заинтересовались.

– Это чего это вы тут делаете? – спрашивают. (Как-будто это и так не видно!)

– Помогаем тетеньке! Как Тимуровцы – отвечаю, а у самого шапка набекрень и пар изо рта словно из трубы.

– А можно нам тоже попробовать? – переглянувшись, спрашивают они.

– Конечно! – с трудом скрывая радость, отвечаю я, – Вот вам лом и лопата! И у Мишки возьмите, а то он вспотел.

Тут работа у них завертелась как пропеллер, отовсюду только дзынь, дзынь да шкряб раздаётся. Пацаны так увлеклись, что асфальт ломом дробить попытались.

Дворничиха от их прыти даже растерялась, через пять минут сдалась и как закричит: – Хватит! Хватит уже! Молодцы! Весь снег, ребятишки, убрали, теперь мне можно неделю сюда не приходите!

Ребята остановились, на дворничиху смотрят, а в глазах огонь. Мало им работы после нас осталось! Еще хотят!

А дворничиха стоит и дальше нас хвалит: – Умницы, настоящие Тимуровцы, не то, что всякие проходимцы! Умаялись, наверное? Просто не знаю, как мне вас отблагодарить.

– Да нет! Ничуточки мы не устали! – заспорили ребята, –

Нам бы еще пару улиц убрать, хоть весь день без обеда поработаем!

Я тихонечко в сторонке стоял, мне и пол-улицы хватило. От такой работы кони дохнут. Правильно родители говорят – надо хорошо учиться, чтобы за большие деньги меньше работать.

Слава богу, дворничиху мы конкретно утомили. Испугалась она, что мы ей улицу до самых труб удалим, да и не привыкла она детей эксплуатировать.

– Спасибо вам, соколики! – говорит – Вы и так мне очень помогли, давно таких ребятишек отзывчивых и хороших не встречала! Всем бы такими быть!

Ребята лопаты в сугроб повтыкали, собрались уходить, я тоже носом к своему дому повернулся, а она говорит нам вдогонку:

– Вот вам, мальчики, на мороженое! – Заработали!

Смотрю, а она мелочь из огромных карманов уже достала и нам протягивает.

– Да мы не за деньги, мы Тимуровцы, мы просто так, – запротестовал я, покраснев. Но деньги уже перекочевали в выскочившую из рукава Мишкину лапу.

– Спасибо, бабушка, – быстро сказал Мишка, укоризненно на меня поглядывая.

– Приходите еще! – крикнула нам вдогонку дворничиха и снова заскребла лопатой.

Мишка, тем временем завернув за угол дома, раскрыл

перед склонившимися над его рукой ребятами, ладошку и впился глазами в мелочь, пересчитывая.

– Два рубля! (в то время зарплата была 100 рублей) – не веря своим глазам, протянул он. – Целых два рубля!

Ребята, похватав по двадцать заработанных копеек, помахали нам рукой и исчезли. Но Мишка этого не заметил.

– Завтра еще поработаем – пробормотал он себе под нос и вновь задумался. Глаза у него превратились в калькуляторы, и цифры так и завертелись в них.

– Т...так, значит.. – произнес он после продолжительной паузы, – Значит так, если она дала нам два рубля за двадцать минут работы, то за десять часов у нее набегает шестьдесят рублей! И это всего за десять часов! Умножаем сумму на тридцать дней, вычитаем субботы и воскресения и получаем в месяц полторы тысячи рублей!

– Ты понял!?! – спросил он, глядя на меня круглыми от изумления глазами, – Больше трех тысяч баксов! А говорят, дворники мало получают! Ты представляешь, Димка, оказывается у нее зарплата в три раза больше, чем у министра!

PS: Министр тогда получал 600 рублей в месяц, а трехкомнатная квартира стоила пять тысяч.

Лужа

Гулять во дворе здорово! Особенно если там вырыта большущая яма.

В таких ямах всегда имеется здоровенная лужа и в нее можно кидаться камнями и Бум... Скатывать сверху куски глины.

Правда вскоре это надоедает и мы по очереди пытаемся перейти эту лужу, перепрыгивая с брошенного ранее камня, на также ранее брошенный кирпич.

Занятие это увлекательное и опасное. Мало того, что потеряв равновесие ты сам можешь шлепнуться в холоднющую воду, так всякие там доброхоты орут тебе в спину пожелания грохнуться, и кидают комья глины тебе под ноги.

Чем это может закончиться, я сам убедился, бросив Ваське кусок кирпича под ноги.

Конечно, теперь мне стыдно за нехороший поступок, но тогда.....!!!

Короче тогда мне было интересно, что будет, если он споткнется.

Меткостью я не отличался, но тут неожиданно повезло. Так повезло в кавычках, что превзошло все мои скромные ожидания.

Я думал: – ну оступится Васька, и, шагнув мимо, промочит себе чуть-чуть ноги, но он почему-то выставив перед со-

бой руки, просто нырнул в эту грязную воду, ушел в нее по локти, замочив себе штаны и пузо.

В наступившей тишине стало слышно как он чвакает руками и ногами, стараясь осознать случившееся.

Васька по моим подсчетам был чуть ниже слона и восторг от такого захватывающего зрелища, затмили иные чувства.

Если честно, то я порядочно струсил.

– Кто...????!!!! – зарычало чумазое существо из лужи, и многие мальчики скромно потупили глазки.

Я-то точно знал кто, и точно не собирался в этом признаться. Меня спасало то, что таких любознательных как я, здесь набралось с полдюжины, и каждый из них подозревал себя в этом преступлении.

Васька выбрался, наконец, из ямы и направился ко мне. Меня он даже не подозревал, зная, какой я криворукый.

А у меня где-то внутри проснулась совесть. Ну, ведь правда я не ожидал, что он так удачно грохнетя.

Чувствуя себя виноватым, я начал его утешать, а потом осторожно признался, что я тоже швырял ему под ноги камни.

– Может быть, это даже был мой камень? – неопределенно пробормотал я, но Вася лишь горько усмехнулся: – не переживай это точно не твой! Блин... какая сволочь так метко кидается!? У меня бы так не получилось!!!

Было ясно, что Вася сам страдал той же любознательностью что и я – просто мне больше повезло....

Ведомый дружеским участием и чувством вины я пошел провожать намокшего Васю до дома. А он был очень грустным и все время твердил: – Блин..., хоть бы отчима не было дома... да и от мамы мне попадет...

– Но ты же ни в чем не виноват, расскажи, как все было! – с жаром убеждал я, – Давай я с тобой пойду к твоей маме и расскажу, как было!!!

– Нет..., я сам...она мне вообще не разрешала играть в луже – печально твердил Вася.

Незаметно мы дошли до его подъезда.

– Ладно, дальше я один – повернулся он ко мне, – спасибо что помог, но дальше я сам, а ты иди.

Я стоял и смотрел, как за ним закрывается дверь, и чувствовал себя скверно, как будто я его подло обманул.

Мне совсем расхотелось гулять, и я задумчиво поплелся домой.

Я не соврал, но и не признался, и потому как-то получалось, что я струсил дважды, вначале, когда кинул кирпич и увидел последствия..... – потом когда не пошел с Васей до квартиры, ведь я такой всегда честный не смог бы все рассказать его маме.

Моя мама сразу заметила, что что-то меня беспокоит.

– Почему ты такой грустный... с кем-то поссорился – спросила она меня.

– Гораздо хуже – вздохнул я, – Ваське достанется дома из-за меня.

– Ну, рассказывай, что приключилось – посадила на стул перед собой меня мама. И я ей, запинаясь от волнения, все рассказал.

– Сейчас я схожу к его маме и объясню ситуацию – нахмурилась мама.

– Хорошо, что ты мне об этом рассказал – сказала она, надевая куртку, и ушла, оставив меня дома одного.

Ее долго не было, но когда я, открыв на звонок дверь, с надеждой взглянул на нее, она улыбнулась: – все хорошо, я успела. его мама сказала, что теперь его не накажут, просила передать тебе спасибо и шлет тебе привет.

После этого случая мы с Васькой подружились.

Курьер

Жил в нашем доме очень ученый человек. Всегда в очках и шляпе ходил. Вежливый такой, аккуратный. Со мной всегда первым здоровался и конфетами угощал. В общем, человек хороший, интеллигентный, мне такие нравятся.

Как-то раз он куда-то страшно торопился. Я его как увидел, сразу понял, разывается человек на части. Только на улицу выйдет – за живот схватится и бегом к себе на седьмой этаж, даже о лифте не вспомнил, так ему приспичило. И так несколько раз, я, пока к себе на четвертый поднимался, раза три с ним поздоровался.

Разумеется, меня это его странное поведение заинтересовало. Остановился я у своей двери, уши наострил, прислушиваюсь.

Вскоре дверь наверху хлопнула, лифт заработал, я к решетке шахты приник, смотрю, опять он спускается. Слышу внизу важное «топ, топ» в направлении выхода, заскрипела несмазанная дверная пружина, и наступила тишина.

Постоял я с минуту. Вроде ничего интересного не происходит, ключ достал, с замком мучаюсь (он у нас неисправный), смотрю – наш профессор обратно вприпрыжку бежит, через три ступени перескакивает.

– Здравствуйте, – говорю, – Иван Петрович, как здоровье?

А он мимо меня проносится, лицо напряженное. Я пона-

чалу не понял, заметил ли он меня, оказалось, заметил, пару пролетов еще промчался по инерции, остановился, через перила свесился, сквозь отдышку словами кашляет:

– Зайди ко мне, Дима, очень ты мне сегодня нужен.

– Сейчас, только сумку домой закину, – кричу я ему вдогонку.

Минут через десять поднимаюсь к нему. Звоню, звоню, не открывает. Я уже отчаялся, вдруг крак, дверь приоткрывается, а из-за нее нос Иван Петровича торчит

– Ты, – говорит, – извини, что я с тобой через порог разговариваю – на то есть причина.

– Ничего, Иван Петрович, мой папа тоже стесняется гостей без штанов встречать, – успокоил я его, а самого любопытство разбирает, для чего я ему понадобился.

Ну, он долго меня не томил, сразу к делу приступил. Для начала спрашивает, знаю ли я, как до университета добратся, я на всякий случай сказал, что знаю, но ни разу в нем не был. Тут он страшно обрадовался, убежал в комнату и через несколько секунд мне папку протягивает.

– Это, – поясняет, – моя диссертация, ты уж помоги, голубчик, отвези ее в университет к Николай Николаевичу, его там все знают, так что не заблудишься. А я тебе торт куплю, большой, съедите потом с друзьями.

– Ладно, – говорю, – отчего же не помочь хорошему человеку.

Взял под мышку папку с диссертацией, а она неподъемная

– листов двести в ней, и, прыгая через ступеньки, во двор спустился.

Выхожу важный, как-никак поручение! Иду, посвистываю, смотрю, мой друг с велосипедом у подъезда копается.

Я мимо него раз прошел, другой, а он, как назло, меня не замечает.

– Эй, – спрашиваю, – сколько времени?

А он поворачивается и смотрит на меня как на идиота: – У тебя же часы на руке, чего спрашиваешь?

– Да вот, – делаю вид, что не понял его вопроса, отвечаю я, – в университет еду, к академику, его там все знают, работу ответственную везу, может, даже секретную.

– Да ладно! – говорит мой друг. – Хватит врать, тебя даже в магазин за продуктами одного не пускают, а тут работу доверили.

Я на него за такие слова не обиделся, чего на правду обижаться. Говорю:

– В магазин любой дурак сходить сможет, там мозгов не надо, одна арифметика. А мне в другой конец города на трех троллейбусах добираться.

– Зачем тебе троллейбусы, – говорит мой друг, – давай я тебя на своем велосипеде довезу, а ты меня в университет по знакомству проведешь.

Тут я замаялся немного, вдруг наобещаю с три короба, а нас никуда не пустят.

– Ладно, – говорю, – договорились, ты только оденься по-

приличней.

– Это я мигом, только руки помою да причешусь – обрадовался мой друг, – а ты мой велосипед постереги.

– Постерегу, – вздохнул я, – отчего же не посторожить.

Хожу вокруг велосипеда, папкой помахиваю, радуюсь.

– Какой я все-таки хороший друг, – думаю, – честный и справедливый. Другой бы на моем месте язык за зубами держал да тихой сапой в университет пробрался, (но я не такой), я о друге не забыл, позаботился.

Смотрю, выскакивает из подъезда мой друг в рубашке с кармашками, шортах по колено и сандалетах на босу ногу. Взгляд мой перехватил, на карман показывает: – Носки белые я потом одену, а то запылятся.

В общем, взгромоздился я к нему на багажник, вижу, у меня ноги почти до земли достают, по асфальту подошвами чиркают.

– Дай-ка, – думаю, – подложу под себя папку.

Подложил, и впрямь здорово получилось. Папка толстая, набухшая, и даже вроде помягче багажника. Сидеть сразу стало удобнее, да и руки освободились.

Еду, держусь за сидение, городом люблюсь, а друг наяривает, ноги так и ходят. Разогнался не на шутку, звонком прохожих пугает, кошку зазевавшуюся, чуть не переехал, а обо мне, кажется, позабыл.

Тут горка подвернулась хорошая, крутая такая, вернее, спуск с нее. А дорога фиговая, вся в колдобинах. Как ста-

ло меня на них трясти да вверх подбрасывать, аж дух захватывает, еле держусь, руками в седло вцепился, ору другу: – Тормози, расшибемся!

А он кричит в ответ: – Не могу, у меня тормоза отказали, не работают.

Лучше бы он мне это не говорил! Раньше-то я думал, он специально лихачество проявляет, а оказывается, тормоза испортились. Если до этого я просто злился, то теперь порядочно струсил. Даже глаза зажмурил, чтобы не видеть, как мы во что-нибудь врежемся.

Но обошлось! Слава богу! Подпрыгнули мы еще пару раз до небес и на площадь спланировали. Я себе всю задницу отшиб, но все равно радовался, что жив остался.

Промчались мы так до середины площади, а остановиться никак не можем. Трамваи нам трезвонят, автомобили библикают. Ужас!

– Крути, – кричу – руль, будем по кругу ездить, пока не остановимся.

Вижу, мой друг крутит, а сзади, у меня за спиной, вообще светопреставление началось – свистки милицейские заливаются, крики.

– Наверное, – думаю, – что-то из ряда вон происходит.

Мы к тому времени как раз замедляться стали.

– Давай, – говорю, – съездим, посмотрим, что там случилось.

– Давай, – соглашается мой друг, – но только без велоси-

педа, я на него теперь год не сяду, так напугался!

Слезли мы с него, взяли под уздцы и к центру площади направились.

А там столпотворение, по небу белые листы летают, на землю опускаются. Милиционеры за ними гоняются, вверх подпрыгивают, руками хватают.

– Листовки, – кричат, – это листовки, враждебная пропаганда! Не трогайте их, товарищи! Запрещено!

А народ, до этого вроде и не интересовался всем этим, вяло интересовался, а услышал такие слова, сразу на площадь ринулся, листки с земли подбирает и, не читая их, тут же за пазуху прячет.

От всего этого и произошло столпотворение. Машины остановились, милиции понаехало, в мегафоны ругаются, людей разгоняют.

Подошли мы поближе, мимо нас бабка пробежала, с вытаращенными глазами, на нас оглянулась, заохала: – Шпиена поймали! С гранатометом! Говорят, их тут несколько с минами прячется.

Мы как услышали такое, про все забыли, мой друг даже велосипед бросил, в толпу ринулся, в самую гущу, еле в круг протолкались, все бока нам помяли.

Вынырнул я из под чьей то руки, шею вытянул, голову в круг выставил – Интересно все-таки!!

Смотрю, милицейское начальство, злое такое, краснолицее, по кругу бегают, милиционеров частит, а сбоку молодцы,

дяденьки, в одинаковых костюмах и с одинаковым выражением лица глазами по сторонам рыскают.

– Где эти негодяи? – кричит начальник. – Поймать! Арестовать! В порошок растереть! Это ж надо, чтобы какие-то сопляки такую бучу заварили.

Послушал я его, и меня словно кольнуло, подозрение какое-то, подобрался я незаметно к одному валявшемуся листочку, поднял, читаю, а там про каких-то кузнечиков написано. Обалдеть можно!

– Кто ж до такой шутки додумался, смелые ребята, я бы со страху умер! – размышляю.

Стал выползать обратно, обо что-то споткнулся, гляжу, что-то до боли знакомое, поднимаю, а это моя папка, вся ногами истоптанная и пустая.

Я ее тихонечко под рубашку на голое тело положил, под шорты заправил и незаметно так, по-быстрому, в переулочек, даже о друге на время позабыл, так испугался, смотрю, а он меня в нем дожидается, в тени притаился. Вижу, ничего объяснять ему не надо, сам догадался.

– Давай, – говорю, – отсюда ноги делать. Оказывается, это мы всю кашу заварили, вернее, наш ботаник

Кругом шышнадцать

И так вы убедились, что вся моя предыдущая жизнь подготовила меня к тому, что бы к двенадцати годам живо интересоваться всякими непонятными словами и словосочетаниями.

Вскоре, судьба злодейка столкнула меня с дядей Сашей – нашим слесарем водопроводчиком, который к месту и не к месту употреблял выражение – кругом шышнадцать.

Заинтересовавшись этим выражением, я спросил его, что оно означает. Вопрос застал его врасплох, и неопределенно пожав плечами, он ответил, что точно не знает, но предполагает, что это обозначает общее благополучие, – дескать, кругом все отлично.

Я и сам так думал. Но, заглянув в книги, с удивлением обнаружил, что никаких объяснений этому словосочетанию в них нет.

Тогда я пошел в библиотеку, но и там ничего не добился. Куда и к кому я только не обращался! Очень многие знали и употребляли это выражение, но как это часто бывает, не вникали в его смысл.

Мишка попытался мне объяснить его с помощью математики, но вскоре сам запутался.

Затем мой знакомый, изредка посещавший церковь, предположил, что это шестнадцать апостолов, но тут он ошибся

в количестве, так как апостолов оказалось 12.

Вскоре у меня набралась целая кипа листов различных объяснений. Кто то говорил о шестнадцати кармах, кто то о таком же количестве древних королей, а один даже предположил, что слово шестнадцать обозначает количество зубов у человека на каждой челюсти и, что именно поэтому кругом шестнадцать, так как, по его мнению, обе челюсти представляют собой своеобразный круг из 32 зубов соответственно.

В общем, недостатка в предположениях не было, но они нисколько не приближали меня к истине.

Я вновь перерыл все словари и справочники и сделал это неоднократно. Но добился только одного. Фраза – Кругом шестнадцать – стала мне сниться по ночам. Притом в разных вариациях.

То это была песня – А мне всего шестнадцать лет – то 16 тонн – английского автора. А то и вовсе шестнадцать растрепанных священников бегали по кругу от тридцатидвухзубой челюсти. Словом, кошмар, да и только.

Просыпаясь я старался не думать об этом, но к вечеру, вопреки всем моим усилиям, я начинал напевать: –Шестнадцать человек на сундук мертвеца ио- хо- хо и бутылка рома .

Разумеется, ночью мне вновь снилась всякая ерунда. Не знаю чем бы для меня закончилась эта история (наверное, дурдомом), если бы не счастливый случай.

Сильно уставший от всей этой ерунды, я брел, под палящим солнцем, вдоль длинного железного забора в сторону

гребного канала.

Сам по себе забор был мало примечателен, но местные тинэйджеры давно приспособили его для своих нужд, и он походил скорее на доску объявлений. В основном там преобладали скабрёзности и похабные предложения, но попадались и безобидные типа – «Усись студент пока не поздно (слово усись было коряво исправлено и над зачеркнутой с стояло ч). Были там и любовные записки, и время назначенной встречи с пронзенным сердцем вместо подписи.

Смотреть на рисунки и читать хулиганские тексты мне нравилось, и, отмахиваясь майкой от слепней, я, так увлекся, что чуть не врезался в лежащее поперек дороги тело. Все-таки я его задел пальцами левой ноги и с размаху растянулся на нагретом солнцем асфальте, изрядно при этом поцарапав колено.

Телу это явно не понравилось, и оно разразилось проклятиями. Судя по дикции, тело, изрядно выпило и спало, а я его потревожил.

Через мгновение я стоял на ногах, а мужик со свекольным лицом, как клещ вцепился в мою майку.

Зачем она ему понадобилась я сразу не догадался, но, не желая возвращаться домой без майки, я изо всех сил потянул ее на себя.

Мужик оказался сильнее, и я, поборов неуместную в данном случае гордость унизился до просьбы:

– Дяденька отдайте мне майку, – указал я пьянчуге на май-

ку. Но тот, бессмысленно вращая глазами, улыбнувшись, вытер ею свою слюнявую физиономию, а затем громко в нее высморкался.

– Какая же ты сволочь! – с безопасного расстояния заорал я на него и нагнулся за изрядным куском глины, чтобы запустить им в обидчика.

Поняв, что его обстреливают, мужик стал агрессивнее.

Теперь он грозил мне грязным пальцем и кулаком, называл детенышем и клялся, что ни в жисть не отдаст майки.

Я, в этом нисколько не сомневаясь, отправил в его сторону еще несколько крутых глиняных снарядов, чем привел его в ярость.

– А-ааааа майку захотел гаденыш! – заорал он свирепо.

– Вот тебе! – сложил он свои пальцы в дулю – ШИШ тебе, а не майку.

Я как раз прицеливался поточнее, когда он произнес эти слова и тут меня осенило.

Я даже запрыгал от радости **ВОТ ОНО ВОЛШЕБНОЕ СЛОВО!** Вот именно: ШИШ! – НЕ ШЕСТНАДЦАТЬ, А ШЫШНАДЦАТЬ – ОТ СЛОВА ШИШ – чего же проще.

Невезучий

Больше всего на свете я люблю лето, а еще весну и немного зиму, если считать все праздники, новый год и каникулы.

Остальное время года мне приходится учиться, и я его недолюбливаю. Единственная радость – простудиться хорошенько, на крайний случай гриппом заболеть. Все за тобой ухаживают, чай в постель таскают, лежишь, печенье трескаешь, книжки про приключения читаешь. Хорошо!

Вот и маешься всю зиму в думах, как бы тебе вовремя заболеть, чтобы и в школу не ходить, и в каникулы с температурой не провалиться. Не верьте тем, кто говорит, что это просто. Я вот попробовал.

Услышал где-то, что все зависит от самовнушения, пришел домой, засунул подмышку градусник, сел перед будильником и внушаю.

Подождал пять минут, ну, думаю, хватит, а то термометр зашкалит.

Я и раньше подозревал, что все это вранье, а тут на себе убедился. Вышла у меня не повышенная, а даже чуть-чуть пониженная температура. Я вечером, было, заикнулся, что у меня низкая температура.

– Слабость, – говорю, – во всем теле.

Но папа как-то на меня уж очень ехидно посмотрел и рассказал поучительную историю о знакомом прогульщике.

Вот всегда так! Его послушаешь, так они с мамой всю жизнь с прогульщиками и разгильдяями проучились!

Ну, выслушал я его, подумал и говорю: – у нас градусник, наверно, испортился, я его сейчас проверю – и кладу его на батарею.

Мама как это увидела, сразу в крик, что я ее в могилу сведу своей бестолковостью. Разумеется, мне это, не понравилось, я ей сказал, что от таких и слышу, и ушел спать.

Наутро я тихонечко окошко открыл и сидел голый на кровати, пока по коже мурашки не пошли, но даже насморка не заработал.

Пришлось в школу собираться. Вообще самое неприятное, это идти на уроки, заранее зная, что двойка тебе обеспечена. Я всегда удивлялся, как этого мама не понимает, или ей нужен сын двоечник?

Я бы на ее месте сам предложил: – Остайся, сыночек, отдохни, а я тебе записочку к учителю напишу.

Как же, дождешься от нее. То ли дело у Васьки мама, она ему каждую неделю справки строчит. Приходит этот Васька в школу и их под нос классной руководительнице сует и говорит:

– Я три дня болел, в первый день у меня живот бурлил, во второй зубы ныли, а на третий меня вырвало, и я выздоровел.

Такую чушь несет, а ему верят.

А я тут как-то правду сказал, что живот болит, так меня застыдили: – Не ври, Гольцов, тебе бы только не учиться.

Слава богу, на этот раз все закончилось благополучно. Никто меня к доске не вызвал, и двоек я не нахватал.

Иду домой и размышляю, как мир несправедливо устроен. У нас в классе уже пять человек заболело, а я ну никак. И на сквозняке в одних трусах сидел, и ноги сегодня промочил. – Дай, – думаю, – мороженого съем побольше, вдруг поможет.

Ларечница, глядячи на меня, сама замерзла, а мне ну хоть бы хны. Еще здоровей сделался!

В квартиру захожу, а мама торт принесла – мороженое.

А я на него смотреть не могу, как глянул, у меня желудок чуть не выпрыгнул.

– Ты зачем, – говорю, – эту гадость купила, его, и собака жрать не станет.

Тут, мама так испуганно на меня посмотрела, и лоб потрогала – не заболел ли.

А я ну здоров, ну прямо до обидного здоров, хоть плачь. Другой бы на моем месте еле дышал, а мне все нипочем.

После обеда сел за уроки, пригорюнился, вдруг папа в комнату заходит и весело улыбается: – Мы с тобой, Димка, послезавтра в цирк идем, на новое представление, с дикими зверями.

Ну, и обрадовался же я. Всю ночь вертелся, о клоунах думал.

Но только глупо как-то получилось. Петька – сосед на минуту за спичками зашел, всего один раз чихнул, – зараза, и

я заболел.

Будильник

Все! С завтрашнего дня начинаю новую жизнь. Надоело по утрам опаздывать.

Вечно мама меня не вовремя будит. Я даже поссорился с ней из-за этого.

Говорю: – Сам вставать буду.

А она не верит: – Проспишь все равно.

«Это я-то проспю!? Как же! Да я от любого шороха вскакиваю!»

Перед сном помылся, зубы почистил, даже постель расстелил.

Ну, думаю, на всякий случай надо два будильника поставить, вдруг один не сработает.

Завел я их до отказа, водрузил на тумбочку и в кровать забрался.

Ворочался я, ворочался, а сна ни в одном глазу. Слишком рано я «отбился».

Промучился я так часов до трех ночи и уснул как убитый.

Не успел и пары снов посмотреть, как будильник у меня под ухом затрезвонил.

«Пускай, думаю, звонит. У меня второй на полчаса вперед поставлен, а чай с бутербродами я и днем съесть могу»

Через некоторое время слышу, он опять трещит. «Ерунда, думаю, у мамы еще третий имеется»

А спать хочется – страсть, просто ужас. Так всегда получается, вечером неохота, а утром встать невозможно!

Опять трещит, да что они, в самом деле, раззвонились, я уже запутался, сколько их у меня, сплошные будильники.

Ладно, пусть еще один прозвонит, тогда и встану.

Только он не позвонил, мама меня разбудила. Как всегда не вовремя!

Что такое счастье

– Что такое счастье дети? – спросила нас учительница.

В классе присутствовало 23 ученика. И сразу поднялась кверху двадцать одна рука.

Почему не двадцать три? Просто я в этот момент тыкал пальцем в бок Ленке, а она попыталась надрать мне уши.

В нашем классе все знают, что такое счастье и у каждого оно свое.

Понятное дело, встав за партой, сначала надо сказать про мир во всем мире и чтобы не было войны. Чтобы негры в Африке не голодали, и еще никто не умирал.

Правда папа говорит, что на земле никогда не затихают войны, всегда найдутся злые люди, а старики, увы, умирают, а когда-нибудь умрем и мы, но я ему не верю.

Что для меня счастье?... Сложный вопрос.

Наверное, счастье это все что меня окружает и вовсе не новая игрушка или грузовик конфет.

Конечно, я счастлив, когда на день рождения мне дарят ту самую игрушку, о которой я весь год мечтал. Но если ко мне не придут на праздник ребята, я быстро пойму что она, эта игрушка, мне не очень-то и нужна.

А значит, счастье это, наверное, дружба и то, что мне разрешают с друзьями подолгу играть.

А когда мы с папой едем летом на черное море в Севасто-

поль, где у меня тоже есть друзья! Когда я вижу чистое голубое небо с белыми редкими облачками летящими над бирюзовым с такими же белыми барашками морем, я тоже вроде бы счастлив.

Но еще более счастлив я, когда мы через два месяца возвращаемся домой, где остался мой друг Мишка, бабушка и дедушка и конечно мама.

А недавно, проснувшись ночью от боли в молочном зубе и промучившись с нею до утра, я понял, что счастье это когда у тебя ничего не болит.

Я шел от зубного, словно заново родившись, так мне стало легко. Трогая языком лунку от выдернутого зуба, я смотрел по сторонам, вдыхал свежий утренний воздух, радовался зелени шелестящего листьями парка и всею душой чувствовал, какая вокруг красота.

Лапка

В пять лет, прихожу я из детского сада домой, а у нас уже собака. Такой веселый улыбающийся щенок.

Сидит на заднице и хвостом виляет. Уши в разные стороны по-разному торчат. Язык высунут. Глаза озорные.

Я конечно сразу к этой милой собачке целоваться и обниматься полез, и очень удивился, когда она меня цапнула. Несильно, но палец прикусила.

– Мама она кусается – заплакал я, показывая обслюнявленный, чуть помятый пальчик.

Так в нашей семье появилась Лапка.

Очень скоро я убедился, что Лапка очень не любит, когда на нее направляют игрушечный пистолет. Увидев в моих руках оружие, она сразу превращалась в гримзу. А если я продолжал щелкать курком перед ее носом, то с лаем бросалась на оружие.

Ну, вы понимаете, что для милого доброго ребенка эта забава превратилась в любимую.

Подразнить Лапку, стало всеобщим удовольствием.

Еще Лапка ненавидела веник, от которого ей изредка доставалось.

С веником у Лапки велась пожизненная война. Веники в нашем доме очень быстро менялись (не задерживались).

Достаточно Лапке было погрозить веником, как та сразу

бросалась в бой (с рычанием из-под стола).

Когда же веник забывали в коридоре, Лапка подкрадывалась к нему на полусогнутых, нюхала, осторожно трогала лапой и, убедившись, что он спит, храбро рвала зубами. Поэтому все веники в нашем доме были обгрызены почти по самую ручку.

Гулять Лапка очень любила и, услышав слово – гулять, начинала радостно носиться вокруг нас с вытаращенными глазами.

Надеть на нее поводок мог только папа, крепко прижав ее рукой к полу.

Забыл сказать, что Лапка была по происхождению наполовину болонка с примесью неизвестного отца барбоса, то есть дворняжкой.

На улице у нее был такой же низкорослый и очень бородастый поклонник весь увешанный золотыми и серебряными медалями, и Лапка просто вилась вокруг него.

Они нюхали друг у друга под хвостиком и всячески выказывали свои дружеские чувства. Ходили вместе на помойку, лаяли на кошек и не понравившихся прохожих.

В общем, друзья не разлей вода.

Вся эта взаимная любовь и симпатия окончилась внезапно, когда Лапкин кавалер вышел на прогулку без медалей.

Увидев Лапку, он радостно побежал к подружке, которая построила при виде кавалера такую рожу, что тот трусливо спрятался за хозяина.

Так что не только у людей блеск медалей заслоняет образ избранника.

В первом классе я много болел и мама, решив, что у меня аллергия, отдала Лапку бабушке с дедушкой. Они жили на Петровке 14 в старинном допетровских времен здании, рядом с домом с колоннами.

Приехав через три месяца (после пионерского лагеря) к ним с родителями, я не узнал Лапку. Ко мне, виляя хвостом и радостно повизгивая, выскочила толстая сарделька на лапках.

Судя по ее комплекции, жилось ей у бабушки сытно.

Три раза в день она гуляла по дворику, обнюхивая каждую лужу, истерично рыча и лая, гоняла кошек и обкладывала по полной программе всех от кого хоть на каплю (слегка) пахло водкой.

С кошками и котами у Лапки сложились сложные отношения.

Кошек Лапка терпеть не могла. Достаточно было дома произнести слова: – Лапка! Кошка! – Как Лапка с утробным ворчанием мчалась к окошку, вспрыгивала на широкий подоконник и начинала орать на своем собачьем языке, какие коты сволочи.

Правда орать на котов Лапка предпочитала из безопасного далека.

На то у нее были серьезные причины.

Как-то, прогуливаясь с бабушкой по дворику она обложила местного бандита кота, который без лишних слов надавал ей когтястой лапой по морде.

Кот был драный в боях и одноглазый, и собак гонял только так. Как правило, он гнался за ними на трех ногах, подняв четвертую когтястую лапу для удара. Его боялись даже овчарки, а тут, какая то мелкая брехливая болонка.

После этого случая при виде кота, Лапка отворачивала морду вбок делая вид, что его не замечает.

С дедом у Лапки тоже сложились непростые отношения. Она ему не доверяла!

Дело было так. Вечером бабушка приготовила Лапке вкусные котлеты и поставила сковородку на стол в гостиную, что бы котлеты немного остыли.

Лапка ходила кругами вокруг стола и облизывалась. Это было самое вкусное для нее кушанье.

Но тут пришел из своей художественной мастерской усталый голодный дед, не разобрался, чьи это котлеты и с большим удовольствием их съел.

Такого Лапка простить ему не могла, и дед навсегда лишился в ее глазах доверия!

Стоило деду открыть входную дверь в подъезд, еще услышав его шаги по лестнице, Лапка мчалась проверять свою миску.

Караул! Меня отшлепали!!!

Когда я был совсем маленький, я радовался и был горд, что никто не шлепал меня по попке.

Все друзья мне сильно завидовали, потому что своими родителями они похвастаться не могли.

И вот однажды я сильно наозорничал, и папа пообещал меня отшлепать, но я самонадеянно ему не поверил и продолжал безобразничать и тогда папа схватил меня под мышку и пару раз хлопнул ладонью по моим штанишкам.

И я заверещал от ужаса и возмущения, а еще от обиды на ставшего вдруг злым моего папу.

Залившись слезами и потирая попку, я спрятался в ванную комнату, пообещав папе больше с ним не дружить.

Я сидел у ванной на полу и думал, что моя жизнь круто изменилась, и не сразу заметил, что попка у меня совсем не болит, да и отшлепали меня совсем не больно.

Пошмыгав носом, я приоткрыл дверь и бочком пробрался в комнату поближе к маме, тут появился папа и виновато улыбнулся, и я тоже улыбнулся ему, и мне сразу стало весело, потому что я понял, что папа любит меня.

Наша нянька – Монстр!

– Ай..аяяй! – злая нянька, наконец, отпустила мое горящее ухо.

– Вот стой сволочь в углу!

Я испуганно на нее поглядывал исподлобья, тер пострадавшее ухо и думал « вот я вырасту и тебе покажу! »

Планы мести, правда, были туманны, но достаточно кровавадные для пятилетки. Ну и что? Пусть не дерется! – Баба яга!

– Подумаешь, я плюнул в эту Нинку! Во-первых, почему-то не попал, во-вторых, сама напросилась подлая крыса!

Кто на наш домик из палочек, специально, чихнул? Мы его с Зойкой десять тысяч часов строили – с утра, и до обеда! Для хромого жука, кстати! Ему кто-то из наших все ноги оторвал!

Стоять скучно и обидно – А главное за что?!

Да еще эта подлая Нинка – ябеда несчастная, мне рожи строит, правда издалека. Думает если она дочка этой бабы яги, то я ей не врежу.

Правда, мамочка у нее сказочная – монстр еще тот, ей не нянечкой в детском садике надо быть, а в клетке с дрессировщиком. Черные волосы, черные усы и злобная рожа, вот только борода не растет. – А может быть, она ее бреет?

Это не мама какая-то, а переодевшийся папа бандит!

Все ее бояться, и всех она застрашала: – Только пробуйте на меня родителям пожаловаться!

Дескать, до утра не доживете!

Вообще в нашем детском садике, наверное, произошел переворот и злые силы победили.

Какая добрая и хорошая у нас была тетя Зина, мы ее звали бабушкой Зиной.

Но баба Зина заболела, ушла на пенсию, а потом сгинула и эта акула пришла.

Нянечка она кто!? Она о нас должна заботиться! Сопливые носы младшегруппникам вытирать. А эту даже директор боится. Правда перед ней она подлизывается и ее внукам отобранные у нас конфеты дарит.

Реально она ничего не боится. Конечно! Всех запугала так, что если малыш обосрется, то сам бежит мыть свои трусы.

Это ж у нас преступление! Хуже убийства!

Бедная Надька в обед так смеялась, фыркнула и кружку соплей в свой суп налила. Так монстриха, эти сопли ей ложкой размешала и та как миленькая эту гадость сожрала.

Я как такое увидел, меня самого в свою тарелку чуть не стошнило. Но я вовремя сообразил, что будет потом, и сдержался.

Вот вырасту, стану большой, куплю себе дубину, вызову эту монстриху на честный бой... Хотя нет, лучше просто подкрадусь сзади, что бы наверняка! Как наподдам!!! Все

ясельники и одnogруппники мне будут аплодировать!

А потом мы ее к тиграм бросим, правда неизвестно, кто кого сожрет.

Глиняные игрушки

Слепил я из глины всякие чашечки, горшочки да фигурки и к ребятам в костер поставил. После этого сделались они твердыми как камень и стали пахнуть копчеными сосисками.

Притащил я их домой, на подоконнике расставил – на улице они вроде лучше выглядели, – не такие кособокие. Да и трещин заметно не было.

Посмотрел я на них, полюбовался и решил, фигурки в разные цвета покрасить.

Попросил у папы кисточку, акварели из коробки вытряхнул, взял самую красивую чашку и всякие цветочки и рожицы на ней нарисовал. Дальше дело не пошло. Надоело!

Побежал я с нею на кухню – маме показать.

– Смотри, – говорю, – какая здоровская чашечка получилась! Если хочешь, можешь из нее чай пить!

Мама меня похвалила. Очень ей моя работа понравилась! Вот только чай, почему-то из нее пить не стала, отказалась! Посоветовала: – Знаешь, Дима, ты лучше ее в детский сад отнеси, подаришь какой-нибудь знакомой девочке. Зое, к примеру, я думаю, она обрадуется.

Тут я себя по лбу хлопнул, как же это я сам не догадался!

На следующий день меня в сад повели! Иду я гордый с картонной коробкой в руках, а там разных глиняных игрушек целых три штуки! Правда, одна лишь покрашена, ну это

пустяки, все равно красивые!

Захожу в детскую раздевалку и сразу к Зойке, она раньше пришла!

– Смотри, – говорю, – какой я тебе подарок принес! – И чашечку с цветочками ей протягиваю.

Она как увидела, не слишком вроде бы и обрадовалась, даже в ящичек заглянула. Спрашивает: – А куклы у тебя глиняной нет?

– Нету, – отвечаю, – но если хочешь, я тебе их десять штук слеплю.... – В следующий раз! Когда ребята костер новый жечь будут.

Вздыхнула она, и чашечку к себе в шкафчик понесла.

– Спасибо! – говорит.

Но мне, почему-то показалось, что она на меня немного обиделась.

Тут Надька Борщева в комнату врывается, и ко мне!

– Где игрушки!? Покажи!

Как увидела две оставшихся, у нее даже глаза загорелись, руки сами к ним потянулись: – Дай поиграть!

– Бери! – разрешаю я, – а хочешь, я тебе их подарю!

– Хочу! – быстро произнесла она, и тут же обе игрушки заграбастала. От радости прыгает, мне беззубым ртом улыбается, обещает: – Я с тобой Димочка всегда водиться буду и конфетами делиться!

Ну, радуюсь и я, хоть кому-то приятное сделал. Про Зойку, конечно, временно позабыл, а та стоит сзади, за моей спи-

ной, и внимательно за всем наблюдает!

Как только Надька смеяться и радоваться перестала, чуть успокоилась, она к ней с расписной чашечкой и подходит, повертела ею у Надькиного носа и говорит: – А мне Дима вот какую подарил!

Та как ее увидела, просто словами подавилась. Дар речи у нее временно отказал. Только глазами хлопает. Наконец рот разинула и ко мне.

– Хочу расписную! – кричит, – Такую же! Нет...красивее!

Я растерянно плечами пожимаю, руками развожу: – Нету больше!

– А..А...А!– заревела она, – Зойке есть, а мне нету..у!?

Отбери у нее и мне подари! У..У...У!

А Зойка стоит рядом и говорит: – Как же! Отдам я ему!

Он уже мне подарил, а дареное не передаривают. Фиг тебе!

Ну, тут Надька просто позеленела и покраснела одновременно. Подбегает к своему шкафчику, хватает мои игрушки, и шварк... их на пол, ногами топчет, злобным глазом на меня косится: – Не надо мне твоих уродин! Жадина несчастная, турецкий барабан!

Попрыгала, поплевалась и с ревом убежала.

Два дня они обе со мной не разговаривали, дулись. Я виноват оказался! Чудеса!

Тимур

Когда я был маленький, я все слова воспринимал буквально, и часто попадал впросак.

Например, подслушав бабушкин разговор во дворе, где она, рассказала соседке, что у нее... аж сердце на минуту остановилось, я растрезвонил во дворе и детском саде, что у моей бабули сердце остановилось, но она не умерла, а пошла в магазин за картошкой.

Разумеется, после этого я прослыл болтуном.

Затем я попал впросак с чахоткой, ибо, сколько я не размышлял, но не мог припомнить, чтобы кто-нибудь из моих знакомых зачах и умер от безобидного чихания. На мой взгляд, это была сущая ерунда, о чем я неосторожно обмолвился среди своих друзей.

Та же история со мной произошла и в детском саду.

Летом мы всей семьей ездили в Крым, где я щеголял в темно синем матросском костюмчике с золотыми пуговицами с якорями.

И вот в этом костюмчике меня опрометчиво отправили в детский сад. И костюм и пуговицы мне очень нравились, но как оказалось не только мне.

В тот же день ко мне подошла моя ясельная подружка Зойка и таинственным шепотом спросила, не желаю ли я увидеть настоящего, живого Тимура.

Ну, вы уже знаете что, слова я воспринимал буквально, а уж такие имена как Тимур и Денис были для меня символом храбрости и доблести.

Разумеется, я согласился!

С бьющимся от волнения сердцем и еще не веря в такую удачу, я пошел за ней в сторону заросшей плющом веранды, и протиснулся в пыльную щель между верандой и бетонным забором.

Признаться, я несколько был смущен этой таинственностью, да и парень, просунувший свой облупленный нос между бетонными решетками мало походил на киношного героя.

Правда, он поклялся честным пионерским, что его действительно зовут Тимур, но я почувствовал некоторое разочарование.

На всякий случай я засыпал его вопросами, помогает ли он старушкам и как борется с Квакинами? На что он раздраженно ответил, что борется, но у него нет времени со мною трепаться, и сразу попросил у меня пару золотых пуговиц для игры в орлянку.

При этом он резал распростертой пятерней воздух около своего горла и говорил, что это вопрос жизни и смерти.

Мои жалкие попытки сослаться на предполагаемое недовольствие моей мамы были решительно пресечены одной Зойкиной фразой: – Ты что, ведь это ж Тимур!

И так цыпкакстые пальцы Тимура алчно скрутили с моей морской тужурки две пуговицы, а, немного помедлив, при-

нялись за третью. После чего гордый новым знакомством я направился к своим детсадовским товарищам.

Но, по-видимому, игра в орлянку требовала значительно большее количество пуговиц, так как спустя час Тимур лишил мой костюм еще двух пуговиц, затем, через короткое время – еще одной и собирался приняться за последние – сияющие на обшлагах, но тут я воспротивился – наотрез отказавшись с ними расстаться. После чего тот грязно выругался, чему я несказанно удивился, и принялся мне угрожать, что даст в лоб.

Честно говоря, я был обескуражен несоответствием славного имени, и хамского поведения, но тут Зойка пришла мне на помощь, запугав Тимура своим старшим братом, после чего тот довольно быстро смылся.

Несмотря на это происшествие, я все еще питал иллюзии и склонен был оправдать отщепенца. Тем более что, спустя час, я напрочь забыл об оторванных пуговицах. Прошло три дня. Я с чистой совестью и спокойной душой ждал встречи с мамой. А на ее негодующий возглас: – Куда ты дел пуговицы, что ты сделал с костюмом!?! – с гордостью сообщил: – отдал Тимуру.

Безграмотный

Однажды раздается в дверь звонок, и в квартиру с таинственным видом, запыхавшись, влетает мой братец.

– Почему ты такой взволнованный? – спрашивает его мама.

– Да так, просто пробежался, – сиплым от хитрости голосом отвечает он.

Мама, конечно, ему поверила и на кухню ушла обед готовить, а я сразу по его загадочной физиономии догадался, что что-то интересное приключилось.

Братец, понятное дело, напустил на себя неприступный и суперсекретный вид, принялся ходить по комнате кругами, на меня многозначительно исподлобья посматривать, нервно левым глазом подмаргивать, сразу ясно – через минуту все выболтает.

Стою, жду, ничем не интересуюсь, на потолке трещины рассматриваю, всем своим поведением показываю, до чего же мне наплевать на его дурацкие секреты, а самого прямо-таки распирает от любопытства.

Вскоре братец не выдержал, ко мне бочком подходит и безразличным таким голосом заявляет: – А у нас в подъезде матерное слово на стене написано!

– А что такое матерное слово? – спросил я его, представив себе буквы, написанные на куске материи.

– Матерное слово обозначает очень нехорошее, самое ругательное из ругательных ругательств, по сравнению с которым слово «Дура» просто ерунда! – просветил меня брат.

– Самое страшное ругательное ругательство это «Зеленая калоша» – уточнил я.

– Не умничай! – обозлился братец, – Сказали тебе, что самое ругательное, значит самое ругательное, и нечего со старшими спорить!

Ну, тут я сильно удивился! У нас в детском саду вроде все ругательства знают!

– Ладно, – думаю, – ему видней, он в третий класс ходит, книжки читает, не то, что я, безграмотный.

– Ну и что это за слово? – переспрашиваю.

– Нехорошее, – отвечает братец, – а больше я тебе ничего не скажу, потому что ты маленький.

«Ну не такой уж я и маленький! И вообще, похоже, мой братец как всегда врет – нет такого страшного слова! ... А вдруг не врет?»

– Скажи, скажи, скажи... ска..аажжи! – заныл я, подпрыгивая от любопытства и нетерпения, – Ну скажи, пожалуйста! – затеребил я его за рукав.

– Фиг тебе, – сунул он мне под нос дулю, – Это слово нельзя вслух произносить, такое оно неприличное.

Вижу, он гад, и впрямь не скажет, хотя самого так и распирает от знаний.

– Раз так, – говорю, – я сам схожу, посмотрю, и все разужнаю, коли ты говорить не хочешь.

– Иди, иди, еще людей порасспрашивай, – ехидно захихикал мой братец и, чвакая мокрыми носками, направился на

кухню.

– У, ЗЕЛЕНАЯ ГАЛОША! – подумал я ему вслед и нагнулся за первым ботинком. Пока я разыскивал – второй, в коридоре появилась мама и очень удивилась.

– Куда это ты собрался? – спросила она.

– Да так, – неопределенно пожав плечами, соврал я – вот помойное ведро решил вынести.

Оставив маму с открытым от изумления ртом, я, прихватив полупустое ведро, кубарем спустился вниз.

Если не считать произведенного мной шума, в подъезде было тихо и непривычно чисто.

Поставив ведро в угол, я огляделся.

Стены, выкрашенные в симпатичный салатный цвет, раздражали своей незамутненностью. Безуспешно побродив в сумерках полудохлой лампочки, я зашел в еще более темный тамбур. Потом исследовал с двух сторон дверь и убедился что мой братец врун – нет тут никакого ругательного слова! Хоть ты тресни! Только какие-то три корявые буквы карандашом нацарапаны.

– Неужели, – думаю, – это оно самое и есть!? Вроде непохоже!

Сначала я прочитал эти буквы с заду на перед и обратно, затем несколько раз повторил их вслух – и ничего не понял.

Мне нужен был взрослый наставник, желательно незнакомый.

Поэтому я вышел во двор и подошел к сидевшей на ска-

мейке тетеньке.

– Здравствуйте тетенька, – вежливо произнес я.

– Здравствуй, малыш, – заулыбалась она и снова уткнулась в раскрытую книжку.

– Здравствуйте тетя! – повторил я настойчивей, – А скажите, мне пожалуйста, что обозначает это слово?

– Ах ты мой маленький, вежливый-то какой, – в умилении всплеснула руками тетенька и, захлопнув книжку, уставилась на меня любящими глазами: – Какое такое слово, деточка?

– Да вот на стенке в подъезде написано! – пояснил я и перечислил буквы вслух.

К сожалению, тетка попалась нервная, вначале она подпрыгнула над скамейкой, потом поперхнулась.

Подождал я немножко, дал ей откашляться, и снова вопрос задал.

Долго она на меня смотрела, глазами бессмысленно хло-

пала, (не соображала, наверное), всю книжку свою истеребила, прежде чем заговорила.

– Понимаешь ли, деточка, – глупо заулыбалась она, – я этого слова раньше никогда не слышала и уж тем более не произносила.

– Странное слово! Правда? – поделился я с нею сомнениями. – Наверное, братец меня обманул, и это вовсе и не слово никакое, а просто буковки типа «п.р.с.т.»

– Может быть, – после длинной паузы согласилась со мной тетя и вдруг расхохоталась, как дура.

– Вы чего это? – обиженно спросил я ее.

– Ой! Не могу! – задыхаясь от смеха, простонала тетя и, снова подпрыгнув, заспешила к подъезду.

– Идиотка! – догадался я и, покрутив ей вслед пальцем у виска, направился в сторону шумной компании старшеклассников.

Те выслушали меня очень серьезно, а самый симпатичный и доброжелательный из них объяснил мне, что это слово необычайно емкое по смыслу и очень трудное для их понимания, так как в школе они его не проходили. Зато вон тот дядя милиционер, стоящий у будки, очень умный и наверняка знает, что оно обозначает, потому что сам часто его произносит.

– Спасибо! – поблагодарил я доброго мальчика и помчался к милиционеру.

Дяденька милиционер явно скучал, зевая во весь рот. В

одной руке он держал дымящуюся папиросу – во второй, красивый милицкий свисток, к которому периодически прикладывался.

Он то оглушительно свистел в свисток, то глубоко затягивался папиросой, скрываясь в клубах едкого дыма.

Мне не хотелось надолго отрывать его от столь увлекательного занятия, и я с ходу приступил к делу.

– Дяденька милиционер, а дяденька милиционер, скажите, пожалуйста, а что обозначает слово х..?! – отдышавшись громко выпалил я.

– Чего..!? – с округлившимися глазами переспросил меня служитель порядка, чуть не уронив свисток.

– Слово такое на стенке написано, из трех букв.. – начал объяснять я.

– Не ругайся! Больше не ругайся! – поспешно прервал меня милиционер, пережевывая свою папиросу.

– Да я и не ругаюсь, ... вот ..слово такое.. интересное, – искренне продолжил я.

– Запомни, мальчик это плохое слово! Не повторяй его никогда! – посоветовал он, отплевываясь.

– А что оно обозначает? – упрямо допытывался я.

– Зачем тебе это знать? – удивился милиционер, хлопая себя по карманам в поисках висевшего на шее свистка.

– Ну интересно же! – воскликнул я, выходя из терпения, неужели не понятно?

– Хм, интересно... глупость какая-то, н...да, – замялся

дяденька милиционер, в растерянности почесывая нос, – даже не соображу, как тебе объяснить, ... в общем это ... как бы сказать... Э...э – н.....да, сложный вопрос,я бы сказал, совсем непростой..... Спроси лучше у кого-нибудь другого, а то я что-то не знаю!... То есть.... Забыл!

– Как же не знаете, дяденька милиционер, если вы его сами часто употребляете?! – не поверил я.

– Кто! Кто! тебе это сказал!?! Нет, ты мне назови, кто тебе такую ерунду наговорил! – взвился милиционер.

– Все говорят, – дипломатично уклонился я от прямого ответа, не желая выдавать доброго мальчику, после чего дяденька с чувством произнес сразу много коротких и незнакомых мне слов.

– А что это вы только что сказали? – заинтересовался я.

– Господи! И откуда такие дети берутся! – схватился за голову милиционер и озадаченно на меня уставился: – Уйди! А то в тюрьму посажу, – неуверенно пообещал он и нервно замахал на меня руками.

Обиженный и немного напуганный, я поплелся назад, к дому, когда он окликнул меня: – Подожди!... А сколько тебе лет?

– Уже почти семь! – гордо вздернул я нос.

– Уже... – передразнил меня милиционер, – я в семь лет и не такие слова знал.....наизусть! Ну и дети пошли (неграмотные). Ужас!

– Ну что ж, – решил я не слишком расстроенный, – завтра

в детском саду спрошу! У воспитательницы! Уж она-то точно знает, что это за слово.

Дяденька негр

Мне было четыре года, когда я посмотрел по телевизору фильм пятнадцатилетний капитан.

И вот тогда я впервые узнал, что бывает рабство.

В детском саду меня дополнительно просветили мои друзья и подружка Зойка, которая шепотом и с вытаращенными глазами наговорила мне кучу всяких ужасов связанных с Африкой и работоторговцами.

Все это произвело на меня сильное впечатление, и я проникся жалостью к угнетаемым неграм.

Прошел еще год, а может быть два, прежде чем я увидел настоящего живого негра.

Он бедненький, стоял в вагоне метро, прислонившись к входным дверям, и чего-то калякал в блокноте.

– Мама! Смотри! Негр! – громким шепотом произнес я, тыкая пальцем в направлении негра.

– Ну и что? – спросила меня мама.

– Как ну и что – воскликнул я, вставая, – Ведь этот дяденька, наверное, сбежал из рабства и ему нужно помочь.

– Не говори ерунды! Какое рабство!? – попыталась ухватить меня за шиворот мама, но я уже подбегал к задумавшемуся над блокнотом бедняге.

– Дяденька, а вы негр? – потянул я его за полы рубашки.

Тот вначале вздрогнул от неожиданности, а потом, разгля-

дев мою любознательную, сочувственную физиономию на уровне своих колен, белозубо заулыбался.

– Я не негр, а афроамериканец – совершенно по-русски заговорил он.

– Ты хорошо говоришь по-нашему – сразу перешел я на ты.

Меня это и обрадовало и слегка разочаровало. Негры в фильме были здоровые, немного толстые и почтительные к маленьким мальчикам. А этот говорил снисходительно как наш знакомый сантехник.

– Я давно в СССР! Я учусь в Лумумбо на инженера! – сказал негр улыбаясь.

То, что он у нас учился, мне было неинтересно, и я сразу его спросил: – Дяденька негр, а ты был в рабстве?

Вопрос ему явно не понравился, да и кому понравится вспоминать о рабстве, но меня просто распирало от любопытства и, не дожидаясь ответа, я забросал его кучей вопросов: – А как ты попал в рабство? А много в Африке крокодилов? А как ты убежал!?! Тебя там сильно угнетали?!

– Но...но... но – перешел он на английский – Я не был в рабстве и вообще я никогда не был в Африке и живу в Америке.

(Я смутно представлял, где находится Америка, но сразу поверил, что не в Африке)

– Как это ты не бывал в Африке? – удивился я – все негры живут в Африке и там их угнетают, а потом продают в раб-

ство.

– Мальчик я живу в Америке!

– Потому что вас туда продали в рабство как в фильме? – догадался я.

– Нет, мальчик, ты меня не понял я живу в свободной страна! У нас давно отменили рабство! Я Афроамериканец, я родился в Америке и у нас не говорят слово негр, а говорят афроамериканец или чернокожий.

– А у нас в фильмах негров называют неграми, и в детском саду тоже, да и мама с папой тоже.... – начал оправдываться я.

Но тут меня прервала моя улыбающаяся мама: – Вы его не слушайте, он посмотрелся фильмов и теперь хочет помочь всем неграм, ой, извините, чернокожим.

***Реальная история, со мной произошедшая в 1969 году

Странная штука зависть!

Странная штука – зависть.

Вот подарят нам с братом по автомату разного цвета. И вроде бы в остальном они совсем одинаковые, но мне сразу хочется такого же цвета как у старшего брата!

И понятное дело я начинаю возмущаться: – А почему ему серый автомат подарили, а у меня какой-то синий!?

– На! – говорит старший брат – Подавись!

И отдает мне свой автомат!

И странная штука! Вроде бы синий – мне раньше не нравился, а теперь нравится!

И вообще... – подозрительно быстро мой братец на обмен согласился – даже не спорил!

Похожу я, похожу! Посмотрю я на свой серый автомат и вижу что он вовсе и не красивый – синий намного прикольнее.

И я опять к братцу бегу переменяться.

Прыгаю вокруг него: – Я передумал... отдавай мой автомат.

Братец смотрит на меня как на назойливую муху и ходьбы слово сказал против! Так нет – сразу со мною меняется!!!

И вроде бы я должен радоваться, но смотрю, как мой братец снова со своим серым автоматом бегают и мне становится завидно!

– Эх, зря я с ним обратно поменялся. Что-то я поторопился!

Корочка хлеба

Я сидел у мамы на коленках, потому что свободных мест больше не было, вагон шатало-мотало из стороны в сторону и так же шатало-мотало стоящих в проходе пассажиров.

Я глазел по сторонам и, встречаясь с очередным взглядом, широко улыбался.

Вскоре мне улыбался весь вагон, а мой рот так и тянуло растянуться до ушей.

Мир казался мне забавным и приветливым, а любая поездка дразнила приключениями.

Поезд останавливался на остановках, двери шипя, раскрывались и закрывались, а красивый машинист в военной фуражке объявлял названия станций.

На одной из них в вагоне разнесся запах испеченных булочек и свежего черного хлеба, и я облизнулся.

Мой нос повернул мою голову и вытянул шею в нужном направлении, а широко раскрытые глаза вцепились в раскачивающуюся, в чьих-то руках авоську.

Я обглодал взглядом булку с изюмом и принялся за медовую корочку хлеба, когда эти руки стали отрывать от нее маленькие кусочки и отправлять их в рот взрослой девице лет двенадцати.

Наверное, я смотрел на нее слишком пристально, потому что она вдруг перестала жевать и криво мне улыбнулась.

Разумеется, я в ответ расплылся до ушей, девочка сразу показалась мне такой доброй, что я уже собирался попросить у нее корочку черного хлеба, но бдительная мама, дернув меня за рукав, грозно предупредила: – и не думай!!!

Она почему-то считала мое поведение неприличным.

– Ты только что съел дома три сосиски и бутерброд с сыром! – напомнила мне она.

Я горестно вдохнул и перестал улыбаться, съеденные сосиски были далеко, а свежая корочка черного хлеба совсем рядом.

– Тогда купи мне черного хлеба – задрав подбородок к ее уху, прошептал я.

Дверь снова с шипением раздвинулись и девица, размахивая авоськой с общипанной буханкой, помчалась по перрону.

Вместо нее, цокая палочкой, в вагон вошла толстая отдышливая тетя с красным лицом и огромным носом, вид у нее был усталый, а когда мы встретились с ней взглядами, то друг другу широко улыбнулись, и мне сразу захотелось ей помочь и я, спрыгнув с маминых коленок, уступил ей место..... Пусть отдохнет!

На улице когда стройка рядом, очень интересно гулять

На улице когда рядом стройка очень интересно гулять. Там вокруг столько всяких прекрасных вещей. Просто глаза разбегаются.

Взрослых я не пойму. Им все это совсем неинтересно. Стоят, болтают и от скуки зевают.

Я к маме подбегаю: – давай этот железный ящик к себе домой заберем, я из него сейф себе сделаю!

А она не соглашается, говорит, что не позволит из квартиры помойку устраивать.

Как будто я всякую дрянь домой тащу!!!....Ну я понимаю, если бы я набрал из мусорки кучу огрызков и тухлую колбасу.....(Я же не тащу домой эту гадость).

Ладно, не хочет мама железный чемодан, пусть разрешит взять с собой разбитый прожектор.

Я в него почти наполовину помещаюсь, он такой черный, железный, немного на кастрюлю смахивает, только с бойницами и всякими там отверстиями. И места он в квартире немного займет, зато какой красивый....

Со слезами на глазах меня тянут домой, а я сопротивляюсь...., ну почему ничего нельзя-зя-зя!!! Почему нельзя хотя бы эту замечательную, похожую на автомат палку....???

Я точно знаю и абсолютно уверен, что завтра на прогулке уже не увижу этих сокровищ.

Грустно захожу в квартиру, скидываю тяжелые от глины ботинки, снимаю теплые штаны вбегаю в комнату и вижу чудо!

Папа купил мне танковый люк!!!

Быстро содрав с него целлофановую обертку, я бросился расставлять в комнате стулья, чтобы получился танк.

Я был на седьмом небе от такого подарка.

Такой игрушки я ни у кого не видел. Наверное, заграничная. Вот только откуда ее папа достал?

Ух! Здорово было подныривать под люк с пистолетом и неторопливо поднимать головой пластмассовую крышку.

Я уже представлял, как завтра возьму эту игрушку в детский сад, но вошедшая мама сказала мне, что это не игрушка, а сидение для унитаза.

После этого я сидел перед телевизором, смотрел мультики и думал – неужели можно так глупо использовать вещи!?

А ПОТОМ ПОЯВИЛСЯ ТЫ...

– А потом появился ты... – сквозь зубы цедит братец.

По его брезгливой физиономии видно как он этому был рад.

Понятное дело – откуда-то внезапно появился конкурент на конфеты и игрушки, а главное на мамину и папину любовь.

Раньше он мог вертеть ими как угодно. Он был центром внимания – пупом земли, а тут появился второй орущий пупок, и у всех раздвоилось внимание.

Братцу тогда было четыре года, и он очень обиделся, что купили еще одного ребенка. Ну ладно, он понял бы, если бы родители завели собачку или кота, но зачем им этот маленький слюнявый уродец?

Я подозреваю, что братец был бы не прочь, пока еще не поздно выкинуть меня на помойку. Но в то время он был слишком мал, что бы самостоятельно принять такое судьбоносное решение.

Он не ошибся по поводу меня.

Я оправдал его худшие подозрения.

Я хотел играть только в его игрушки, и мне обязательно была нужна именно та игрушка, с которой он в это время играл. Я ныл и канючил как профессиональный попрошайка и, конечно же, сильно ему досаждал.

Братцу тогда еще не прописали таблетки от жадности, и он не обучался всякому там этикету. Он просто грубо отпихивал меня или давал щелбан.

Понятное дело я начинал орать и плакать от такой несправедливости. Прибегала с кухни мама, и братец, покраснев от злости, от нее получал.

Нас разводили по разным комнатам с разными игрушками. Я шмыгал сопливым носом, успокаиваясь, и во что-нибудь играл.

Вскоре мне надоедало возить по кругу машинки и паровозики и, убив всех солдатиков в кровавой битве, я тихонько, тихонько подойдя на цыпочках к двери, ее открывал.

Мама понятное дело жарила к обеду котлеты. Из крана на кухне всюду лилась вода, звенели какие-то крышки, и щелкала разрезаемая ножом морковь. Но не в ту сторону был направлен мой любопытный нос. Меня интересовала плотно закрытая дверь, за которой находился братец.

На горьком опыте я знал, как метко он кидается тапком, поэтому, встав на четвереньки, я начинал операцию по незаметному открыванию двери.

В этом мне помогали звуки, доносящиеся из кухни и сам братец который чего-то постоянно распевал.

Занятие было очень опасным, и я был готов при первой угрозе дать стрекоча.

Зато потом, я мог похвастаться, что смог пробраться в клетку с тигром.

Упершись лбом в дверь, я подсматривал и подслушивал и понятное дело завидовал какие у него игрушки.

Иногда я так увлекался, что слишком сильно бодал дверь. При этом она со скрипом начинала открываться, а я, поспешно передвигаясь на четвереньках, куда-нибудь уползал.

Затаившись за стулом или занавеской, я с замиранием сердца ждал.

Иногда братец с лицом убийцы начинал меня искать, иногда, проверив мою комнату, сам начинал ябедничать на меня маме, что я смылся оттуда без спросу.

В первом варианте мне приходилось сразу начинать орать, попутно делая попытки прорваться на нейтральную территорию кухни.

Рядом с мамой я знал, что он не надерет мне уши.

Находясь на кухне, я дожидался, когда братец перестанет ходить кругами по коридору и грозить мне кулаком, а потом, стырив из стоящей на столе вазочки конфету, осторожно прокрадывался обратно.

Дразнить братца, это самая захватывающая игра. Главное вовремя смыться!

Дорога из кухни таила в себе кучу опасностей. Братец мог спрятаться за углом, сделав на меня засаду. Поэтому я тарачил вовсю глаза, не шмыгал носом и очень внимательно прислушивался.

Я шел, словно ниндзя бесшумна переставляя ноги и наострив уши, и при любом шорохе словно застывал.

Стоять на одной ноге, высоко подняв согнутую в коленке – другую было еще то удовольствие, зато пока меня братец ни разу не поймал.

Угол неумолимо приближался, и за ним стояла мертвая тишина и я, наконец, выставлял за него свой любопытный нос.

Играя в разведчика, я сильно увлекался – три метра я проходил за полчаса. Поэтому у братца не хватало терпения ждать меня в засаде, и я слышал, как он оттуда потихоньку отползал.

Потом мы обедали разделенные столом на нейтральной территории.

Я с кислым видом тыкал ложкой в тарелку с супом, завидя тому, как он все это невкусное быстро сметал.

Я хлюпал губами в наполненную жижкой ложку, а он уже трескал печенье и пил компот.

Ну почему у меня такой неправильный аппетит?

Наблюдая за братцем, я чувствовал, что мне чего-то не хватает, и начинал пинать его ногою под столом.

Сделать это полноценно у меня не получалось, потому что у меня еще не отросли настолько ноги.

Но я изо всех сил старался, наполовину сползая с табуретки, и продолжал это пока от встречного пинка куда-нибудь не улетал.

Все это мы делали молча. Эдакая подстольная война ногами. Я знал, что в ней у меня не было шансов – но все равно

каждый день делал вылазки и воевал.

Мне уже было семь лет, а ему одиннадцать. Он учился в четвертом классе, а я даже букв не знал.

Мама накупила мне всяких кубиков с буквами, чтобы я с помощью них чему-нибудь обучился, но я искренне не понимал, зачем мне это может пригодиться.

В школу идти я не собирался. Детский сад меня вполне устраивал, у меня там были лучшие друзья, и я собирался в нем оставаться до пенсии.

Книжки мне читали мама и папа, (если во время чтения не засыпал), а также изредка наезжавшая к нам с подарками папина бабушка, которая была ему не бабушкой, а мамой.

Еще у меня остались от брата поцарапанные пластинки со смешно заедающими на одном месте словами. И если мне надоедало слушать про всяких там колобков и курочек ряба, то можно было прослушать их на другой скорости и посмеяться.

Мама меня уговаривала, заманивала ватрушками и пугала детским домом. Но я все равно не хотел заниматься этими дурацкими буквами.

Меня можно было насильно усадить за письменный стол, который в преддверии скорой школы мне купили, можно было расставить перед моим носом кучу кубиков, даже заставить из них строить башню (кстати, против строительства башни я был не против), но буквы я принципиально отказывался запоминать. Потому что во время строительства, они

мне только мешали.

Но школы оказывается нельзя избежать! И весной мама пошла со мною, устраивать меня в первый класс.

Школа была здоровенная, и как показалось мне совершенно пустая.

Огромные просторные холлы произвели на меня впечатление. По ним можно было носиться, а за прямоугольными колоннами можно прятаться во время всяких игр.

Тут что-то захрипело и затрещало, и по школе звонко разнесся звук будильника.

Я повертел головою в поисках источника звука. Будильник, судя по всему, был размером с пароход.

Но тут двери классов с треском распахнулись и из них с вытаращенными глазами и орущими ртами со всех сторон полезли ученики.

Мгновенно в холле стало тесно, отовсюду слышалось прыганье и топот ног.

Девочки с тощими косичками бегали друг за дружкой и визжали. Мальчики, сметая их со своего пути, толкались и плевались, щедро раздавая друг другу щелбаны, и даже неприлично ругались.

Услышав знакомое слово жопа, я улыбнулся и пришел в себя. Сразу повеяло родным домом. Но в целом мне как-то не понравилось, то, что тут запросто можно было получить по морде.

Мальчик с дебильным выражением лица, только что за-

пускавший в школьное небо бумажный самолетик, сразу заметил маму и меня.

– Тетя, это вы вашего сына привели к нам учиться? – пренебрежительно кивнул он на меня.

– Ты пацан не бойся, тут все такие как я, ну добрые, мы просто так не деремся!

Несмотря на свой глупый вид, он сносно выговаривал буквы, правда немного картавил и по моим понятиям был о-го-го какой взрослый – заканчивал второй класс.

Правда, сложно было сказать, сколько лет он перед этим провел в первом.

– Вот сынок и у тебя в школе появился друг – улыбнулась мне мама. И я сразу понял, что она совсем не разбирается в друзьях.

Раньше я видел в фильмах только взрослых бандитов, теперь познакомился с другим.

– Мама, давай лучше пойдем в другую школу – потянул я ее за рукав, но тут из ближайшего класса высунулась красная от здоровья учительница, и поманила ее рукою.

– Подожди меня здесь детка – сказала мама, оставив меня на съедение волкам.

Дверь захлопнулась, прямо перед моим несчастно повиснувшим носом.

Вокруг все кряхтело, елозило, плевалось и визжало и я по уши погрузился в этот дурдом.

Боясь быть размазанным по стенке, я спрятался за спи-

ную разруливающей движение воспитательницей. Она щедро раздавала на все стороны подзатыльники, хватала зазевавшихся безобразников за ухо, арестовывая их возле себя.

– Ах ты сволочь такая! Сколько раз тебе говорить, не бегай. Когда-же тебя дебила, переведут в старшие классы на другой этаж – выговаривала она очередному, с поцарапанным носом, мальчишке.

Потом снова захрипело и зазвонило и ученики, подгоняя друг друга пинками и кулаком в спину, мгновенно исчезли в классах.

Захлопнулись двери, и наступила тишина и я, наконец, мог полностью открыть зажмуренные глаза.

Теперь-то я понял, как повезло мне с братцем, хотя он тоже учился в этой же школе и, наверное, на переменах тоже был таким.

Я не знал, сколько длятся уроки, но уже научился считать до десяти. Ровно через столько – передо мною появилась мама и мы, наконец-то смогли уйти.

На улице весело щебетали птички и жарко светило солнце. Как хорошо – светло и тепло!

– Мама – сказал я, решительно отменяя все возражения – я не пойду в эту бандитскую школу. Ты представляешь!!! Там учительница таскает всех за уши, раздает затрещины и ругается как этот самый..... ну же!! ... Забыл....такой с лошадю... Ну ты понимаешь!

– Как извозчик – машинально подсказала мне мама, она

явно думала о чем-то своем и со мною не спорила.

Придя домой, я стал ждать из школы брата. Мне надо было задать ему кучу вопросов, а заодно заранее подлизаться, чтобы он в этой школе меня защищал.

Выжить в одиночку там будет трудно!

Посреди лета, а может быть через неделю, меня снова повели в школу, но мама меня успокоила, что в каникулы там никого нет – никого, кроме таких же, как я несчастных будущих первоклассников.

В ожидании, каких-то тестов я слонялся по коридору и заводил шапочные знакомства с важными мальчиками в галстуках и даже в очках. Девчонки понятное дело меня никак не интересовали, только мешались под ногами и хихикали в кулак.

Ребята как на подбор были зубрилы и хвастались, что не только знают буквы, но и умеют читать. Но больше всего меня поразило, что они прямо таки рвутся и в первый класс и вообще в школу.

Ну и дураки! – Не понимают, чего теряют!

Потом подошла наша очередь, и я на дрожащих ногах зашел в класс.

Там меня как обезьяну поставили на стул, я, запинаясь, прочитал какой-то глупый стишок, забыл, как зовут маму, а на вопрос где я живу, бодро ответил – дома.

Когда мне дали в руки огромную книгу с картинками и

такими же огромными буквами, я просто на ходу придумал по картинкам текст и долго рассказывал только что родившуюся сказку.

Меня попросили все таки хотя бы назвать написанные в книжке буквы и я очень обрадовался узнав буквы М и Ж, потому что часто видел их в общественном туалете.

Пока я мучился, отгадывая буквы, какая-то тетка назвавшаяся директрисой, наклонившись к маминому уху, спросила ее громким шепотом: – а ваш мальчик умеет попку вытирать!?

На что мама торопливо кивнула. Вообще у нее был, какой-то смущенный и растерянный вид. Похоже, она меня стеснялась.

Я чувствовал, что никого не поразил своими знаниями, но явно вызвал удивление.

Учительница, набиравшая учеников в класс «А» сразу сказала, что такого ученика ей не нужно, то же самое, но другими словами выразила пожилая тетка лет тридцати из «Б». И к своему ужасу я узнал, что меня как умственно отсталого запихнули к таким же в класс «В», где учительницей была моя старая знакомая регулировщица движения со своими подзатыльниками!

Дома сразу по приходу за меня взялись всею семьёй всерьез – даже братец подключился.

Во-первых, мне дали рулон туалетной бумаги и посадили на толчок, – что бы привыкал!

Потом мне пришлось еще сдавать по вытиранию попки экзамен. Оказывается, в школе мамы не будет, и я все буду делать сам. Даже застегивать на пуговицы штаны.

Буквы мне под страхом выключенного телевизора тоже пришлось учить. Но когда я попытался прочитать из них написанное слово, у меня, почему-то всегда получалось слово АПТЕКА.

К первому сентябрю я более-менее стал грамотным. Знал свой адрес и как зовут маму и папу и что у нас есть телефон, правда номер я не запомнил, потому что звонить не соби-рался.

Такого богатства как две копейки я все равно не имел, а звонить домой бесплатно от директрисы боялся.

Вначале нас собрали на школьном дворе и, слишком радостно, поздравляли.

– В первый раз! В первый класс – выло из репродуктора. В руках у меня был дурацкий букет, как будто я девчонка. Вокруг толкались и возбужденно шмыгали носами такие же умственно отсталые, как и я, одноклассники – мои будущие друзья!

В самой школе нам сразу показали туалеты, и мы почти все сразу туда захотели. Особенно приспичило мне. Поэтому я прыгал от нетерпения, оказавшись последним в очереди, зажав себя ладошками с обеих сторон.

Потом нам показали столовую на первом этаже, но меня больше заинтересовал здоровенный таракан, высунувшийся

из-под плинтуса и голодно шевелящий усами.

Затем мы оказались в своем классе на втором этаже, где я специально оказался на самой последней парте, поближе к выходу. Если училка станет снова драться, я сразу убегу.

Я сидел на задней парте с каким-то мальчишкой, и с каждой минутой мне становилось все грустнее и грустней. Я печально думал, как я сейчас одинок, и очень скучал по маме. У меня даже губы задрожали и стали кривиться. Я еле сдержался, чтобы не зареветь.

Спустя какое то время ко мне заглянул братцев друг и, потрепав мои вихры, спросил с понимающей улыбкой: – Ну, как ты Димка, уже привык?

Он, конечно же, видел, что я готов в любой момент расплакаться и что я нисколечко не привык. И что вообще я хочу побыстрее оказаться дома!

Но то, что со мною разговаривает старшеклассник, заставило ко мне повернуться весь класс.

Мальчишки и девчонки с интересом смотрели на меня, в их разноцветных – карих, серых, голубых глазах читалась зависть и немой вопрос: – что счастливчик, у тебя здесь учится старший брат?!

Откуда дети берутся

Как-то мой школьный друг Сережка спрашивает меня таинственным шепотом: – А ты знаешь, откуда дети появляются?

– Знаю, конечно, – пожимаю я плечами, – от поцелуев.

– А вот и нет, – обрадовался Сережка, – и совсем не от этого!

– Да брось ты, – говорю, – ерунду городить, я точно знаю!

– А вот и не знаешь, мне мама сказала, а соседский мальчишка из восьмого «В» класса подтвердил. Дети совсем по-другому делаются: – Ложатся мама с папой в постель без трусов и всякие глупости делают.

– А если они в трусах лягут, так ничего не получится? – с насмешкой спрашиваю я. – Врешь ты все, Серега, тебе всякой ерунды на уши навешали, а ты и рад, соседу поверил!

Ну, тут Сережка обиделся, заспорил.

– Спорим, – говорит, – что я прав!

– На что? – спрашиваю.

– А на твоего индейца!

– Ну, уж нет, – замялся я, – мне он самому нравится.

– А, струсил! Знаешь, что я прав, поэтому не споришь, – прям-таки запрыгал от негодования Серега.

Но я хитрый, не поддался на слабо! Вот спрошу у мамы, как это делается, тогда и стану спорить.

Пришел я домой – и сразу к маме, она на кухне обед готовила.

– Мам, – говорю, – а от чего дети получаются? Сережка говорит, что от голых родителей в постели, когда они глупостями занимаются.

Тут, мама вроде бы как растерялась, морковку чистит и молчит, явно, что-то выдумать собирается.

А я ей так ехидно говорю: – Ты только мне всякую чушь не рассказывай насчет капусты, в которой ты меня нашла, и что в родильном доме меня купила (я уже взрослый, чтобы в такое поверить).

Ну, мама поняла, что я все знаю, и говорит: – Конечно, ты не из капусты появился, и ни у кого я тебя не покупала, я просто таблеток детских съела, чтобы ты родился.

– Как это таблеток? – изумился я. – Разве есть такие таблетки?

– Конечно, есть, только их в специальных аптеках продают, для взрослых.

– Честное слово? – спрашиваю.

– Честное слово!

– Честное, пречестное?

– Да, – отвечает мама.

Поел я супа, пообедал – и сразу на улицу, встретил Серегу.

– Давай, – говорю, – спорить, если тебе так хочется.

– На индейца?

– На индейца! Все равно ты его не получишь. Я точно те-

перь разузнал, откуда дети берутся – от таблеток таких специальных, одну съешь, – мальчик получится, а две – девочка в придачу!

Дневные ежики

Их было семеро...!

Семеро диких ежеиков!

Но это я так думаю, что их было семеро, на самом деле, может быть, их было и больше!!! Поди, разберись!

В общем, их было много – целая ежиная семья и фамилий их я не знаю.

Просто как-то раз их одновременно собралось у моего крыльца ровно семь штук.

Ровно семь штук чавкающих, обжирающихся кактусят с торчащими во все стороны иголками и острыми черноносыми мордочками.

Собрались они вместе случайно, наверное, у кого-то из них сломались часы, и они запоздали, а другие невежды приперлись слишком рано.

Они пришли с разных сторон и стеклись к моему крыльцу со всех концов света, кто по одиночке, а кое-кто со своим микроскопическим потомством, но пришли не даром!!!!

Надо было видеть, как они смели с импровизированного стола протухшую курицу и чуть не сгрызли пахнущую бульоном тарелку.

Походив кругами, они, по-английски не прощаясь, потопали в свои норы, и никому из них не пришло в голову, что днем ежам ходить в гости просто неприлично.

Коник

У бабушки дома на книжной полке среди фотографий и разных интересных безделушек стоял замечательный стеклянный коник.

Он был прозрачный как родниковая вода и словно парил в воздухе, а когда на него падал солнечный свет, то он сиял как драгоценный камень. Он был очень красивый, этот коник, с развевающейся хрустальной гривой, с согнутыми в беге стройными длинными ногами.

Я часто держал его в руках, согревая холодную поверхность ладонями, и мне очень хотелось, что бы бабушка мне его подарила. Но бабушка была художницей и рисовала с него конька Горбунка (когда он взмывает с Иванушкой в небо!) А еще он ей самой очень нравился. Я видел это по тому, как она бережно брала его из моих рук и ставила обратно (на полку) рядом с деревянной пирогой с индейцами.

– Хочешь, возьми пирогу, – предлагала она, – а конька я тебе пока не дам – разобьешь!

И я, конечно, хотел индейцев в пироге и долго с ними играл. А потом, вопреки запретам, стал запускать ее в наполненной ванной и устраивать им шторм и даже топить ее выстрелами воды из шприца.

Вскоре пирога рассохлась и покрылась глубокими трещинами, и с нею стало неинтересно, и я забросил ее в таз под

ванную, где у меня был склад ненужных, надоевших морских игрушек.

А коник все стоял на своей полке, и лучи света резвились, разжигая в нем звезды!

И вот наступил день, когда бабушка мне его подарила!

И я так обрадовался, что пустился в пляс и всю дорогу домой держал его в руке и не мог на него наглядеться. И мне не хотелось расставаться с ним ни на минуту, и поэтому я на ночь поставил его перед собой на тумбочку, а когда проснулся, долго смотрел на него.

Это был конек, на которого нельзя было посадить солдата или прилепить пластилинового всадника, под ними он словно растворялся в воздухе. Он был слишком нежен и хрупок для такой ноши! Мне даже приснилось, как он летает! Во сне у него выросли такие же прозрачные крылья, и он взлетел высоко, высоко в небо и превратился в радугу!

Однажды я принес его в школу и на уроке (по секрету) показал сидевшей со мной за партой девочке – Кире. И она сначала замерла от восхищенья, а потом стала предлагать за него много интересных вещей и целый блок жвачки, но я отказался.

Мне так он нравился, что я брал его в кинотеатр, носил на дискотеки, а как-то раз взял его с собой в поликлинику.

Это произошло в самом начале весны, после того как я переболел простудой. Я вышел из кабинета со справкой в кармане и неожиданно увидел в конце коридора испуганную

женщину с неподвижным ребенком на руках. Она несла его, спотыкаясь от волнения, и спрашивала, где здесь врач, и кричала что ее сынишке очень плохо, а за нею еле поспевая, бежал малыш и горько плакал.

На мгновение, остановившись, женщина, обернулась к малышу и, подтолкнув его к стоящему у стены дивану, ворвалась в кабинет. Дверь со скрипом захлопнулась, а малыш остался один. Он сел на диван и стал ронять на пол крупные слезы, и мне вдруг очень захотелось его успокоить, развеселить чем-то, и я присел рядом с ним и стал рассказывать ему смешные сказки, но он все равно рыдал не переставая. И тогда я достал из кармана своего хрустального, волшебного коника, и тот запарил в воздухе, словно облачко, и засветился на весеннем солнышке звездочками внутри, и от него повеяло каким-то загадочным теплом и светом, и я вложил его в протянутую ко мне ручку, и увидел сразу просохшие ясные глазки, и улыбку на мальчишеском лице, и сказал прерывающимся голосом: – Возьми его себе.... Он очень хороший.

У меня в носу проблема

У меня в носу проблема

У меня сопливый нос

В нос засунул палец смело

Чтоб козявкой не зарос

И конечно ковырянье ненадолго помогло

Но козявок разрастанье прекратиться не смогло.

Глупо, глупо ковыряться, и козявками кидаться, если твой сопливый нос до леченья не дорос.

Я на лбу нащупал шишку

Я на лбу нащупал шишку

Я не елка – я мальчишка.

Настоящая актриса

– Тетенька, а тетенька – спросил я ее после спектакля, а почему вы играете мальчиков, ведь вы толстая и взрослая!?

Она отвесила мне щелбан, как настоящий мальчик.

Посылка

Летом наш детский сад целиком переезжает на дачу, и мы живем там до осени.

Конечно, я скучаю по маме и папе, но здесь у меня столько друзей. А потом все-таки лето и солнышко весело светит, и птички интересные летают, и можно с воспитателями ходить в лес и собирать грибы и ягоды, петь песни и играть в разные игры, и даже посмотреть кино, по проектору, в расположенном рядом пионерском лагере. И на пионеров посмотреть тоже интересно, как они воздушных змеев на поле в воздух запускают.

А еще мне очень нравится вечером и если гроза, когда в небе над тобой собираются тучи и что-то ворчит и гремит в отдалении.

Тогда мы сидим на стульчиках в гостиной и слушаем сказки про Илью Муромца и Алешу Поповича.

А еще мне нравится получать от бабушки посылки, потому что это всегда интересно и не знаешь что в этом загадочном фанерном ящичке с красивыми, словно шоколадными пломбами.

И тогда мы собираемся, все вокруг него и от любопытства подпрыгиваем, и ждем, когда воспитательница принесет ножик и перережет им крученые веревки и со скрипом отогнет всю в маленьких гвоздиках крышку. И тут мы от нетерпения

просто начинаем вертеться и глотать голодные слюнки, потому что уж точно там есть чего-нибудь вкусненькое. И все вдруг со мною мирятся и даже Надька, у которой я сломал куклу! А мне нравится, когда со мною все дружат, и я радуюсь!

А потом меня подзывает к себе воспитательница, и я первый заглядываю в коробку!

Я достаю оттуда кучу сокровищ, и множество глаз в этой комнате заинтересованно следят за моей рукой.

Вот шоколадка, большущая изумительно пахнущая – Бабаевской фабрики шоколадка! А вот пачка печенья, и еще одна, а за нею конфеты и какие конфеты, и главное – куча леденцов на палочке – больших, разноцветных в липкой обертке в виде листиков. Я смотрю на это богатство в радостном настроении, а воспитательница спрашивает меня: – Ну и что ты с ними будешь делать?

И все замирают в ожидании моего ответа, а я говорю, улыбаясь и немножко гордясь собой: – Угощать!

И тогда наша группа садится за стол, потому что уже время полдника, и я иду вдоль стола с воспитательницей и вкладываю в протянутые руки, пахнущие карамелью леденцы.

И кто-то обеспокоено кричит: – а мне! А кто-то просит, жадно облизываясь, сразу три леденца, но я раздаю всем поровну, чтобы никому не было обидно, но Надька снова обижается на меня, потому что считает, что ей должны дать больше, раз она со мной помирилась!

Мне нравится сладкое, и я обожаю конфеты, но больше всего я люблю их дарить! Это так здорово!

Я угостил всех, и воспитательница прекращает возмущенный писк: – дайте мне еще, ведь я с тобой дружу! – унося почти полную коробку в кладовую комнату.

У меня в карманах приятно шуршат фантиками конфеты, и я раздаю их своим самым близким друзьям – Зойке и Борьке. Мы жуем конфеты и лижем леденцы и строим планы на будущее по съедению посылки.

И вдруг в раздевалку, куда мы пошли поиграть в прятки заходит с улицы Дашка, оказывается, к ней сегодня приезжали родители, и она целый день с ними гуляла. Я смотрю на нее с завистью – везет! Родители приехали! И протягиваю ей леденец.

– Спасибо, – говорит она, засунув его по уши в рот, и вдруг достает из своего пакета удивительного пластмассового клоуна – А мне вот что подарили!

Я раньше ничего подобного не видел! Он был похож на волшебника изумрудного города Гудвина и смешно кривлялся и ломался у Дашки в руках. Это было так удивительно, что я вытаращил глаза и разинул рот, пока не догадался, что Дашка нажимала на кнопку в его подставке.

Он весь состоял из маленьких пластмассовых суставчиков и трубочек, нанизанных на леску, и был такой забавный!

Я смотрел на него затаив дыхание, и мне захотелось поиграть с ним, и я попросил Дашку: – Дай поиграть, пожалуйста!

Я протянул к клоуну руку, но Дашка тут же спрятала его за спину и сквозь недолизанный леденец пробубнила: – Не дам!

– Ну, дай хоть потрогать! – стал упрашивать я ее, и она, подумав, нехотя отдала мне игрушку: – Можешь даже один раз на кнопочку нажать! – милостиво разрешила она, – Только за леденец.

– Но у меня больше нет леденца, я отдал тебе последний! – растерялся я.

– Завтра подаришь мне два! – согласилась она. И я нажал на кнопочку, и клоун весь зашевелился, словно живой! И мне захотелось узнать, как он сделан, и что у него внутри, и я перевернул его кверху тормашками, и стал ковырять кнопку! А Дашка, запищав, что с меня хватит, схватила клоуна и отошла подальше и начала с ним играть и так и эдак, а я с завистью смотрел на нее, как она играет, и больше всего на свете хотел иметь такую же игрушку!

И тут она предложила: – Давай меняться.

И я сразу согласился: – Давай! А на что?

И Дашка сделала вид, что не знает, а потом хитро на меня посмотрела и сказала: – А на твои леденцы!

– На сколько? – спросил я ее (любуюсь игрушкой).

– На все! – жадно блеснув глазами, заявила она.

– На все!?! – переспросил я ее. (Я готов был отдать за этого клоуна миллион леденцов, так он мне нравился).

– Ага, – закивала головой Дашка и стала бешено нажи-

мать на кнопочку, так что клоун просто задержался, словно от смеха и закрутился.

– А как же ребята, ведь я обещал!?! – неуверенно произнес я.

– А ты им скажи, что со мной поменялся, – предложила она, – какая тебе разница, зато клоун будет твой, и я с тобой буду дружить навсегда!

Я посмотрел на нее, на замечательного клоуна, мне очень хотелось сказать ей да.

Ради такой игрушки я запросто отказался бы от сладкого. Я представил себе как здорово с ним играть по вечерам, а потом на ночь положить под подушку, но я был не один!

Я оглянулся на притихших Зойку и Борьку. Я вспомнил своих остальных друзей и всех тех, кого я смогу угостить завтра.

Я понял, что эти конфеты уже не мои, они принадлежат нам всем, и я сказал напряженно ждавшей ответа Дашке: – Нет, я не буду с тобой меняться.

Сегодня мы идем на речку

Сегодня мы идем на речку – Ура! На речке всегда весело и много всяких игр. Можно играть в куличики, бегать прыгать и даже орать во все горло, – никто не мешает. А главное можно купаться! Правда, только с воспитательницей, но все равно интересно.

Я взял с собой совок и пластмассовое ведерко, а еще надувной круг, не надутый, потому что так удобно. На нем можно плавать далеко на глубину с километр и все равно не утонешь.

Перед походом нас выстроили парами в тенистом дворе и заставили одеть панамки.

– Б-р-рр – терпеть не могу панамки, в них ходят самые маленькие.

Потом мы шли по дороге и болтали. Небо стояло высоко и солнце тоже. Облака были такие интересные и похожи на разных зверюшек.

– Смотри бегемот! – тыкала пальцем в небо Зойка.

– По-моему это крокодил – не соглашался я.

– Ой, самолетик! – восхищенно запрыгала она.

И, правда, в синем небе над нами резал воздух малюсенький самолетик, он был очень красивый и серебристый в солнечных лучах.

– Я на таком летала! – гордо похвасталась Зойка.

– Врешь! – выпалил я.

– Там внутри как в автобусе; мягкие кресла, только еще дают газировку и окна круглые! И вообще ты сам такой четыре раза Врун пере-врун.

– И как же ты в такой маленький самолетик поместилась? – задал я ехидный вопрос, – тебя, что волшебник в мальчик с пальчик превратил?

– Очень даже поместилась, – стала объяснять Зойка, – он, когда на земле стоит, знаешь какой огромный, – с дом, наверное, и крылья у него о-го-го и моторы, а колеса в десять раз меня выше.

– Тогда ты на другом летала! – сделал я вывод, – видишь какой этот самолетик маленький в него даже муравей не поместится.

– Мне мама говорила, что с земли они все кажутся маленькими, а на самом деле большие.

– Смешно, – пожал я плечами, – разве может большой самолет превратиться в маленький? Глупость какая-то. Ты, наверное, Зойка чего-нибудь перепутала или мама твоя пошутила.

– Сам ты перепутала! – обиделась Зойка, – не буду с тобой водиться. Вот!

– Если ты такая умная, – заспорил я, – то попробуй уместиться в моем ведерке! Ну, давай, давай уместайся! Что не получается?

– Что я дура, что ли в ведерко помещаться. Говорят тебе

самолет большей на земле, а в воздухе уменьшается!

– Это как!?

– Ну не знаю я, может быть съезживается.

Вообще в мире много всего интересного. Самолет давно улетел, оставив за собой красивый белый хвост (интересно, что это такое) а мы все спорили, так увлеклись, что не заметили, как в лесу оказались.

Все-таки у нас на даче здорово. Такие дремучие леса в других местах не водятся. Здесь ночью страшно. – У-у-у – воют волки, -Р-р-р – рычат медведи, а бабок-ежеч говорят нет, потому что это сказки, но мы их все равно боимся!

Сейчас, правда, весело идем, через корни перепрыгиваем, о шишки спотыкаемся, на деревья, задрав голову, смотрим. А они взаправду такие высокие, почти облака задевают, а запах от них смолистый, и по веточкам белочки прыгают хорошенькие такие – пушистенькие.

Кстати из смолы можно жвачку делать, правда, она не вкусная, но зато тянется.

– Ой! – вот и лес кончился. Дорога по холмам круто вниз спускается. А дальше, за кукурузным полем песочный пляж с полкилометра и река вьется.

А вон на футбольном поле коровы пасутся, с ними лучше не встречаться, а то забодают. Отсюда хорошо видно и дышится по другому.

Хочется расставить руки и полететь как планер. Здесь пионеры их часто запускают, и я им очень завидую! Вот выраст-

ту, тоже буду их запускать, ведь это так здорово!

Наконец мы на пляже. Песок такой горячий, что больно идти босиком.

Мы кричим: – Ой-ееей – и прыгаем на досочки.

Идти по ним неинтересно и ноги можно зазанозить, а вокруг прямо таки белая пустыня, только огромные лопухи местами, словно деревья, стоят, да репейники.

Под лопухами можно прятаться, а репейником друг в друга кидаться, он на рубашку здорово прицепляется. Еще из него погоны можно делать и ордена, если в войну играешь.

Перед купанием нас всегда заставляют загорать! Это ужасно скучно! Зато потом мы с визгом бежим в воду, а она холоднющая.

Плавать я не умею, зато брызгаюсь отлично, а Зойка лучше всех в рот воды набирает, уши руками растопырит, глаза вытаращит, и фонтан из себя изображает.

А можно еще канаву на дне вырыть и в нее усесться или на четвереньках бегать и прыгать как лягушка. Вообще все и не перечислишь. Так бы весь день до обеда плескался, но не разрешают.

Правда и на песке много интересного: можно друг друга в него закапывать или яму до воды в нем прорыть и туда ногу засунуть, чтобы мокро было.

А в песке столько камешков красивых и ракушек, говорят они доисторические.

С песнями: – Тра-ля-ля – мы собираемся в обратный путь.

Босиком забираемся на покрытый колючей травой берег.

Впереди и вокруг нас сочный луг, растут цветы, васильки да лютики и куриная слепота, от которой говорят, если съесть, можно ослепнуть.

Мы разбредаемся по лугу, ловим мух и бабочек, собираем полевые цветочки. Мои руки от них пахнут медом и их вкусно нюхать.

– Смотри – подбегает ко мне радостная Зойка и раскрывает ладошку – Там у нее шевелит лапками здоровенный, пушистый шмель.

– Хочешь подержать? – спрашивает она

– Нетушки! – отказываюсь я, – Вдруг укусит.

– Он добрый, не кусается, наверное, у него жала нет.

– Хорошенький, – глажу я ему спинку.

– Может, посадим его в банку? – предлагает Зойка. – Будем кормить его конфетами!

– Давай, – соглашаюсь я, – чувствуя, как щекотно перебирает лапками шмель.

– Он тебя тоже полюбил, – говорит Зойка, – сейчас в коробочку травки положу, что бы ему было мягко.

– Чего это у тебя? – заглядывает через мое плечо Анька.

– Дрессированный шмель

– Врешь! – не верит она.

– Он не кусается, – объяснил я, и нежно погладил пушистый комочек, – Мы с Зойкой назовем его Хрюшей, и он будет жить у нас в стеклянной банке.

– Дай поиграть! – протянула руку Анька

– Не дам, – прикрыл я ладошку.

– Он у тебя не дрессированный, а просто без жала, ему жало вырвали вот и не кусается! – завистливо говорит она.

– Ну и что? – насупился я. – Наш шмель, и тебя не касается, мы его тренировать будем и кормить, а ты можешь себе нового поймать.

– Дай, дай, дай, ну дай, ну, пожалуйста, я только чуть-чуть поиграю и верну! – заныла Анька.

– Да отдай ты ей шмеля, – подбежала Зойка, – Смотри, какого я жука поймала, короед называется.

– Ура – закричала Анька, и грубо схватив шмеля, помчалась им хвастаться.

– Отличный короед, – потыкал я травинкой длиннющего жука с огромными клешнями, интересно, что у него внутри?

Но Зойка не успела ответить, потому что басисто заорала Анька.

Она орала как резаная, стояла как дура, на одном месте широко раскрыв рот и вопила, глядя на свой раздувшийся как сарделька палец.

Все-таки мир интересно устроен, оказывается, у шмеля было жало.

Часть вторая – Гошка рассказывает.

Гошка мечтает о Зоопарке

Мы с папой пошли стричься это очень противно. Мне совсем не нравится, потом от волос не отплюешься и шея чешется.

И вот мы идем по дороге и разговариваем.

– Папа – спрашиваю я, – а когда ты поведешь меня в зоопарк, там звели всякие, – много!!! Очень много!!! И они такие интелесные, ну плямо вообще!!! Такие пликольные.

– Сходим, как-нибудь сходим – обещает мне папа.

– Я оттуда забелу домой какую-нибудь звелюшку! Там покупать не лазлешается.... там только забилать лазлешается без денюшек.

Мозьно я себе забелу слона?

– Гоша – говорит папа – так слон у тебя в комнате не поместится, он такой огромный.

– А маленькие бывают – спрашиваю я.

– Самый маленький размером с автобус – говорит папа.

– Нуууу – тяну я – тогда возьмем этого как его там.... Забыл ммммм.... Тигла!!!

– Тигр тебя слопает, он злой и зубастый, помнишь, как он Маугли хотел съесть.

– Ну тогдаааа..., ну тогда – обезьяну!!!

– Обезьяну конечно можно – задумчиво говорит папа, – она вроде даже маленькая, но вот только она очень любит

похулиганить. Во-первых, она слопает все твои бананы, – ты хочешь, чтобы она слопала все твои бананы!?

– И мне не оставит? – опасно спрашиваю я.

– Нет, не оставит! – уверенно говорит папа, – и игрушки твои поломает, и будет больно щипаться! Обезьяны они такие.

– Ну, тогда, тогда.... Зеблу, она такая холесая!

– Зебра Гоша, она размером с холодильник и ест много, чем ты ее будешь кормить!?

– Касей! – уверенно отвечаю я.

– Кашу зебры не едят – неуверенно возражает папа, – хотя кто его знает, это почти трава.

– Гошка, зебры траву едят, много, много травы.

– Тлаву – удивляюсь я.

– Да, траву – объясняет папа – идут по полю и траву жуют, им нравится. Только Гошка, я тебя хочу сразу предупредить, что маленьким детям траву жевать нельзя, а то у них ножки отвалятся! И вообще можно отравиться и умереть.

– Ну тогда я ей много тлавы собелу, целых десять километлов, так много сто она съест ее всю хи-хи и лопнет.

– Гош все-таки зебра уж больно здоровая, ну будет она у тебя в комнате стоять размером с холодильник, еще на ножку тебе наступит, знаешь как больно.

– Ну, тогда гуся!

– Гусь он клюется и за попку щипается.

– Ну, тогда льва в клетке, вот если ты папа залезешь к нему

в клетку, то он знаешь что сделает, он тебе голову откусит. А если в клетке, то не откусит, он тогда не смозет.

– Вообще-то лев в клетке несколько тяжеловат – засомневался папа, – давай лучше заведем себе таракана.

– Нееет! Не хоцю талакана!!! Он злой – Талакан, талакан талакашечка!!! Он всех лебятусек звелятусек хотел съесть.

– Гошка, смотри мы до парикмахерской дошли! – неожиданно перебил папа.

– Не хоцу в паликмахелскую, я ее боюсь, меня там очень колотко постлигут – заплакал я – хосю в Маугли ууууууу, в Маугли посьли иглуски посмолеть.

И мы пошли в Маугли, где много, много всяких игрушек.

Как мы играем

Я встретил друзей и очень обрадовался – здорова Ваня – Здорово друг!

– Во что будем играть? – спросил Ваня.

– В трансформеров – выпалил я.

– Давай играть в зверюшек, – предложил Ваня, – ты будешь белочкой со сломанной лапкой, а я тебя буду лечить.

– Давай в это будем играть потом, а сейчас в трансформеров – сказал я.

– Давай, – неуверенно сказал Ваня.

– Давай я буду Бубел-мучкулом, и у меня будет супер рука с вот такими когтями, и я ими буду драться с монстрами – торопливо разъяснил я.

– А у меня будут суперспособности, и я буду летать и еще стрелять бомбами – с жаром продолжил Ваня.

– Нет, летать ты не можешь, и бомб у тебя не может быть – только ракеты, – возразил я.

– Я буду летать, и кидать бомбы – настаивал Ваня.

– Нет, не будешь, это я придумал игру, а значит в ней мои правила!

– Я раньше тебя придумал эту игру, и поэтому мы будем играть по моим правилам – заспорил Ваня.

– Я придумал ее вчера, а ты сегодня! – закричал я.

– Нет, я придумал ее позавчера – перекричал меня Ваня.

– А меня позавчера на площадке не было, и я сам эту игру придумал – заорал я.

– Я ее придумал позавчера, спроси Антона! – возбужденно запрыгал Ваня.

Тут к нам подошел мой папа и сказал, что нам пора домой.

– Нет – слезно попросил я, – ну пап, дай, мы еще немножечко поиграем!

И мы стали дальше спорить!

Мы играли в трансформеров

Мы играли в трансформеров – ух ты!

Я носился как угорелый. У меня была команда, и они слушались меня, потому что я был капитаном.

Мы искали безмозглого ниндзя и его стремительную тень. Ходячий ужас скрывался за поворотом.

Было круто и не очень страшно.

Вокруг бегали и прыгали мальчишки и девчонки, но их лютики и ромашки нас не интересовали. У супергероя другая судьба!

Я кричал очередную команду, сотня ракет устремилась в зубастую пасть, когда меня ткнул в плечо мальчик из песочницы с граблями и лопаткой.

– Мальчик, а мальчик, – спросил он меня – можно я буду играть с вами.

– Можно – сказал я, отдавая указания своим трансформерам.

– А давай так, – предложил мальчик, – давай я претворился собачкой, а ты поверил, а потом я как превратюсь в ходячий ужас и ты это не заметишь, а я нападу на тебя и только тогда ты поймешь, что я страшный, страшный, но будет поздно!!!

– Нет, я не поверил, – возразил я, – давай ты будешь страшным кугель-мугелем и мы на тебя нападём.

Гошка и дворницкая метла

Мы нашли на улице метлу, наверное, дворник ее забыл, страшную такую раскоряку.

Но Машка сказала, что это баба яга метлу потеряла и сразу на нее вскочила.

Оседлала ее, да как запрыгает с нею по двору словно лягушка.

– А я Гарри Поттер! – закричал Вовка. И стали они на метле вместе прыгать.

– А я.... я просто Гошка! – сказал я шепотом, ничего не придумав, и помчался их догонять.

Но место на метле мне досталось не лучшее. Я словно на ежа сел, так ветки кололись, зато и подпрыгивал я от этого выше.

Наверное, мы бы на этой метле точно куда-нибудь влетели. Если бы не более старшие мальчики.

Им, видите ли, дворника стало жалко.

– Нельзя на метле ездить!!! Не положено!!!

Но мы им метлу не отдали! Это наша метла!!!

И стали мы ее тянуть в разные стороны и громко возмущаться.

Тут я как воздух побольше в себя вдохнул, мускулы напряжинил и выдернул у мальчишек метлу, потому что я вспомнил, что я Добрыня.

Правда, Машка с Вовкою стали хвастать, что это они метлу отвоевали, но это им, наверное, приснилось.

Ведь не зря же я сегодня весь суп за обедом съел. А от него во мне всегда такая сила.

Рассказ маленького Гошки о трудностях жизни

В детский сад я бегу вприпрыжку! Семеню ногами как такса. Это не потому, что я такой прыгучий! Просто взрослые, почему-то не могут понять, что я маленький!

Это у папы и мамы шаги как у слона. А я маленький! Понимаете, я еще не вырос и что бы не волочиться за мамой на заднице по асфальту мне приходится семенить ногами и подпрыгивать!

Вообще не понимаю я взрослых. Представляете!!! Им хочется спать днем! А папа ну вообще..... Придет с работы, портфель в коридоре поставит и пока я, засунув в него нос, ищу конфеты..... Он уже брык!!! И храпит на диване!!!

Понимаете!! Вместо того, что бы со мной поиграть в игрушки, он спит!!!!

А с мамой, конечно, интересно пройтись по магазинам, вкусенького чего-нибудь выклянчить.

Все это конечно хорошо!!! Но она обязательно перед кассой вспомнит, что про какое-то там мыло забыла и, оставив меня в очереди вместо закладки, умчится вглубь магазина!!!

А я стою и волнуюсь, успеет она или не успеет и медленно, но верно приближаюсь к страшной тетеньке в кассе.

Чего я ей скажу, если мама не успеет? Я не знаю! И денег

у меня нет, да и считать я не умею! В тюрьму, конечно, не заберут, но все равно страшно – вдруг кассирша меня заругает!

Ну, вот и детский сад! Как здесь было хорошо в прошлом году, когда у меня в друзьях был большущий и сильнющий Леша!

Он 1 сентября пошел в школу. А меня на второй год в детском садике оставили, потому что я еще маленький.

Правда, зачем тогда меня в старшую группу перевели? Оставили бы в младшей. Там у меня все друзья, все меня знают, а тут этот очень нехороший мальчик Миша! Он меня бьет просто так и Артема подговаривает!

Я мечтаю дать ему внос! Не просто так, а по каратистски! Разбежаться так с боевым кличем Х*****ййййяяяя....!!!! И ногой ему в репу!

Правда папа мне говорит, что я кричу, не совсем правильно, но он просто не знает. Я целых три мультфильма смотрел про каратистов и во всех герои, и даже злодеи, когда дерутся, кричат -Х*****.ййййяяяяяя!!!!

Когда я болею

Когда я болею, то мне хочется просто лежать. Яркий свет режет глаза. И я прижимаю к груди любимую игрушку.

Я сильно хочу к своим друзьям в сад, но пусть это будет немножко попозже.

Я так устал, что кружится голова. А мама кладет на мой пылающий лоб мокрое полотенце.

Правда, когда я писаю в горшок мне немного удивительно и смешно, потому что из меня льется кипяток. Но все это я вижу и слышу, словно через вату или туман – так болит голова.

Сегодня мне сделали в попку укол. Тетя в халате сказала: – или укол или больница!

Было так больно и страшно, что я заплакал. Зато через час я сильно пропотел и выздоровел!

Кашель это ничего, зато я теперь могу играть в свои игрушки, и мне хочется прыгать с кровати на кресло.

Мне непонятно почему мама не разрешает мне играть в прятки с папой и носиться с воплями по квартире.

Для мамы с папой я все еще больной.

Весь день я сосу стрепсилс, глотаю горькие разжеванные таблетки и пью микстуру. Я сыт лекарствами по горло, и где же здесь возникнет аппетит.

Наверное, я съел бы большую шоколадную конфету, но

папа говорит, что конфета болезнь во мне не победит.

Оказывается, во мне сражаются злые и хорошие микробы и хорошим надо обязательно помочь!

– Ты же понимаешь Гошка, что добрые микробы должны быть сильными и хорошо питаться, тогда они смогут победить голодных и злых.

– Это как в войне с Гитлером? – спрашиваю я.

– Ну, в общем-то, да.

И я начинаю через силу есть. Понемногу и с большим количеством воды (ведь наши не должны страдать от жажды).

Там у меня внутри идет жестокая война иммунитета против зубастых микробов с головной болью и температурой. И мне обязательно надо нашим помочь, и поэтому я пью, отхлебывая куриный бульон с ложки и вгрызаюсь в куриную ножку.

Я ем и чувствую, как силы начинают бурлить во мне.

Конечно, впереди нелегкая неделя сражений, но я точно победу!!!

Гошка – снайпер, или происшествие в детском саду

Здравствуйте! Мне уже четыре года и я работаю в детском садике. Папа и мама тоже где-то работают, поэтому мы встаем рано.

На работе у меня весело. Мы играем в игрушки, слушаем сказки и гуляем. Большинство даже не знает, что ходит на работу.

На прогулке конечно интереснее – зимой можно погрызть сосульку, а летом попробовать песка. А в других временах года я еще не очень разбираюсь. Зато я знаю, что дед мороз приходит на новый год зимой, а месяц знать не обязательно.

Но сейчас точно не зима, потому что уже не холодно, цветочки расцветают и вороны каркают. Ну и солнышко греет, а небо голубое.

Сегодня мы уже поиграли в бабу ягу и черепашек ниндзя и теперь я с нетерпением выпрашиваю у Васьки автомат.

Мне такой точно не купят, потому что он стреляет пульками. А Васька его даже в детский сад принес.

– Он у тебя без пулек? – спрашиваю я.

– Ага – грустно кивает Вася – Мама все пульки отобрала.

– Дай поиграть – крепко ухватив ствол руками, тяну я к себе игрушку.

Вася не успевает мне отказать, и я мчусь за Лешей, строча из автомата: – Пух пух пух.

Но пух пух, это как-то неинтересно и я взвожу упругую пружину.

Теперь я снайпер и мой выстрел сейчас поразит стену. Но перед стеной вдруг возникает девочка Лена, и она просит меня выстрелить в нее.

– Ты, правда, хочешь, чтобы я в тебя выстрелил? – переспрашиваю я.

– Конечно! Ведь это так интересно! – трясет она косичками.

Мне было все равно в кого стрелять!

– Так даже интересней, – подумал я, прицеливаясь ей в лоб, и нажимая на спуск.

– Бац! – и грохнувшаяся на попу Лена, схватилась за лоб. Вначале она вроде бы засмеялась, и я, подойдя к ней, спросил, чего она ржет? Но потом Лена заревела во все горло.

Я растерянно стоял, не понимая в чем дело, а потом до меня начала доходить ужасная мысль, что я девочку Лену только что застрелил!

Автомат молча вырвала из моих ослабевших рук, подбежавшая воспитательница. А вмятина (от пульки) на Ленином лбу стала слегка красная (как у индийских танцовщиц) и я понял, что я ее убил.

Лену увели в медпункт, а я рыдал сидя на коленках моего друга: – Теперь меня посадят в тюрьму! У.у.у.у.! И я никогда

не увижу мамууууууууу.

Я захлебывался слезами, и мне было жалко себя, а не девочку Лену. Я уже представлял себя в темном сыром подвале под названием тюрьма – в кандалах и наручниках!

Еще мне очень хотелось дать в лоб этому дураку Васе, который забыл пульку в стволе! (Но Вася предусмотрительно смылся.)

Я рыдал и хныкал в свой сопливый нос, а Леша на чьих коленках я сидел, гладил меня по голове и успокаивал: – Не бойся Гоша, тебя не посадят в тюрьму,..... ты еще маленький. Вместо тебя посадят твоих родителей.

Полезные и бесполезные вещи

Когда я сижу дома, мне не хочется есть! Особенно манную кашу! Какая гадость! Я ее просто ненавижу!

Вообще-то я много чего не люблю – молоко с пенками..бrrrrr, гречневую кашу, макароны, суп и все что мама считает полезным!!

Странно, но мне нравится все вредное, потому что оно вкусное и похоже на мороженное, шоколад и варенье.

Все мои друзья тоже любят вредное и ненавидят полезное. Поэтому на праздники мне покупают только вредные продукты и в больших количествах и подарки мои друзья тоже приносят самые вредные и не полезные для здоровья.

И, правда, было бы странно, если бы мой друг Мишка принес мне в подарок картошку или пакет молока!! Мы бы сразу поссорились!

Как зубная фея опоздала в магазин

Перед первым классом я расшатал себе молочный зуб. Положил его в конверт для зубной феи и спрашиваю Дашу: – А как правильно писать сто эгрушек или игрушик.

Нацарапав письмо зубной фее, я вечером положил конверт под подушку.

Утром просыпаюсь – конверта нет. Зато что-то такое лежит завернутое в бумажку.

Развернул, а это письмо от зубной феи – 100 игрушек я в магазине не нашла. Уже раскупили. Остался только один чупа-чупс

Прятки

Мы с папой играем в прятки. Он как всегда водит. Громко считает до десяти, хотя я просил его – до тысячи.

Я мечусь по комнатам. Думаю куда спрятаться.

Папа досчитал до десяти и громко торжественно говорит: – раз, два, три, четыре, пять я иду Гошу искать.

– Ну, папа... я еще не успел. Ты быстро считаешь! – возмущенно кричу я – давай заново хотя бы до ста.

– У меня язык отвалится до ста считать – спорит со мной папа, и начинает медленно протяжно тянуть цифры: - О..Д..И..Н..... Д..В..А.....Т...Р...И.....

– Папа! – ору я ему, – не подсматривай, закрой ладошками глаза!

Папа продолжает считать:
Ч..Е..Т..Ы..Р..Е.....П..Я..Т..Ь....

Куда же спрятаться? За занавеску? Под одеяло? Или просто под кровать? В ванной и туалете он меня сразу найдет. Может быть за дверью? Нет лучше под стол. Там он меня точно не найдет!

А папа считает! Я уже под письменный стол давно забрался, а он все считает...только до двадцати добрался.

– Папа, – ору я ему из под стола, – я уже спрятался, иди меня искать!

Наступает крошечная тишина, а потом завывающий па-

пин голос говорит: – сейчас я этого маленького засранца Гошу найду.... и....как схвачу.

Я хихикаю под столом и случайно ударяюсь лбом об тумбу. Гулкий звук разносится по комнате, но папа меня не замечает.

Он вообще не смотрит под стол, зато заглядывает во все выдвигаемые из него ящики, и не найдя меня в них разочарованно шепчет: – где же этот Гошка спрятался?

Я сижу, зажав себе ладошкой рот, чтобы не расхохотаться. А когда папа отходит от стола, высовываюсь из-под него и громко говорю: – Ку-ку...

Папа останавливается посреди комнаты, и удивленно спрашивает: – Кто сказал ку-ку?

Я уже не в силах сдержаться и всю хихикаю, изредка ударяясь лбом о тумбу и опять сдавленно от смеха говорю: – ку-ку!

– Похоже, это Гошка, потому что у нас в доме нет кукушки – наконец догадывается папа и снова подходит к столу.

Я стою на четвереньках, и широко распахнув глаза, слежу за проемом.

Вот папа выдвигает, загораживающий меня стул. Вот наклоняется. Сейчас он меня увидит!!! И я крепко зажмуриваюсь. Сразу становится темно и ничего не видно.

Чувствую, как папа шарит рукой под столом, тыкает меня пальцем в бок, чешет мне голову и совсем меня не видит. Он то хватается меня за нос, то тянет за уши, то тыкает в живот,

и удивляется, куда же я подевался?

От щекотки я начинаю брыкаться и хохотать и открываю глаза. На меня удивленно смотрит папа: – странно Гошка, откуда ты появился?

– Я все время прятался здесь! – смотря на папу сияющими глазами, с жаром, взволнованно подпрыгивая, начинаю объяснять я.

– Ты так долго меня искал, просто умора!

– Наверное, ты зажмурил глазки, и поэтому я тебя не увидел – строит догадки папа.

– Ну да!!! – гордо отвечаю я.

Ура мы с Лешей и папой летим на луну

Посмотрев мультик, Незнайка на луне, я решил стать космонавтом.

Раз на луне творятся такие дела то мне туда точно надо.

Оказывается, в детском саду мы уже пробовали изобрести ракету, но потом отвлеклись на игрушки и недоизобрели.

– Папа, мы с Лешей решили сделать ракету и улететь на луну, ты полетишь с нами, а мама останется мыть посуду! – обрадовал я папу.

– А чего вы будете делать на луне? Там жутко холодно и дышать нечем! – сказал папа.

– А как же Незнайка там жил, он вообще в шортах по луне гулял? – заспорил я.

– Потому что Незнайка придуманный, а ты непридуманный, то есть настоящий мальчик. Тебе дышать между прочим надо, чтобы не умереть.

– Дышать? Блин! Я как-то об этом не задумывался, я вообще как-то про это забыл. Ну, хожу я носом хлюпаю и когда насморк противно, а разве дышать обязательно?

Я тут же это проверил, зажав пальцами нос.

– Ты чего так глаза вытаращил и надулся? Смотри, сейчас лопнешь! – спросил, оторвавшись от компьютера, папа. Но

я не ответил, потому что из последних сил пробовал не дышать. Не получилось! Оказывается это необходимо!

– Папа, а почему на луне нельзя дышать? – спросил я.

– Там воздуха нет, там безвоздушное пространство!

– А куда он делся?

– Не знаю, наверное, улетел – подумав, ответил папа.

– И у нас воздух тоже улететь может?! – испугался я, боясь задохнуться.

– Нет, – успокоил меня папа, – к нашей земле он веревками пришит, здоровенными такими канатами. Их еще называют необычно – канаты всемирного тяготения.

– Чего, чего? – не понял я, – А почему их тогда не видно?

– Потому что они невидимки!

– Папа не ври, ты, наверное, придумываешь! Скажи правду! – запрыгал я около него.

– И ничего я не придумываю! – сказал папа. – Вот скажи, что произойдет, если ты будешь под яблоней сидеть, и яблоко от ветки оторвется?

– Если повезет, то пролетит мимо, а если не повезет, то ударит по башке, – больно! – почесал я макушку.

– А почему оно упадет, а не улетит куда-нибудь вверх

– Потому что все яблоки так делают, потому что яблоки не самолет, они не летают.

– Вот Гоша, сам того не подозревая, ты описал первый закон всемирного тяготения Ньютона. Все, что есть на земле, обязательно чего-нибудь весит и падает вниз под собствен-

ной тяжестью, потому что земля их невидимыми канатами притягивает.

Папа мне чего-то еще умного наговорил, но я ничего не понял. Ньютона, какого то приплел. Можно подумать, что без его открытия, яблоки бы летали.

Одно я понял, что воздух от нас не улетит, и мы не задохнемся.

Раз на луне не воздуха, то мы с Лешей полетим на Марс – там точно живут марсиане. А на луне я придумаю, как можно без воздуха жить. К примеру, его можно сжигить и из бутылки пить или жить в скафандре.

Правда в скафандре неудобно жить, в нем ведь и спать и есть, и писать придется. Нет, скафандр точно не подойдет – и неудобно и скучно.

Попробуй в скафандре в футбол на луне поиграть или в догонялки.

Вот все-таки я умный, хотя и Светка называет меня дураком, но это, потому что она мне завидует, и сама дура.

Это она злится, что мы ее в космос с Лешей не берем, она хотела этой быть....как ее..... ну не Гагариным..... а Терешковой.

Я и не знал раньше, что тетки тоже в космос летали, думал – только мальчики.

Ну ладно, так уж и быть изобрету для Светки отдельный космический корабль и отправлю ее на луну вместе со скафандром и кислородными бутылками (так оказывается, воз-

дух по-другому называется).

Пусть она, пока мы к марсу слетаем, к безвоздушному пространству привыкает!

Запрещенная жвачка, или уголовная история первоклашки

Когда я перешел из подготовишек в первый класс, я очень удивился, потому что вся школа жевала жвачку.

Я учился уже третий день в школе.

А они ее все жевали и жевали!!!

Мне было интересно и обидно, откуда они ее достают, и откуда у них эта вредная и прекрасная привычка?

С маминых слов я точно знал, что водку, сигареты и жвачку, детям до восемнадцати лет в магазине не продают, и что запретная жвачка, почему-то вредна и опасна.

Но почему тогда моя бабушка давала мне ее в три года?

Почему, тогда она с радостью купила мне кучу жвачки, но не стала угощать меня водкой!

Все эти мысли промелькнули у меня в голове, перед тем как я решил стырить в магазине эту самую жвачку.

Почему я решил ее не купить, а стырить!?! Да потому что паспорта у меня с собой не было, а до восемнадцати лет я ждать не собирался.

При входе в магазин, я наткнулся на старшеклассника, который ругал кассиршу за то, что она не продала ему без паспорта бутылку водки и жвачку.

Вот тогда-то я и подумал: – Может не стоит позориться и

просто украсть!?

Но воровать все-таки плохо, и после тяжких раздумий я несмело подошел к тетке, капавшейся в лотке с капустой, и чуть слышно попросил: – Тетенька, у меня нет паспорта, купите мне, пожалуйста, жвачку.

Я впервые обращался к незнакомому человеку с просьбой. Кроме того, я был абсолютно уверен, что прошу тетку о грубом нарушении закона. Поэтому от смущения я запутался в словах и что-то невразумительное промямлил.

– Несчастные родители – окинув меня с ног до головы критическим взглядом, вздохнула тетка и, сунув под мышку пакет с морковкой, заторопилась к кассе.

После того как она пристально изучала меня как заморскую зверушку, все умные мысли у меня выветрились.

Зато я реально почувствовал, как краснеют и становятся горячим мои уши.

Меня дали понять, какой я нехороший.

Мне не было стыдно! Напротив я сильно обозлился. А, обозлившись, сделался более решительным.

Нехорошая тетка, чего-то стрекотала своим противным голосом у кассы, наверняка жалуясь на меня.

Поэтому я, кипя от возмущения, затаился за полкой с капустой, чтобы меня не вычислили.

Потом, когда тетка ушла, я подкрался к прилавку и пока никто не видел, бросил жвачку на дно своей корзинки. Среди булочек ее трудно было заметить, и я стал гулять по ма-

газину, в ожидании большой очереди перед кассой.

Я надеялся, что когда перед нею много народу, кассирша, не поймет, кто покупает запрещенный товар, или подумает, что я пришел в магазин с родителями.

Конечно, я не сбрасывал со счета попытку разжалобить строгую кассиршу своими слезными просьбами продать мне жвачку без паспорта.

И вот я подошел к кассе с сумкой полной продуктов, похитрому решив замаскировать свой запретный товар среди булочек и печенюшек.

Дрожащими от волнения руками, я сложил перед кассиршей свои покупки, собираясь наврать, что покупаю жвачку папе

И очень удивился, что мне ее продали просто так, без паспорта.

Гошка в первом классе и плохие отметки

Вот все говорят в первый класс, в первый раз и так прямо радуются, что мне за них стыдно становится.

Никогда не поверю, что есть дураки, которые хотят учиться. Лично я среди своих друзей таких не знаю.

Девчонки это понятно – зубрили! Они дуры. А я еще на подготовишках понял, куда попал. Одни буквы выучить чего стоило – всякие там МЕ-БЕ в слова складывать. Читаешь Ме-а-ме-а. – голову чешешь, думаешь, сомневаешься, а оказывается это – мама.

Я мучился, мучился и наизусть все тексты выучил, чтобы с буквами не разбираться.

В первом классе еще ничего было. Отметок не ставили, вместо них в тетрадке рисовали всяких зверушек, а в зайчиках и ежиках родители не разбирались. У меня чаще ежики были, но не стану же я родителей огорчать, что зайчики намного лучше.

А во втором классе как двойки посыпались.....!

Я вначале маме о них говорил, а она сильно ругалась. А мне не нравится, когда меня ругают, у меня от этого настроение портится и аппетит.

Пару раз меня хорошенько обругали, и я рассказывать про

двойки перестал. И сразу стало так спокойно...!!! Мама не спрашивает, а я не говорю. И главное всем хорошо. Мама не волнуется и я тоже.

Вот только учительница меня слегка нервировала. Все поговорить с папой хотела, по поводу моей успеваемости.

Она-то стремилась и хотела, а мне ее желание совсем не нравилось.

Папа за мной в школу зайдет, с продленки вызовет. Я в раздевалку бегу одеваться. И настроение у меня отличное и рот до ушей. Сейчас гулять будем!

Тут моя училка навстречу как нарисуеться, да как спросит: – Гоша, а где твой папа?

Тут и дураку ясно, зачем ей понадобился мой папа.

– Не знаю – жму я плечами, а у самого коленки от страха подгибаются, вдруг сейчас с папой встретится.

Всю четверть мне везло. И как-то по-хитрому у меня получалось, вроде бы я никому явно не врал, но и правды не говорил.

И надеялся я так еще пару лет продержаться, а потом все пропало!

Папа за мной в класс зашел, нам с ним надо было в поликлинику с уроков отпроситься. Главное, я об этом визите заранее знал, но почему-то не насторожился.

Только когда папа в дверном проеме нашего класса нарисовался, в голове у меня мгновенно все прояснилась, и я сразу понял что настали мне кранты, правда не знал, как эти

кранты будут выглядеть.

На лице моем еще играла радостная улыбка, но внутри меня все вопило: – Оееей! Чего сейчас будет!!

Учительница меня из класса попросила, а папа с нею на беседу остался. Взял я свой портфель, тяжело вздохнул и поплелся понуро в коридор.

До этого у меня было такое хорошее настроение, а теперь как будто над школой небо потемнело. Зависла надо мною под потолком коридора черная, пречерная туча, и я был на сто процентов уверен, что не за горами молнии, слезы и гром.

Ребята на переменке бегают, орут, ногами пинаются. Им хорошо – весело...., а мне бедному.... нет! Стою, нос печально опустив, себя жалею:

– Спрятаться, что ли куда-нибудь или придумать, как оправдаться, и ой-е-е-ей как мне сейчас достанется!

Как меня накажут, я понятное дело не знал, но уши и задница у меня уже зачесались.

Тут дверь класса открылась, и я замер и съежился как мышь.

Стою весь потный от раскаяния и страха и слышу откуда-то сверху.

– Почему ты про двойки мне не сказал? – спрашивает меня папа.

А я глаза в пол устремил, стою и молчу. Попробуй тут объясни! Я и сам точно не знаю, почему я папе не сказал, он

вроде из-за двоек не ругается!

– Я тебя не собираюсь за двойки ругать, а просто спрашиваю – говорит папа, – ты, что мамы боишься?

Я горестно киваю головой, стараясь скрыть капающие с носа слезы, и украдкой, неуверенно кошусь на папу, – вроде бы у него вид совсем не злой.

– Папа – тихо говорю я, поднимая к нему влажные глаза – я больше так не буду.

– Чего не будешь?

– Ну не говорить – выдохнул я – не говорить про эти самые двойки. Понимаешь папа, я просто про них забыл.

– Гошка, не хитри! – с еле заметной улыбкой смотрит на меня папа – давай с тобой договоримся, что ты больше не будешь так часто забывать про свои двойки. Пойми полуправда намного хуже лжи.

– Ура – я прощен!

Чувствуя, как у меня до ушей расплывается рот, я чуть не запрыгал от облегчения и радости. Солнышко вновь засветило надо мной. Гроза не разразившись, отступила. Я прижался к папиной руке щекой, а он ласково взъерошил мне волосы.

– Папа, а мне можно будет после поликлиники с тобою погулять! – на всякий случай спросил я.

– Только глупые родители наказывают своих детей запретом на гуляние – ответил мой умный папа.

Шутник Сашка

В классе у нас все шутники, но Сашка иногда такое отчебучит. На днях его наша классная ругала.

Представляете.... Подходит он перед алгеброй к Свете Метелкиной, глазки ей строит. И так ненавязчиво ее спрашивает – а скажи-ка Светка-пипетка, когда это у тебя день рождения будет?!!!

– Дебилам не отвечаю – обиделась Светка на пипетку.

А Сашке только этого и надо – чтобы его послали.

– Жаль – говорит он (невозмутимо) – Жаль Света-конфета, что я в будущее попасть не смогу... а то бы....

– Ты и в будущем не поумнеешь – кретин! – повернулась к нему Света Конфета

– А то бы..... – тянет таинственно Сашка, гипнотизируя Светку глазами, – А то бы....

– Чего, а то бы? – не выдерживает Светка

– Если бы я в будущее мог слетать – скороговоркой затараторил Сашка – я бы тогда слетал на кладбище, на твою могилку чтобы дату твоего рождения точно узнать....

Нелька – такса истребитель

В нашем доме появилась такса размером с ладонь. От рождения ей было месяца три.

Вместо признательности в удочерении эта мелочь в первый же день начала кусаться.

Ей не нравилось когда ее пытались погладить или взять на руки, зато нравилось много есть и много какать.

Недели две она только что не шипела (потому что не умела) на своих новоявленных родственников и никак не хотела приручаться.

Потом ей стало скучно, и она согласилась на игры при этом, не забывая кусаться.

Теперь она носилась по квартире с прищуренными глазами с зажатым в зубах тапком, и училась лаять.

Отнять у нее добычу можно было только хорошенько встряхнув тапком. Но не всегда после этого она улетала в угол.

Хочешь купить новые тапочки, поиграй старыми с Нелькой, – именно так мы называли эту гиперактивную хулиганку.

Сегодня на переменке ко мне подошла Машка и предложила взять к себе котенка.

Я, откинувшись на стул, посмотрел на нее с улыбкой: – С нашей Нелькой, твоему котенку будет капец.

– Да ладно Гоша, вот у меня дома и кошка, и попугай, и собака! Твоя Нелька, быстро с ним подружится! – стала убеждать меня Машка.

– Знаешь, какая это бандитка! – оживившись от воспоминаний, весело продолжил я – Она недавно крысе глаза выгрызла и хвост оторвала! А главное, она у меня сгрызла оба тапка!

Слушая мой смешной рассказ, Машка заметно побледнела, проггла меня возмущенным взглядом и сквозь зубы процедила:

– Ну уж тебе-то Гошечка, я своего котика никогда не отдам!

После урока вспоминая разговор, я сообразил, что забыл сказать Машке, что крыса была резиновой!

Скромная собачка мирно стояла у моих ног, переводя добрые глазки с девочки на ее расфуфыренного пуделя.

Казалось, она сейчас заснет – прямо на асфальте, настолько благостна была у нее мордочка, поэтому я чуть не шлепнулся от неожиданного рывка поводка.

Зубастая гримза уже была в воздухе по направлению к опешившему пуделю.

Если бы не поводок, заставивший ее шлепнуться на землю, она наверняка бы вцепилась ему в горло.

– Сорвалось! – прочел я разочарование в ее глазах. И словно не было никаких нападений – скромная собачка, как

ни в чем не бывало, занялась обнюхиванием завядшего цветочка.

Эти несносные девицы

Раньше мы сидели за одной партой, но потом нас рассадили, потому что мы много болтали на уроках.

Сейчас Машка-промокашка сидит за моей спиной и всячески меня донимает.

Совсем недавно, была вроде нормальной девчонкой, если это вообще можно сказать о девчонках!!!

Но теперь ...это какая-то бандитка!!!

То учебником больно треснет меня по затылку, то так ткнет меня в спину пальцем, что я от неожиданности подпрыгну.

Если я возмущенно к ней поворачиваюсь, она норовит захватить мне тетрадкой по физиономии или закатить оплеуху.

Кстати, такой же свернутой тетрадкой она бьет меня по ушам, когда учительница не видит.

Папа смеется и мне говорит: – Ты ей просто нравишься. Она так за тобой ухаживает!

Ничего себе объясненице. Сомневаюсь, чтобы мама с папой таким способом познакомились.

Не пойму я этих девиц.

Во-первых, они внезапно все так выросли, что стали в два раза нас мальчишек больше!!! И стало непонятно, кто теперь кому в лоб даст!

Во-вторых, все без исключения стали бандитками! Сби-

лись в стаи и стали на нас нападать!!!

Одному мальчишке таких поджопников надавали, что он чуть в больницу не угодил.

Его мама даже в школу к директору жаловаться пришла.

Правда они за дело ему накостыляли, он на них матом ругался и всякие гадости говорил. Но об этом его мама конечно не знала!

А эта Машка-промокашка..... раньше мы с ней почти дружили. Я ей домашку списывать давал, и после уроков мы друг за дружкой гонялись, и в зомби играть я ее приглашал, хотя другие мальчишки были против!

И вот тебе благодарность!!!

– Да хватит меня за ухо тянуть!!! Совсем дура что-ли?!

– Блин! – иногда так и чешутся руки ее побить. Жалко, что девчонка!!!

«Неужели нельзя как-нибудь по-другому мне объяснить!? Правда, сейчас уже, наверное, поздно! Мне с ней не в кино хочется сходить, а наподдать ей хорошенько, чтобы улетила!!!»

Но в принципе я отходчивый и не злой.

Сказала бы, что влюбилась, так я бы от радости запрыгал! А то я в нашем пятом классе один такой холостой, у всех наших всякие шуры-муры!

Вообще мне больше интересны аудиокнижки и настольный хоккей, ну пистолеты всякие и прочие игрушки.

Но если я ей нравлюсь, то, наверное, я красивый? Ну, хотя

бы немножко, совсем чуть-чуть!

В зеркало я раньше вообще не смотрел, а сейчас внимательно присмотрелся!

Вроде так я ничего.... Правда, нос как у Буратино – длинноват немного! Ну... и уши....

Вообще-то уши так торчат наверное из-за короткой стрижки..... А когда я был лохматый, их вообще не было видно! И зачем я подстригся!? Мне и так было хорошо!?

– Опять мне эта несносная Машка сунула за шиворот какую-то смятую бумажку! И глубоко засунула, – до самых лопаток!

– Блин! Как же она царапается, спускаясь вниз по позвоночнику!

Выпускаю из-под брюк рубашку. Ерзаю лопатками, подпрыгиваю и трясусь как стиралка при отжиме. И наконец-то, на пол выпадает эта дурацкая бумажка!

Поднимаю ее что бы выкинуть в распахнутое по весеннему окно, но вовремя замечаю корявые крупные буквы – ЗАПИСКА!

Разворачиваю ее, оглядываясь, чтобы никто не увидел. Читаю:

– Давай сегодня сходим в кино.

С малышкой держи уши остро!

С малышкой держи уши остро!

Вот не пойму, мелкие на самом деле такие простые или все же хитрые?

На днях ко мне на детской площадке пристал один шкет лет пяти, если не меньше.

– Мальчик, а можно мне взять тот самокат и покататься?

– Отстань – говорю, – это не мой самокат (я ему раз сто сказал что это не мой самокат,)

А он меня через минуту за штанину тянет:– Мальчик ну можно я покатаюсь!?

Так он мне, в конце концов, надоел, что я, чтобы от него отвязаться, сказал ему: – Да бери что хочешь, мне-то какое дело!!!

После этого его как ветром сдуло.

Я понятное дело о нем сразу позабыл. Мы с друзьями в зомби играли.

Тут слышу за спиной знакомый уже голос: – Этот мальчик мне разрешил.

Оборачиваюсь, – стоят неподалеку (почти передо мной) два здоровенных парня лет по 14, а рядом этот шкет, совсем не испуганный, и на меня пальчиком указывает:

– Вот этот мальчик мне ваш самокат взять разрешил. . . покататься. . .

Я просто обалдел от такой наглости и наивности. Я тут вообще ни ухом, ни рылом, а этот мелкий говнюк на меня свои проблемы сваливает.

Ну, тут мне не до него стало, потому что эти ребята за меня принялись.

Рожи кирпичом сделали, дескать, – Ты с какого перепугу нашими самокатами распорядишься!?

– Да не разрешал я ему ничего, сдались мне ваши самокаты! – возмущаюсь я.

А они сразу к мелкому!

А тот смотрит на меня ангельски честными глазами и так же честно говорит: – это ты мне разрешил кататься...

– Маленький правду говорит, маленький не соврет, он еще врать не умеет!!! – размахивают руками мои обвинители.

А тот им вторит: – Я никогда не вру!!! Спросите у мамы!!!

Ну, как тут объяснишь, что он меня не правильно понял!!!????

В общем, орали мы долго и плодотворно, ко мне друзья подтянулись, к ним тоже защитники.

Все кроме меня уж про малыша позабыли, а он стоит и слушает какой он честный да распрекрасный. Понравилось, что к нему взрослые мальчики за советом обращаются!

Стоит, уши развесил – возгордился. Нос выше макушки задрал. Подходит ко мне наглая морда, строго на меня взглянул, пальчиком погрозил и тоном воспитательницы мне выдал: – Нехорошо мальчик говорить неправду.....!!!!

Щекотка!

Сашка не боялся щекотки! Он так и сказал ребятам, но те не поверили.

– Врешь!

– Нет! Правда! Ну, нисколечко не боюсь! Спорим!?

– На что?

– На просто так! – ответил Сашка и задрал на пузе рубашку.

– Живот не так щекотно! Любой стерпит, – усомнился Васька. – Вот пятки и ребра это другое дело. Даже пытка такая в Китае была. Когда пятки щекотали!

– Мне все равно, – сказал Сашка и скинул сандалет.

– А горло боишься?

– Неа!

– Не может такого быть! – решили ребята и стали его щекотать.

Вначале они принялись за Сашкин живот, но тот крепился.

Затем Сашка подставил им ребра и тут же взвыл, когда по ним прошлись костяшками пальцев.

После этого он верещал и дергался, и когда ему щекотали живот и когда щекотали пятки, он просто весь бился от щекотки, как будто к нему подключили электричество.

– Ой! Ай! Уйя! Не могу! Хватит! – захлебываясь смехом,

кричал он, но его никто не слушал, всем понравилось, как он верещит и дергается! Все-таки новое развлечение.

Только когда он посинел от недостатка воздуха и вяло брыкался, его оставили в покое.

– Вот видишь! Ты боишься щекотки! – сказали ребята.

– Нет! – отдышавшись, поднялся из травы Сашка, – Я ее не боюсь!

И он не врал, он просто любил щекотку.

Гошкины приключения в летнем лагере в Быково

Гошке нравилось в лагере. Здесь часто было весело. Множество мальчишек и девчонок разного возраста, разумеется, имели совершенно противоположные интересы. И разобратся в этих запутанных и часто скандальных отношениях, по мнению Гошки, было практически невозможно.

Зато это давало столько неожиданных и не всегда приятных впечатлений.

Фантазия была фонтаном почти из каждого члена этого закрытого на определенном пространстве детского сообщества, и неосторожный дилетант вполне мог огрести кучу неприятностей на свою не вовремя высунутую голову.

Первым делом Гошка решил влюбиться. В одиннадцать лет без девицы, как без рук.

В прошлом году все эти Шуры-муры вызывали у него легкое отвращение, но теперь это было просто необходимо, потому что его лучший друг умудрился влюбиться раньше, чем Гошка.

Вообще в его палате как на подбор собрались все влюбленные нытики. От этих Пьеро не нашедших себе Мальвину, у Гошки сворачивались в трубочку уши.

Даже мальчик с вечно грязными заношенными до дыр трусами изображал из себя кавалера.

Гошку так и подмывало рассказать этому мальчику анекдот про то, как папа учит сына: – Сколько раз я говорил тебе, что трусы надо одевать коричневым пятном назад, а желтым

наружу.

Вообще у всегда остроумного Гоши постоянно чесался язык сказать, что ни будь эдакое, но на личном горьком опыте он убедился в пользе молчания.

Больше всего Гошу нервировало то, что каким-то непонятным образом все его сверстницы оказались занятыми.

Гоша ломал голову, когда его друзья-придурки успели с ними не только познакомиться, но и влюбиться.

Конечно, такое безобразие произошло от его невнимательности!

Вместо того чтобы уловить любовный тренд, он вместе с Васей из соседней палаты посвятил всю первую неделю лагерной жизни игре в прятки и поискам подходящей палки для автомата Калашникова.

Лишенная большинства сучков кривоватая дубина была найдена и облагорожена в меру Гошиных сил и фантазии, но драгоценное время было упущено.

В распоряжении Гоши остались семилетние беззаботные малявки и слегка опережающие его в росте и размерах старшеотрядницы.

Малявкам Гоша предоставил свободу играть с куклами в дочки матери, а к старшеотрядницам решил присмотреться.

Отбор кандидаток начался сразу после утренней зарядки и продолжился на завтраке и обеде.

Гоша так усиленно тарашился надвигающих челюстями избранниц, что не заметил, как прожорливый сосед стянул

у него котлету.

Отвлечшись от еды, Гоша также лишился положенной ему сочной груши, но по рассеянности был уверен, что машинально ее слопал.

Жрущие и жующие, с набитыми ртами и шевелящимися от усердия ушами девицы не оставили мощный любовный рубец в открытой душе Гоши, зато к ужину он почувствовал волчий аппетит и полное безразличие к поискам.

Ночью после отбоя Гошка лежа в постели, глядел вверх на расцветенныйдвигающимися тенями потолок, слушал шум ветра за окном и со страхом представлял себе прячущееся в темном углу приведение.

Каждую ночь, закутавшиеся в одеяла мальчишки шепотом пугали друг друга страшными историями и рассказами из жизни, чтобы потом трястись от страха под подушкой.

Следующую половину недели Гошка бегал, прыгал, толкался, дразнился и плевался. Удирал от разъяренного, вооруженного дубиной-Калашниковым Васи. То есть жил обычной для его возраста бурной жизнью. А потом неожиданно для себя влюбился.

Девочку звали Лена, и Гоша сразу назвал ее Еленой прекрасной. Правда в нагрузку к этой во всех отношениях замечательной девочке, шел совсем незамечательный и очень даже агрессивный мальчик Саша из первого отряда.

Но это затруднение позитивно мыслящий Гоша, собирался как-нибудь преодолеть.

Ссориться с такой дылдой было неразумно и даже опасно, но креативно мыслящий друг Гоши, Глеб к которому он обратился за помощью и советом, посадив себе на плечи влюбленного, прямиком направился к Гошиной избраннице.

Дело происходило на дискотеке и мальчик Саша немножко обалдел от появившегося перед ним тyani толкая.

Девочка Лена никогда не получавшая приглашение на танец от конного кавалера, тоже слегка офигела, что дало прыгнувшему с Глеба наезднику утянуть ее на танцплощадку.

Маленький Гоша был ей чуть выше подмышек и с обожанием смотрел на ее нос снизу вверх.

Мальчик Саша наблюдая за юным соперником, презрительно ухмылялся, а после третьего танца, на который настырный Гоша потащил упирающуюся Елену, мальчик Саша улыбаясь, прошептал прижавшейся к нему Лене, что-то о каком-то шустром гноме.

Любовь дала по Гошкиной голове тяжелым чемоданом чувств, и он сам не заметил, как превратился в такого же нытика и кретина, как и окружавшие его ребята.

Разобраться в этом дурдоме обуревавших мальчиков чувств было достаточно трудно.

Глеб влюбился в девочку, которая строила глазки не обращающему на нее внимание Гошке, Гошка сох по не подходящей для него по размеру Лене. Лена шарахаясь от его внимания, мечтала даже не о Саше (который ей помаленьку

стал надоедать) а о каком то, прости господи, Пете.

Зато как беззаботно и свободно чувствовали не доросшие до любви, а потому бесшабашно веселые, словно с моторчиками в заднице младшие ребята. Они носились, орали, смеялись и пищали в зависимости от темперамента и болевого порога.

Их вытаращенные от любознательности и эмоций глаза, натыкались на слегка страдальческие физиономии влюбленных и, чувствуя в этих размякших лицах слабинку, младшие канючили у старших конфеты.

Самым шустрим, конечно же, оказался Славик по прозвищу Мартын, правда, большинство, (за глаза), называли его мартышкой.

Еще издавек завидев Гошку, Мартын, распахнув руки, кидался к нему в объятия. Этот маленький, но цепкий мальчик умел присасываться к объекту как клещ.

– Здорова Гошка, как я тебя люблю! Ты такой добрый и хороший – по-собачьи преданно смотря своими хитрющими черными глазками в такие же не менее черные и хитрые Гошкины глаза, – жизнерадостно тараторил Мартын.

Такие обнимашки, как правило, имели корыстные цели. Ерзающий по Гошке Мартын после бурных похвал и признаний, незатейливо приступал к просьбам типа – а ты не дашь мне поиграть в твой телефон...., а у тебя не осталось печеня или конфетки...

Чувствуя себя матерью обезьяной, под мышками которой

болтается малолетний, но уже достаточно тяжелый отпрыск, Гошка отделялся от Мартына туманными обещаниями.

Конфет к этому времени у него не осталось, так как, испытывая затруднения в ухаживании за Леной, Гошка, встречая ее в коридоре или на улице – без излишних затей отрывисто предлагал: – Хочешь конфету!

В своих ухаживаниях он успел уже пострадать, когда какой-то парень старшеклассник прижав его к стенке и слегка придушив локтем, очень грозно предупредил, что он – Гошка, Лену уже достал.

С точки зрения Гошки этот парень был абсолютно не прав. Ну что он такого нехорошего сделал. Да он пытался несколько раз убедить Лену бросить Сашку. Да он уже в третий раз предложил Лене стать его девушкой!

Правда на днях произошла небольшая накладка.

Гошка, снедаемый любовью и снова отвергнутый, прогуливался на пустынном дворе, нарезая круги вокруг огромной клумбы, погружившись в мысли о том, как поярче выразить этой милой, но бестолковой Елене свои глубокие чувства.

Прохладный вечер и музыка, доносящаяся из распахнутых дверей дискотеки, здорово просветлила его ум и сонные мозги.

Взглянув свежим взором на окружающий мир, он заметил не только клумбу, но и малость увядшие (по сезону) но все еще яркие цветы.

Недавно просмотренный фильм придал его мыслям определенную направленность, и он с энтузиазмом и за дефицитом времени поспешно, принялся отрывать от увядших роз их еще вполне прилично выглядящие лепестки.

Дискоотека уже заканчивалась. Объявили последний танец, а лепестков в вспотевших от волнения Гошкиных ладонях, было, по его мнению, недостаточно.

Пришлось собирать уже опавшие и поэтому сырые от лежания на земле лепестки.

Зато когда, окруженная ребятами, избранница появилась в дверях, у Гошки уже все было готово.

Размахнувшись, он запустил в прекрасную Елену внушительный ком слипшихся лепестков роз.

Ему очень хотелось, чтобы все получилось так же как в кино, когда перед юной, томно шагающей принцессой с неба кружась весело вьются, опускаясь на плечи лепестки роз.

Но невнимательный Гошка не учел, что там, в кино, лепестки роз черпали ладонями из вместительной корзины, а не пуляли спрессованной бомбой в лицо.

От расправы Гошку спасло большое количество народу и то что, получив по морде цветочной бомбой, Елена не заметила своего возлюбленного воздыхателя.

Время шло, а добиться взаимности плохо получалось.

Параллельно любви в лагере происходили и другие интересные события.

Близилась ночь предшественница конца смены и все ста-

ли готовиться к ночной вылазке с зубной пастой.

Кстати не всякая зубная паста почти белая, кроме нее есть еще и черная.

Как-то под утро Гошка проснулся от естественных потребностей, и с почти закрытыми глазами сонный, шатаясь спросонья почти на ощупь, добрался до теплого туалета.

Тапки он не одел, и босым ногам было холодно, что немножко его взбудрило.

Зевая до треска в ушах, он уселся на трон и, прислушиваясь к журчанию воды, уткнулся лицом в ладони.

Ладони почему-то оказались какими-то шершавыми и чем-то знакомым пахли и, подняв их перед глазами, Гошка удивленно ахнул. Обе руки были окрашены в белый цвет какой-то известкой.

Спросонья, Гошка почему-то решил, что он лунатик и ночью ходил по какой-то стройке. Потом он почему-то ясно понял, что он с этой стройки чего-то украл и за это ему ох как будет...прилетит от вожатой.

Эти мысли ускорили процесс, и Гошка, потянулся за бумагой.

Бумага оказалась далеко, и пришлось приподняться.

Стоя в неудобной позе, Гошка увидел свое отражение в зеркале и снова чуть не обделался.

Из зеркала на него таранилась совершенно белая, с раскрытым от удивления ртом, рожа.

Чуть слышно ругаясь и отмывая уши от пасты, Гоша услы-

шал скрип открываемой двери и чьи то чавкающие шаги.

Из комнаты к нему приближалось, оставляя белые следы на полу, очередное привидение.

Мсть девчонкам обсуждалась довольно бурно. Глебу пришлось отмывать свои следы на полу и любоваться испачканной локтями простыней и кашашко-подобной смесью черной и белой зубных паст на своем носу.

Правда мсть как-то не удалась, потому что на следующую ночь вожатые вначале всех стерегли, а потом и Гошка и другие ребята свою мсть проспали.

До этого события еще была одна значимая для Гошки Цыганская ночь.

Этой ночью влюбленные мальчишки и девчонки должны были украсть какую-нибудь вещь у предмета любви, а на следующее утро получить поцелуй от хозяина или хозяйки похищенной безделушки.

Гошка возлагал большие надежды на эту ночь и поэтому неожиданно для себя ее не проспал.

Героически дергая свое ухо, чтобы не уснуть, он не сомкнул до двух часов ночи одолеваемый дремой взор.

Проникнув в девичью на цыпочках, он как крыса долго шуршал, выбирая кофточку в избранном шкафчике. Но, явившись утром за поцелуем, Гошка узнал, что перепутал ящички.

Предъявив Лене кофточку и зардевшись от смущения, он вдруг услышал насмешливый голос: – А это не моя кофта.

Последовали мгновенные разбирательства и уже другая девочка, которая нравилась Гошиному другу, предложила его поцеловать.

Растерявшись, Гошка швырнул в нее кофту и удрал со словами: – нет уж спасибочки...досвидания.

Но все эти переживания, конечно, затмила мрачная история, произошедшая с Гошкой, за неделю до конца смены.

Лазая по деревьям, и перепрыгивая с ветки на ветку как мартышка, Гошка, где-то там слегка поцарапался.

Царапки были пустяковые, – еле заметные. Гошка, вообще бы не обратил на них особого внимания, если бы не его заклятый друг Вася.

– Ого! – сказал друг Вася, – да ты Гошка поцарапался о дерево смерти. Надо быть поосторожней.

Это неприятное известие Гошка, как-нибудь да пережил, если бы не одно но!

Во-первых, дерево это славилось среди мальчишек как волшебное, поговаривали что там, в двенадцать часов ночи по средам и пятницам високосного года открывается временной портал. И что кто-кто вроде бы когда-то там пропал, то бишь сгинул.

Рассказывали также, что оттуда по ночам, в те же обозначенные раннее дни, выползает страшная черная вдова и ищет по палатам сонного мальчика, что бы его как-нибудь да извести.

Во-вторых, будь он не ладен, этот трижды ненужный Вася приперся на ночь глядя в Гошкину палату и наговорил им таких ужасов, сочиняя на ходу жуткие продолжения своих рассказов, что мальчишки долго не могли заснуть и успокоиться.

На следующий день Гошка заметил, что одна из четырех царапок исчезла, и крепко призадумался.

Прошел день, наступила беспокойная ночь, а наутро исчезла еще одна царапка.

Тут уже Гошка запаниковал. Он почему-то абсолютно поверил в то, что проклятая черная вдова именно его своим грязным когтем смерти отметила и что оставшиеся царапки знаменуют собой оставшиеся дни Гошкиной жизни.

Его друг Леша, к которому он бросился за утешением и советом, не слишком его обнадежил, сказав, что с точки зрения статистики, если он помрет, ничего страшного не случится, так как каждую секунду на земле кто-нибудь, да и умирает.

Тогда Гошка решил срочно позвонить домой, что бы его побыстрее отсюда забрали. Он был уверен, что теперь его ничего не спасет, и хотел последние дни провести с мамой и папой.

Дозвонившись до папы, он уныло и обреченно со слезинкой в словах сказал: – папа я хочу, чтобы ты меня забрал из лагеря домой...

– И когда ты хочешь что бы я тебя забрал? – спросил папа,

чувствуя, что с сыном не все в порядке.

– Лучше прямо сейчас – твердо заявил Гоша.

– И ты не хочешь остаться на прощальный костер? – переспросил папа.

– Нет!

– Гошка, что с тобою произошло, тебя кто-то обижает?!

– Нет, – убито ответил Гошка, он вдруг понял, что не сможет всего этого глупого и ужасного сказать.

А потом прошел день, и исчезли сразу две царапки, а Гоша никуда не сгинул и на звонок папы все ли в порядке ответил веселым жизнеутверждающим: – Да!

Впереди их с папой ждала поездка на море, там не будет доброго, но слишком болтливого по ночам, Васи, и некому будет пугать!

Руководство влюбленному мальчику

Мальчику, испытывающему первую влюбленность, кажется, что он говорит девочке серьезные вещи. Но если бы он послушал себя со стороны, посмотрел на себя требовательно, то понял бы что его сказанные нежным голосом МУСИ-ПУСИ И ВСЯКИЕ ПУСИ – МУСИ – друзьями воспринимаются как лепет влюбленного идиота.

Поэтому мальчику не стоит обижаться на своих озлобленных друзей (которым кажется, что он променял их на какую-то заурядную девчонку) и у которых от этих сюсюканий завяли уши.

Да и кому приятно, когда его лучший друг ведет себя перед девицей как прыгучий петух, растерявший мозги в курятнике.

Во-первых, другому мальчику становится обидно и даже завидно. Потому что он начинает чувствовать себя какой-то недокурицей, клюющей сырые просроченные и забродившие зерна.

Влюбленный мальчик, как правило, очень похож на дурака. Он по пять часов болтает по телефону ни о чем, поэтому, в конце концов, это ему самому надоедает и он сам того не подозревая, начинает тяготиться телефонным и прочим

рабством. Но сам он уже не может остановиться.

Как правило, девочке это тоже надоедает, и они ссорятся и расстаются.

Зато потом мальчик понимает, что в романтических отношениях плохо, когда тебя слишком много.

Тот, кто всегда рядом, меньше ценится, постепенно приобретая статус запасной табуретки.

Поэтому хитрый и умный мальчик временно должен динамить развесившую уши девицу, чтобы ценила!!!

Новый год это хорошо

Новый год это хорошо думал мальчик Гоша. Можно не ходить в детский сад целый год или неделю.

В четыре года Гоша плохо разбирался в арифметике, путался в стрелках часов и очередности месяцев. Но он точно знал, что новый год бывает зимой, когда идет снег, все друзья сопливые и очень холодно. Правда эти приметы нового года ему не очень нравились.

Главное перед новым годом – это зеленая немного пыльная елка, вытащенная из скособоченной разбухшей картонной коробки и веселые огоньки недавно купленной гирлянды.

Гоша это хорошо понимал и пыхтел от усердия, помогая папе и маме развешивать елочные игрушки, чувствуя, как в душе его разгорается праздник.

В детском саду тоже стояла сверкающая блестками елка, и даже на днях приезжал какой-то жадный дед мороз.

Гоша, как и остальные мальчики и девочки ждал от него чудес и подарков.

Не зря же они водили вокруг него и елки хороводы. Гоша даже прочитал, запинаясь от волнения, какой то новогодний стишок, получив в награду мандарин и три слипшихся конфеты.

Он думал, что это только начало просыпавшихся на него

вкусняшек, но ошибся. Под конец утренника Снегурочка вынула из дедморозовского мешка совсем не те игрушки о которых Гоша мечтал.

С подаренными головоломками не сумели справиться ни мальчишки, ни девчонки детсадовской группы, ни даже такая умная воспитательница по прозвищу Василек. А лучший друг Леша высказал ужасное предположение, что этот дед мороз ненастоящий. Гоша в это как-то сразу поверил, подсмотрев, как снегурочка подправляет деду морозу съехавшую набок бороду.

С Лешей Гошка был не разлей вода. Друзья на всю жизнь, – вместе пробовали песок из песочницы, вместе отказались сосать подозрительно желтую сосульку, вместе сидели на горшках в детсадовском туалете. Неплохо было и то, что Леша был большой и сильный, в отличие от Гоши – маленького и слабого. (Это Гоша понял, когда хулиган Миша попробовал отобрать у него игрушку).

Насчет существования деда мороза у многих ребят были сомнения. Гоша в прошлом году просил у деда мороза огромный живой бакуган и трансформера.

Ну и как вы думаете, что ему подарили!?

Правильно – маленький круглый бакуганчик, который без карточки даже открываться не хотел.

Леше тоже живого тигра не подарили, а он весь год об этом мечтал.

И вообще эти разговоры родителей, что дед морз не купил

Васе настоящий самолет, потому что в магазине они закончились, вызывали в Гоше неприятные подозрения.

Нужно было срочно найти настоящего деда мороза, а не эти подделки. Но куда идти!?! В четыре года как-то плотно зависишь от родителей. Знаешь, что их зовут мама и папа, и что живешь в доме рядом с помойкой, на которой живет барбос Кузя и крыса Лариса.

В этом возрасте Гоша считал, что Москва это страна, в которой находится вся Россия, а на следующей станции метро стоит другой город.

С таким знанием географии сложно попасть на северный полюс. А двух найденных под кроватью копеек может не хватить для дальней дороги.

Правда, Гошу эти вопросы совсем не волновали. Он видел, как папа снимает кучу денег из зеленого ящика-банкомата, а так как этих ящиков по стране очень много, то не стоило по этому поводу сильно волноваться.

Ночью Гошке приснился лес. Густой молчаливый и страшный.

Бледно голубой под лунным светом снег громко скрипел под ногами, а впереди – шагах в ста, празднично сияла большая поляна. С ветки на Гошку с любопытством смотрел нахохлившийся воробей. Гошка радостно ему улыбнулся:

– Везет тебе птичка, летаешь где хочешь....

– И гадишь где хочешь! – негромко, но внушительно проворчал сидевший на другой ветке ободранный котоволк.

– Ходят тут всякие, лесом любуются, а тут жрать нечего – кинул он в Гошку обгрызенную сосульку.

– Я хоть маленький и мозгов у меня почти нет – прощелбетал воробушек, – но не пойму чем мне так повезло. Сиди тут, живи на ветке, ни шубы, ни валенок нет, да и доктора Айболита здесь отродясь не видели. Если заболею или продует на ветру, то точно сдохну.

– Хотите, я вам целых две копейки отдам? – жалостливо протянул им Гошка деньги.

– Он думает, что здесь супермаркет под каждой елкой – сумрачно процедил котоволк, но деньги с Гошиной ладошки забрал.

– Может у деда мороза на колбасу выменяю!

– Ты знаешь деда мороза!? – обрадовался и удивился Гошка, – Настоящего деда мороза!?

– Здесь его всякая собака знает, тут его главный холодильник-морозильник располагается! Посидишь на ветке рядом и оглохнешь!

Только тогда Гоша обратил внимание на необычный для леса звук.

Со стороны поляны слышалось дребезжание и грохот.

Сбоку раздалось: – хрум-хрум.

Котоволк стоял на двух ногах и читал вынутую из сумки на животе старинную газету.

– Медная монета времен Советского союза – сказал он, вынимая лапой две копейки из одного на две головы рта.

Гошка молчал, не понимая о чем это лохматое чудо болтает.

У неведомой зверушки было две головы сросшиеся ушами и ни одной попы, и Гошка удивлялся – как же так.

Несмотря на свой нежный возраст, он на собственном опыте знал, что невозможно жить без определенных частей тела.

– Наверное, у котоволка должен постоянно болеть живот, а может быть он живет до тех пор, пока не лопнет – решил Гоша.

– Пошли, покажу тебе деда мороза – топорща усы, предложил сказочный зверь.

Оказалось, что он может двигаться не только как обычный кот, но и поперек. Так ему даже было удобней, потому что сросшиеся уши не болели.

Идти пришлось недалеко, каких то сто или тысячу шагов, до странно согнувшейся елки, на верхушке которой похрапывал бородатый человек.

Раньше Гошка не видел живого гнома и поэтому от удивления разинул рот.

Но котоволк удивил его снова, сказав, что это и есть дедушка мороз.

Под елкой на горе шишек лежала внушительная рогатка и котоволк указав на нее мальчику заговорил стихами: – Если в деда попадешь, с дед морозом чай попьешь, а не попадешь скотина заболеешь скарлатиной.

– А волшебную палочку можешь подарить? – доверчиво посмотрел в глаза сбитому с ветки деду морозу мальчик Гоша, он был уверен что, настоящий волшебник не станет злиться и мелочиться. Но ошибся!

Дед мороз, свалившись с елки долго и неразборчиво ругался, потирая ушибленные бока, а затем запальчиво покрютил у него перед носом скрюченным пальцем:

– Ага! Знаю я вас! Подарил тут одному спичку волшебную триста лет тому назад! Тогда по всей земле голод наступил!

Гоша стоял, молча хлопая глазами, а дедушка мороз продолжал:

– Вот ты мне скажи, добрый мальчик, сколько тебе игрушек надо?

– Много! – слегка опешив, улыбнулся Гоша!

– Во...во! – раздраженно проворчал дедушка мороз – И тому охламону тоже понадобилось много ананасов колбасы и хлеба! А еще все деньги мира и чтоб никто не работал!

– По-моему он здорово придумал – встал на защиту мальчика Гошка – ведь тогда во всем мире, наверное, наступило счастье – чего еще желать – Все есть и никто не работает! Я вот после детского сада на пенсию собираюсь, как мой дедушка. Он не работает, денег куча и конфетами меня всегда угощает!

– Вы мелочь пузатая законов мира не знаете! Дай детсадовцу власть, он весь мир разрушит! – подпрыгнул от воз-

мущения дедушка мороз.

С деревьев на него и испуганного Гошу посыпались снег и хвойные иголки.

Теперь дед мороз не казался ему добрым дедушкой, и почему-то ярко вспомнилось о бабе яге.

Деда Морозовское лицо пылало розово-красным румянцем как у бомжа на помойке, а голос стал скрипучим и сухим как несмазанные качели.

– Вот скажи, зачем тебе настоящий самолет или танк неубиваемый. Ты же даже на велосипеде кататься не умеешь. А у неубиваемого танка броня должна быть толщиной в тридцать метров!– ходил вокруг Гоши рассерженный дед мороз, – Ты что думаешь, все это ниоткуда берется, а колбаса с конфетами с елок собирается?

Все это люди делают! А делают они это когда работают!!! Ты меня спрашиваешь, почему я твоему другу Леше тигра не подарил! Живого! – да потому, что он бы твоего друга вместе с родителями сожрал! Еще до нового года. Ты когда-нибудь видел живого тигра в картонной коробке под елкой!?

От такого изобилия информации у детсадовца Гоши закружилась голова.

Но одно он точно понял, что дед мороз не фабрика игрушек, а все дети, по мнению волшебника, законченные балбесы.

Тут Гоша проснулся и понял что это сон. Он сладко с удо-

вольствием до хруста потянулся в кровати и услышал недовольное:– rrrrrrrrrr.

В ногах у него уютно свернувшись в клубок, спал сладким сном пушистый котоволк.

Гоша и кроличья шапка

Гоша боялся кроличьей шапки!

Когда папа надевал ее на голову, он становился чужим страшным и лохматым! Гоше казалось, что эта шапка может его укусить, и он начинал кривить губы, собираясь заплакать!

Когда он сделался чуть постарше и вырос из своих ясельных штанишек, он решил с ней познакомиться.

Оставшись в коридоре один, он взобрался на маленький стульчик и, встав на цыпочки, осторожно потянул шапку за веревочный хвост, заглянул круглыми от любопытства глазами под подкладку, а затем боязливо взял ее в руки.

Шапка оказалась мягкая и пушистая как котенок, только не мурлыкала, и у нее не было никаких страшных крокодильих зубов.

С нею вполне можно играть, обрадовался Гоша и потащил шапку за ухо по пыльному полу к маме на кухню.

29 марта 2006 год

Разговор с продавщицей

На днях мы с Гошкой покупали яблоки в уличной лавке, время было позднее, а день жаркий, неудивительно, что продавщица – потная и вздрюченная, смотрела на всех с тоскливой раздражительностью.

В очереди мы были третьими, но Гошка этого не знал и, высунув нос из-под прилавка, очень громко попросил: – А завесьте нам клубники... килограмм.

Но продавщица стала еще злее и промолчала, она просто не знала нашего Гошку!!! Не получив ответ, он решил что тетенька его не расслышала и заорал во все горло: – А ЗАВЕСТИ НАМ КЛУБНИКИ КИЛОГРАМ!!!

Но тетя не обращала на нас никакого внимания, и Гошке пришлось проорать фразу: – А завести нам клубники килограмм!!! – еще пару раз, после чего тетенька продавщица неласково на него взглянув, холодно бросила: – У меня от тебя голова болит.

Клубнику она нам накидала настолько помятую, что я от покупки отказался.

По дороге я постарался Гошке объяснить, что тетя устала и навалила нам мятой клубники, поэтому мы не стали ее покупать.

– Да – сказал Гошка – все клубника такая мятая как каша и тетя тоже, что ли мятая!? –

– Ну... в общем да – согласился я.

На следующий день мы снова покупали у той же тети яблоки и клубнику, а когда купили то Гоша, на мой вопрос что надо тете сказать? – **ОЧЕНЬ ГРОМКО СКАЗАЛ: – СПАСИБО!!!**

Но тетя снова ничего не ответила, и тогда Гоша снова заорал во все горло: – **СПАСИБО!!!**

Ну, тут я его потащил за ручку от улыбающихся покупателей и озлобленной тетки, попутно объясняя, что тетя устала и не слишком воспитанная.

На что Гоша меня сразу спросил: – Она что, совсем глухая!?

– Н..УУУУУ – замялся я.

– Просто тетя старенькая, поэтому глухая – нашелся с ответом Гошка, и мы потопали домой.

На следующий после следующего день, точнее в первую его половину, мы снова оказались у прилавка все той же тетки. На этот раз она была полна бодрости и сил и на Гошкино – спасибо – наконец таки ответила своим – пожалуйста. Что Гошка, отойдя с полу-очищенным бананом, на пять шагов от прилавка, не замедлил прокомментировать,

– Ну, вот папа, сейчас она не старая и не глухая и даже не помятая, а к вечеру опять такой станет.

16 июля 2009 год

Девочки досвидания

Я пришел за Гошкой в детский сад. Вся группа на дворике бегает, прыгает, бултыхает формочками в малюсеньком надувном бассейне и хихикает. Июль, середина лета, жарко!

– Скажи воспитательнице пока – говорю я сынишке.

– Пока – быстренько говорит он, даже не оглядываясь на воспитательницу, и тянет меня к выходу.

– Гоша, – объясняю я ему, – скажи всем пока и девочкам, с которыми играл, тоже скажи пока.

– Пока – кричит им Гошка издалека, – Девочки, пока!!!

Но девочки занятые разбрызгиванием воды из бассейна, его не слышат.

– Девочки, пока!!! – подбегает к ним Гошка, но те с визгом убегают друг от дружки – Девочки, я же вам сказал пока! – мчится за ними Гошка – Досвидания, девочки!

Но девочки ничего не слышат, несутся от него прочь, а Гоша стараясь их нагнать бежит и того быстрее и уже кричит во все горло: – Досвидания, девочки!!!

15 июля 2009 год

Глаза очень завидушие

Гошка мне говорит: – папа, а ты зьнаесь, у меня глаза завидушие.

– Это как так? – спрашиваю я его.

– Ну, очень далеко видят.

– А... значит, ты можешь завидеть очень дальние предметы – расшифровываю я.

– Ну да, я даже вон тот забол завижу.

16 июля 2009 год,

Гошка и бородатая женщина

Гошка слушал встретившуюся тетю с некоторым любопытством, потому что тетя говорила такие глупости. По сравнению с ними папины брекакашки и чумички ничего не стоили.

Тетя была старая, ну или почти старая, но говорила занятные вещи. Ну а о бородатых женщинах Гошка и вовсе не слышал.

Странно, но он в свои четыре с половиной года как то не задумывался об этом, даже в сказках про бабу ягу ничего не говорилось про бородатых женщин.

А тут такое!!!!

Он просто разинул рот и развесил уши, чтоб лучше слышать.

А тетя тем временем живописала как ее мама или бабушка, а может быть двоюродная сестренка необычайной красоты вдруг на старости лет обзавелась усами...., а уж борода у нее выросла!!!!.... просто ужас.

Гошка попытался представить бородатую тетю и у него получился бармалей.

Бармалей этот был в огромных стоптанных тапках со сковородой, а вместо штанов на нем топорщилась бабушкина юбка.

Он посмотрел на папу и робко улыбнулся. Наверное, эта

тетка врала!?

А тетя тем временем все говорила и говорила, и с ее смешливых фраз выходило, что бедная бородатая тетя очень стеснялась и старалась избавиться от своей бороды. Даже платочком прикрывалась. Но ни-ни, никогда не брилась..... Упаси господи...., чтоб борода не разрасталась!!!

– Тетенька все врет, ведь правда папа – вертелось на языке, но папа загадочно улыбался, и было не ясно, верит ли он в бородатых тетъ.

И тут тетенька, игриво улыбаясь, сказала Гошке, что надо беречь свою маму, а то если он будет безобразничать, у мамы тоже вырастет борода.

– Все это от нервов мальчик – вздохнула она обреченно, – береги свою маму.

– А вы правду говорите или шутите – с робкой улыбкой попытался выяснить Гошка.

– Какие уж тут шутки,– снова обреченно вздохнула тетя – истинную правду.

И тут у Гошки как-то сразу испортилось настроение – ведь взрослые не врут. И ему вдруг как-то сразу расхотелось гулять и захотелось к маме.

А папа это сразу понял и ласково спросил: – ты, что такой задумчивый Гошка?

– Я не хочу, что бы у мамы выросла борода – сквозь слезы произнес Гошка.

– Гошка, да все это не правда, тетя просто пошутила –

склонился над ним папа.

– Она сказала, что это правда – тоненько всхлипнул Гошка – ведь такое на самом деле бывает?

– Ну, это очень редко бывает и с очень старенькими людьми – подумав, стал объяснять папа.

– А я не хочу, чтобы даже очень редко у мамы выросла борода – слезливо сморщился Гошка – Я вообще не хочу, чтобы у кого-нибудь росла эта борода.

– Гошка, – сквозь улыбку произнес папа – На все сто процентов я обещаю, что у мамы никогда не вырастет борода.

– А у тебя!?

– Ну, у меня может вырасти.

– А она если вырастет когда исчезнет!?

– Ну, если вырастет, то уж навсегда, никак от нее не избавишься, только можно ее состричь.

– Я не хочу, чтобы у тебя росла борода – захныкал Гошка.

– Ну не хочешь, не будет у меня расти борода!

– Я вообще не хочу, чтобы у тебя росла борода!

– Ну, вот у дедушки может быть борода в старости.

– Я не хочу, чтобы вы с мамой старились, я вообще не хочу, чтобы кто-то старился, я хочу, чтобы все были молодыми ...ну как вы!!!

– Хорошо Гошка, договорились – вздохнул папа задумчиво, – мы не станем стариться, такими и останемся навсегда.

8 сентября 2009

Рассказ Гошки о компьютерной игре

Гошка по телефону громогласно рассказывает мне о компьютерной игре: – Пап, пледставляешь, мы с Дашей пелешли на новый уловень, пледставляешь пап, я опять не на ту кнопочку нажал и мы попали на самый пелвый уловень, на начало игры, а потом пледставляешь, я о лампу ударился, так ударился, что компьютер зашатался!!! И пледставляешь пап, у нас игра на новый уловень перескочила, на уловень вулканов.

Пледставляешь пап, компьютер зашатался и в нем игра перемешалась и мы на новый уровень попали.

26 января 2010 год

Гоша размышляет

– Я наверно попугай, потому что всех пугаю, а глаза у меня завидушие, потому что далеко все завижу.

15 июля 2009 год Гошка.

Гоша трагическим голосом рассказывает сказку

– А на третью ночь еще хуже. (Гошка рассказывает сказку о самой страшной ночи испытаний храброго солдата Иванова-сына, во дворце злой ведьмы)

2009 год

Научное наблюдение

– Папа, ты такой большой, в тебе много еды!

3 июня 2008 год Гошка

Бандит

Гошка рассказывает: – Вчера мама ушла за киндерами, а мы с Дашей остались одни, тут нам звонят по домофону, мы думали что мама, потом звонят в дверь. Мы испугались, думали, что бандит с ножом и вилкой.

9 мая 2008 год.

Жажда мести

– Вот я вырасту как Даша и буду ее бить.

– Гош, а зачем – спрашиваю я сынишку.

– Ну, она меня бьет!?! Бьет!!!

– Наверное, ты хулиганишь?

– Я не хулиганю, а она меня бьет! Я ей говорю, что я маленький, а она меня по попке бьет!!!

– Ну, когда тебе будет 12 лет как Даше, ты уже об этом забудешь.

– Нет, не забуду!!! Вот мне уже пять лет, а я не забыл, что она дерется!!!

– Гош, а когда ты вырастешь на шесть лет, Даша ведь тоже вырастет на шесть лет и станет совсем большой, почти тетей.

– Правда!???? – недоверчиво смотрит на меня Гошка.

– Вот станешь ты ее бить, а она тебя схватит за шкирку и ремнем по заднице.

8 декабря 2009 год.

Гошка картошка и бабка ежка

Я пропел Гошке песенку: – Бабки ежки на картошке съели чью-то колбасу.

Гошка похихикал и спросил: – Они, что такие маленькие?

– Да – улыбаясь, сказал я, – помнишь я рассказывал тебе о бабках ежках которые ночью слетаются на деревья и высматривают оттуда добычу.

– Папа сплюнь – вдруг серьезно нахмурился Гошка.

– Зачем? – спросил я.

– Ну что бы это на самом деле не сбылось – сбивчиво объяснил Гошка.

– Чего не сбылось – притворился я непонимающим.

– Ну это.. ну как это...я забыл...напомни мне что я там сказал – запутался Гошка.

– Про маленьких бабок ежек – напомнил я ему.

– Ну вот, что бы они на самом деле не появились надо сплунуть, меня бабушка учила, вот ты эту гадость про бабок ежек сказал и если не сплунешь, они на самом деле появятся, сплунь папа, чтобы не сбылось.

– Но ведь они совсем маленькие, ничего страшного даже если и появятся – поддразниваю я Гошку.

– Ну вот – со слезинкой в голосе взглянул на меня Гошка, – ты не сплунешь, и эти бабки ежки на картошке на самом деле появятся, а я картошку люблю, вот поем и они у

меня внутри очутятся, а я этого не хочу.

– Боишься, что они у тебя в желудке поселятся?

Гошка, чуть скривив рот, кивнул, а глазки стали подозрительно блестящими, вот-вот расплачется.

– Ну, чего их бояться, они же маленькие.

– Они изнутри могут меня укусить, а если изнутри укусят, то точно умрешь – убежденно сказал Гошка.

29 сентября 2009

Разговор в детском саду

– А вот Гоша говорит, что вы почти богатый папа – тормозит передо мною голубоглазый Илюша.

– Это почему это!? – удивляюсь я.

– Гоша говорит, что вы ему часто игрушки покупаете – искренне признается мальчишка.

Я улыбаюсь, но в голове появляются мысли, что Гошка пытается перед сверстниками поднять свой социальный статус. Если в шесть лет в этой детсадовской группе малышня меряется богатством, то это караул!!!

– Гоша правду говорит? – дергает меня за рукав Илюша.

– Да вроде бы правду – тяну я, совершенно не подготовленный узнать о своем полу-богатстве.

– А тебе, тебе как часто дарят игрушки – прихожу я в себя.

Илюша морщит лоб: – нечасто! – наконец говорит он.

– Как не часто? Раз в месяц? – пристаю я к нему с вопросом.

– Ну да – недовольный редкими подарками – признается Илюша.

– И я раз в месяц Гошке покупаю – радуюсь я.

– Ну, у меня папа редко покупает, у него денег нет. У меня мама богатая, она мне игрушки покупает. А папа – редко, у него машина БМВ, знаете такую, и у мамы Мерседес.

– А мне вообще не покупают игрушек – подскакивает ко

мне второй мальчишка.

– Это как это? – удивляюсь я.

– Да у меня игрушек два вот таких больших пакета (поднимает руки вверх до отказа) – мальчишка.

– Значит, тебе их раньше купили – говорю я.

– Не угадали, это мне от старшего брата досталось, у него столько игрушек!!!

– А у меня!!! Посмотрите на мою расческу!!! Ау меня!!! – запрыгало вокруг меня еще несколько возбужденных малышей.

2 июня 2010 год

Спрашиваю Гошку, вы сегодня в детском саду не дрались?

Спрашиваю Гошку, вы сегодня в детском саду не дрались?

– Дрались – признается Гошка.

– Драться нехорошо! – объясняю я, – надо договариваться!

– А я почти не дрался, это Леша Ракитин с Илюшей дрались, а я рядом стоял.

– И из-за чего они подрались?

– Ну, из-за этого как его... ну па-апа-ааа как это называется? – тянет капризно Гошка.

– Чего это!?! – спрашиваю я.

– Ну, это, вот такая деревяшка!

– Какая деревяшка!

– Да не деревяшка, а похожее что-то, ну па..ап, – тянет меня за рукав, – ну я забыл, как это называется, у воинов такая деревяшка.

– Меч что-ли!?

– Н..ну не меч, какой меч, это-ж деревяшка – хихикает Гошка – ну пап ты совсем ку-ку, деревяшку мечем назвал.

– Сам такой четыре раза – передразниваю я его, – может это щит – делаю я предположение.

– Ну да! Щит! – радостно подскакивает Гошка, – они из-

за щита подрались.

– Леша сильный мальчик и Илюша самбо занимается – размышляю я вслух, – наверное, кто сильнее выясняют. А ты-то Гошка чего стоял, не знал, кому помочь? Ты и с Лешей дружишь, и с Илюшей.

– Я не стоял, я тоже дрался, я им помогал – признался Гошка

– Это как это – спрашиваю я.

– Ну, они из за щита дрались, и руки у них заняты были, вот я щит себе и взял, – рассудительно объяснил мне Гошка.

– Нехорошо как-то получается, они дерутся, а ты их щит скомуниздил. – укоряю я сынишку.

– Да я не навсегда его взял – оправдывается Гошка, – я подумал, как они драться перестанут, я его кому-нибудь отдам.

– А кому, ведь ты с ними обоими дружишь?

– Ну, с Лешей я большой друг, я ему хотел отдать, а Илюша его у меня вырвал, хоть я ему и говорил, что Леша мне большой друг – вздохнул огорченно Гошка.

2 июня 2010 год .

А ты мне купишь летаюсие тапоцки?

– А ты мне купишь летаюсие тапоцки? Купишь?

– Ну, Гош, где же я тебе их куплю, они не продаются.

– Нет плодаются! Ну.... В этом как это называется, ну.....

в доме.... в детском миле!

– Там их нет.

– Нет есть, они плосто навелху лежат!!! И есе меч колючий – спеледи такой колючий.... Нет – весь колючий! Такой колючий меч! Я им голову отлублию злomu дядьке, он к моему дому подойдет, что бы меня пликовать к скале..... Там есе скала отвалилась и есе землетлясение было. А вот злой дядька длугого доблого пликовал.

Скази как его звали.

– Кого?

– Ну, этого злого дядьку.

– Зевс.

– Я тапоцки летающие одену и буду назад летать и впелед!

Я как к нему назад подлецю и голову слублию! Он есе ко мне домой плидет, будет во дволе ждaть, а я не плиду, потому что я болею.

18 декабря 2008 год

Гошка ест суп

Гошка ест суп. Ест без удовольствия. Очередную ложку супа, процедив, выплевывает на блюде. Бабушка возбуждается: – Ну что у тебя Гоша!?

– Мне зижка попалась – оправдывается Гошка

– Ну, я понимаю, косточка попалась, а то зижка! – ворчливо замечает бабушка.

Гошка смотрит свысока из под бабушкиной подмышки, и, набрав побольше воздуха, снисходительно нас спрашивает: – А вы знаете что такое зижка?

– Нет, Гоша не знаем – саркастически отвечает бабушка.

– Зыжка... это такая костощка!

17 марта 2008 год

Чья же все-таки книжка

Забираю Гошку из садика. Он уже сидит рассуропленный, с улыбкой на лице и чуть запутавшийся в самостоятельно одеваемых штанах.

– Привет Гошка – улыбаюсь я в ответ. Перед Гошкой, на полу лежит книжка.

– Откуда у тебя эта книжка – спрашиваю я.

– Мне ее подали, – взмахивая ручками и стоя на скамейке – жарко объясняет сынишка.

– Как это подали? – засомневался я.

– Ну, это... на день любви!

– На какой такой день любви? – удивляюсь я.

– Ну, у девочки был день лоздения, – говорит Гошка.

– И как зовут девочку? – спрашиваю я.

– Алеса, – поясняет Гошка.

– Твой друг Алеша?

– Да мой друг Алеса!

– Ну, Гошка ты чего-то навывдумывал – говорю я, и мы вместе с воспитательницей приступаем к дознанию.

Гошка тем временем бежит к Алеше и, вручая ему книжку, чего-то там спрашивает.

– Алеша, это твоя книжка? – спрашивает воспитательница.

– Моя – отвечает Алеша, держа книжку в руках, и тут же

спрашивает Гошку: – Гося, ты мне ее подалил?

Гоша кивает головой – они между собой разобрались. Но нас такой ответ не устраивает и после некоторых усилий находится хозяин книжки Глеб, который сам не очень уверен, что это его книжка. Попутно мы выясняем, чей петрушка из киндера, валяется на ковре. Расследование заходит в тупик, сразу четыре мальчика сказали, что это их петрушка.

26 марта 2008 год з

Меня мама поздно разбужает

– Меня мама поздно разбужает, я ей, сколько дней говорю, что бы она меня в три утра разбудила, а она обещает и не разбужает – жалуется мне Гошка.

– А зачем тебе в три часа разбужаться?

– А потому что в три утра черепашки ниндзя начинаются!

– Ты Гош чего-то путаешь, в три часа ночи твои ниндзя не показывают.

– Да я не говорю в три часа ночи, – с досадой объясняет Гошка, – я говорю в три утра, а не в три часа.

– Так не бывает, когда говорят три утра, то значит три часа утра.

– Нет, бывает, я один раз проснулся, еще темно было, смотрю, черепашки ниндзя по телевизору показывают. В три утра это значит рано утром, просто так говорят.

17 июня 2010 год.

Как изобрести бомбу в детском саду

Папа, подожди ложить трубку, я тебе сказать хочу, мы сегодня с Андрюшей бомбу делали!

– Ну и как получилось?

– Нет, у нее проводочек оторвался, а раз он оторвался то нам всем капец!

– Это почему вам капец?

– Ну, бомба делается из электричества, а без проводочка, нам капец.

– Что бомба взорвется?

– Да нет.

– Гош, а откуда вы электричество собирались брать?

– Ну, мы с Андрюшей камни друг об друга терели, что бы искры получить, ведь искры это электричество?

– Ну не совсем – мягко не соглашаюсь я – Гош вообще то электричество добывать опасно, от него можно умереть.

– Я же камни не терел, это Андрюша терел, это он мог умереть.

– А эти проводочки вы откуда раздобыли?

– Красненькие?

– Ну, красненькие.

– А они к такой штучке были приделаны

– А что это за штучка?

– Ну откуда я знаю, что это за штучка – с досадой в голосе говорит Гошка, – штучка какая-то, мы ее из руля вытащили, не настоящего, а игрушечного. Андрюша сразу сказал, что если проводочек оторвется то рулю капец.

– Гош, вообще то бомбы делаются не из электричества

– А из чего?

– Ну, из пороха.

– А что это такое?

– Ну, ты помнишь, я тебе пистоны для пистолета покупал, они еще громко хлопали, ну так бомбы делаются из больших размером с кастрюлю пистонов. И таких кастрюль в ней штук десять обернутых в железо, а внизу к ней гвоздь приделан. Вот как самолет такую бомбу сбросит, она гвоздем о землю ударяется, а этот гвоздь по пистону бьет, бомба и взрывается.

17 июня 2010 год

Разговор по испански

Забираю Гошку из детского сада, помахали всем ручкой, поорали – Пака!!! Завернули за угол, тут Гошка вспомнил, что не попрощался с новым другом: – Я с ним поговорю по-испански!

– Это как так по-испански? – заинтересовался я.

– Ну, просто по-испански, чего тут непонятного! – удивился Гошка, махая рукой с брызгательным пистолетом своему другу.

– Хо-хо! – сказал Гошка, уставившись на чернявого мальчишку.

– Каля-маля! – ответил тот.

– Это что, испанский? – спросил я.

– Ага – подтвердил мальчишка.

– А что такое Хо-хо, не спрашивая о Каля-маля? – обратился я к Гошке.

– Хо-хо, это до свидания по-испански – важно ответил сынишка.

– Все, поговорили? – спросил я на всякий случай, и мы снова потопали в направлении калитки.

– Приходи на маленький скверик, мы вынесем еще водяных пистолетов – завопил Гошка на повороте.

– А чего это вы по-испански заговорили? – спросил я.

– Мы болеем за испанцев! – вздохнул Гошка.

– А почему за Испанцев?

– Потому что они играют с германцами, а за них мы не боеем, потому что это немцы, они на нашу страну напали!

– Ты хочешь сказать, фашисты напали? – улыбнулся я.

– Ну да с этим Гитлером, который детей убивал!

Начало июля 2010 год

Гоша одевается

Когда все детишки детсадовской группы собираются на прогулку, в раздевалке царит оживление и веселье, кто-то прыгает, что бы достать висящие в сушилке штаны, кто-то ябедничает – почему его уронили со стульчика, а толстенькая девочка привычно дерется и хныкает одновременно с непонравившимся ей мальчиком.

В общем, все заняты важным делом – то есть одеваются.

Гошка тоже одевается, он носится между своими друзьями, шепчется и хихикает с Максимом и вместо того, что бы одеваться начинает стягивать с себя колготки.

– Гошка, тебе надо одеваться, а не раздеваться – говорю я ему.

– Надо же, а я перепутал, – веселится Гошка.

Все одеваются, но по Гошке этого не видно, потому что вместо себя он надел на голову соседнему мальчику свои штаны, хихикая, что они писанные.

Затем после непродолжительной баталии, получив по голове своими штанами, он, подкравшись, ущипнул за попку Лешу Чермошина, но тот щипаться не стал, а укоризненно кивая головой, строго сказал: – Гоша, Гоша!

Затем Гоша вспомнил, что не пописал и помчался в туалет, потом ему надо было помыть руки, и он стал звать воспитательницу.

Помыв руки, он, наконец, надел штаны, уронив шорты на пол, потом он стал искать в сушилке варежки, но нашел свои сапожки.

Держа их в руках, он стал шептаться с другим Максимом о письках и какашках и они дружно захихикали.

Воспитательница, услышав их слова, сказала: – следите за языком ребята.

После чего Гоша, пыхтя, стал натягивать на ногу сапог. Закончив с одной ногой, он снова отвлекся и стал снимать штаны.

Мне снова пришлось напомнить ему, что он одевается.

– Гоша, ты опять последний – сказал парящийся в пальто Алеша Чермошин.

– Интересно, ну почему я всегда последний? – задумчиво спросил меня Гошка.

– Я тебе потом объясню – сказал я, подбирая разбросанные по раздевалке шорты, и сандалеты.

Пора жениться

Забираю Гошку из садика. Гошка мне потихонечку говорит: – Папа, ты знаешь, я одну девочку люблю.

– Какую, Гош?

– Катю, мы с нею сегодня танцевали!

– Так ты ее сегодня полюбил?

– Да!

– А ты ей сказал?

– Нет, я Маше сказал!

– И что?

– А она говорит, – Ой! Я сейчас в обморок упаду! Хи-хи (хихикает)

– Ну, Гош, теперь вы тили-тили тесто жених и невеста! Теперь жениться будешь?

Гошка всерьез задумывается, чешет за ухом, морщит нос:

– Не знаю! Надо завтра Кате сказать..... ну чтоб она своим родителям сказала!

– И что,... сразу поженитесь?

Гошка вздыхает: – Нет! Таким маленьким запрещено. У нас тогда дети будут рождаться очень маленькими. – Показывает пальчиками размер рублевой монетки – Вооот такую-сенькие!

– Гошка! – спрашиваю я пятилетнего сынишку, – а откуда дети рождаются?

– Ну как – строго смотрит на меня сынишка, – ну просто рождаются – у беременных!

Задумывается на несколько секунд и пускается в разъяснения: – Если беременные, то точно родится. . . . , а если не беременная, то не родится! Вот в «Остаться в живых» (сериал) Клер была беременная и родила, а Джон, он не был беременным. . . и не родил! Его просто бревном ушибло, так что все лицо кровавое стало, ну, то есть расцарапанным. 2010год

Что такое козявки и где они обитают

– Пап, а козявки живые?

– А как ты думаешь?

Гошка мнется, смотрит на меня, улыбается неуверенно.

– Я думаю живые,

– С чего ты взял?

– Ну, потому, что у меня козявка вначале носа сидела, а потом вниз спустилась и из носа вылезла.

– Ты и взаправду так думаешь? – спрашиваю я,

– Да, – отвечает Гошка.

– А сопли, которые льются из твоего носа тоже живые – с улыбкой спрашиваю я.

– Ну, они жидкие, как вода – отвечает Гошка.

19 сентября 2012 год первый класс

Таэквандо

7 сентября мы с Гошкой прямо с продленки впервые пошли на занятия Таэквандо. Гошка очень торопился – Ну быстрее папа, а то опоздаем...

Днем ранее к ним на продленку заходил тренер и раздал маленькие приглашения желающим заниматься.

Гошка оказался среди сильно желающих, даже не забыл бабушку предупредить о спортивной форме.

В спортзале 2 на втором этаже школы скучали три мальчишки и девчонка с кучкой родителей и одной бабушкой.

Тренер почесывал подбородок в недоумении от количества учеников и строил всякие предположения.

Махнув рукой, он показал Гошке путь в раздевалку, откуда тот вскоре вышел в белой футболке и черных шортах надетых поверх темно-синих колготок.

Сочетание несколько странное и несильно спортивное.

– Прямо таки тайский гастрарбайтер, не хватает только банданы на голове – пошутил тренер.

Минут через пятнадцать началось первое занятие.

Я смотрел на старательно выполнявшего движения Гошку, – наверное, самого маленького из тринадцати ребятишек и думал: – удивительно, но наш сынишка уже так вырос. Первоклашка, принимающий самостоятельные решения.

После занятий, глядя на его довольную мордашку, я спро-

сил: – ну и как, хочешь заниматься?

– Да пап!

Потом Гошка пошел переодеваться и вскоре мы уже в куртках направились к выходу, тут мне пришла мысль проверить, не забыл ли наш забывашка спортивную форму, и не обнаружил в сумке спортивные шорты.

– Ой – широко раскрыл глаза Гошка, – я шорты забыл!

– Может быть, ты их просто не снимал и они у тебя под джинсами – спросил я, зная Гошкину рассеянность.

– Нет, я их точно снимал – заверил меня Гошка, и мы вернулись в спортзал.

Вынырнув из раздевалки, Гошка расстроено произнес: – нет там шорт, даже не знаю, куда они подевались.

– Тогда расстегивай штаны, может там найдутся – приказал я.

– И правда, под брюками – сконфуженно улыбаясь – посмотрел на меня Гошка.

– А я пап чуть у мальчика носок не утащил – хихикнул он, – зашел в раздевалку, смотрю что-то черное, похожее на шорты лежит, схватил и пошел к выходу, тут мальчик, он выше меня на голову, закричал: – эй, парень, это мой носок! Смотрю действительно носок.

– Ну ладно воришка чужих носков, пошли гулять – улыбнулся я.

7 сентября 2012 год о первом занятии Гошки таэквандо.

Гошка и лечебные котята

Идем в метро, спускаемся по эскалатору. Видим, у стенки стоит бабуля с коробкой, а в коробке маленькие дымчатые котята.

Гошка восхищенно на них смотрит: – Ой, какие они миленькие!

– Это не простые, – это лечебные котята – говорит бабуля.

Мы идем дальше. Гошка молчит, а потом задает вопрос: – А почему эти котята лечебные?

Я медлю с ответом: –Эээ... как тебе сказать....., а ты как думаешь?

– Я понял! – радуется Гошка, – они называются лечебными потому, что едят грызунов, а грызуны вредные! Один грызун очень много съедает продуктов!

10 мая 2013 год.

Поход на лосиный остров 22 мая 2013 года

Ура!!! Мы приехали. Гошку не укачало – меня тоже. Погода прекрасна для работы – дожди, дожди, дожди, дожди!

Наконец то мы в лесу! Накрапывает дождик, и летают комары размером с лошадь. Но нам они не страшны – мы пахнем репеллентом, и это им не нравится.

21 первоклассник и несколько взрослых. – мы стоим и ждем экскурсовода. Нам обещаны – беременная лосиха и чаепитие, но пока этого нет.

Мы стоим и ждем – уже 15 минут. Мне наплевать, но дети ждать, не согласны. Им скучно и они начинают беситься.

– Комары и мухи – сдохли все со скуки – сочинил я.

– Вот этого не надо! Не портите мне детей! Это нехорошее слово! – широко распахнув глаза, сказала учительница. Дети перед этим захихикавшие, понимающе переглянулись.

– Давайте пойдем экскурсоводу навстречу – предлагаю я, но организовавшая поездку родительница заговорщицки мигая учительнице, шепчет чего-то о рублях.

Ей не нравится, что я вмешиваюсь.

Не дождавшись экскурсовода, мы двинулись вперед. Стало веселей!

– Дети – внезапно остановившись, спросила учительни-

ца, – Дети, скажите, пожалуйста, что это за три дерева перед вами! Три исконно русских дерева?

– Береза.... – хором затянули ребята.

– Молодцы – похвалила их учительница.

И мы двинулись дальше.

– Дети – снова затормозила учительница – А посмотрите на это деревце, видите какие у него листики, это очень особенные листики, ни у кого больше нет таких листиков. Что это за деревце?

– Клен..... – нестройно ответили первоклашки.

– Молодцы дети! – с гордостью взглянула на нас учительница.

На мой взгляд, она обращалась с ними как со слабоумными, поэтому, увидев свалившуюся в кусты полусгнившую березу, я, пародируя ее интонацию, наставительно произнес: – А это дети лежит в кустах дубина. Молодцы дети!

Дорога шла по прямой и вскоре, вдалеке меж деревьев, замаячила фигура.

Мужик неловко прятался за деревьями, напоминая, толи притаившегося маньяка, толи писающего мальчика.

–Наверное, это экскурсовод – догадался я.

Дождавшись, когда мы приблизились, мужик неторопливо выскочил из засады.

На нем был индейский наряд, а лысую голову украшала пара перьев.

– Алоха!!! – подняв к небу руки, воскликнул он, – Ребята

вы знаете кто я!

– Индеец! – заверещали обрадованные ребяташки.

– Правильно ребята – торжественно сказал мужик – я индеец из местного племени Лоси по имени Быстрый Олень.

– Похоже, это нам вместо беременной лосихи, – подумал я, и как потом оказалось, не ошибся.

Не стану скрывать, индеец знал свое дело и неплохо развлекал играми ребят, – они играли в лапту, кидали ногой кто дальше палку, отвечали на всякие загадки, соревновались в меткости с помощью мячика.

Постепенно мы добрались, до какой-то избушки заполненной старинной утварью, где бабушка Вера, одетая в национальный русский наряд добреньким голосом задала им кучу вопросов и получила на них кучу ответов.

Все это завершилось чаепитием с баранками и сушками. После чего мы под проливным дождем добежали до автобуса.

В автобусе мы с Гошкой стали обсуждать, как правильно сказать стая оленей или стадо.

– Ведь о волках говорят – стая волков, а почему об овцах так нельзя?

– Гоша, я вас учила, что стаи бывают только у птиц, а стада у животных, – вмешалась в разговор учительница.

Мы с Гошкой немного помолчали, после чего я негромко сообщил ему: – все-таки волки собираются в стаи, и несколько странно бы прозвучал табун волков.

– А еще лучше табун комаров, – хихикнул Гошка.

– Табун птиц напал на стаю слонов! – торжественно продекламировал я – Слоны, захлопав ушами, поднялись в воздух и улетели.

Гошка и бабушкин подарок

Улыбающаяся бабушка утром поздравляет сидящего в кровати семилетнего Гошку с днем рождения и сует ему в руки новые свитер и футболку.

Гошка кладет вещицы рядом с собою. Смотрит на бабушку. Немножко ждет и спрашивает: – Бабушка, а где подарок.

Чрезвычайное происшествие

– Лада загрызла раненого комара – запыхавшись, выпалил Гошка.

Гошка за едой

Гошка за едой – Ой, меня сяс вылвет!

– Ой, мне плохо!

– Чего тебе плохо? – спрашиваю я.

– Плохо, что супом колмят, – вздыхает Гошка.

17 марта 2008 год.

Гошка с Дашкой в зоопарке

Мы с Дашей пошли в контактный зоопарк. Проехали на метро до молодежной, встретились с ее друзьями и вперед! Зоопарк оказался в торговом центре!

Как говорится, приплыли!!

Зоопарк располагался не в гастрономе, а над ним. Этажом выше мы оказались в огороженном помещении, где прыгал слепой на один глаз кенгуру. Прыгал он не просто так, а чтобы избежать встречи с малыми детками, которых он боялся как огня. У меня даже возникло подозрение, что свой глазик кенгуру потерял не случайно. Ткнула детка разик, и проткнула глазик!!

Ну, понятное дело там кудахтали и тахтали, всякие куры, гуси и павлины, ну и куда без поросят и зайцев в столь экзотическом учреждении.

Конечно, в мои ноги тыкались и хрюкали будущие свиньи, а какой-то молодой козел зажевал мне рубашку. Пахло в зоопарке как в поле, – дерьмом и прелой травой.

В контактном зоопарке были и неконтактные звери, которые угрюмо сидели в своих тесных клетках.

Нас привлекла клетка с двумя обезьянами. Хрен их разберет с какими. Толи большие мартышки, толи их краснозлые собратья.

На клетке висела табличка, на которой от руки было ко-

риво написано: – Обезьяна злая и кусается!!!

– Но там две обезьяны! – воскликнула Даша, – какая же из них злая?

– Все просто, – объяснил я – одна обезьяна злая, а другая кусается!

Дашины друзья негромко заржали. А тем временем в клетке жизнь текла в своем ритме – Жизнерадостно улыбающаяся обезьяна раскачивалась на импровизированных качелях и строила нам глазки, в то время как другая, забившись в угол, исподлобья за нами наблюдала.

– Понятно, какая из них злая! – заулыбалась веселой обезьянке Дашка, – ну какая же она милашка!!! Гоша я сейчас встану у клетки, а ты меня сфоткаешь.

Я включил телефон, а Дашка облокотилась на клетку. Сфоткать я ее не успел. Милая обезьянка мгновенно прыгнула на сетку и, высунув морщинистую лапку, отвесила Дашке звонкую пощечину. Сестра почти успела уклониться, а подлая обезьяна заверещала, затрясла прутья клетки и запрыгала от разочарования.

Мстительная Дашка решила ее проучить. Мальчик, которого звали Денис, просунул хулиганке горлышко бутылки с фруктовой водой и дал ей немного попробовать.

Затем он потянул бутылку обратно, но та ухватилась за нее мертвой хваткой и от злости зашипела.

Отобрав у обезьяны бутылку, Денис сделал вид, что уходит, но эта бандитка ухватила его за футболку и притянула

к клетке.

Пришлось отдать ей уже закрытую бутылку.

Отвоевав у Дениса добычу, обезьяна привычно опрокинула горлышко бутылки себе в горло, но сладкая водичка, почему-то не полилась. Обезьяна почесала себе спину, затем обнюхала горлышко бутылки. Покрутив и повертев ее руками и даже хвостом, она задумалась, затем стала ожесточенно трясти бутылку. Вода в ней громко булькала и бултыхалась, но в рот не попадала.

Обезьяна, неодобрительно посматривая на падающих от смеха зрителей, наконец-то отгрызла от бутылки пластмассовую крышку. Ее она тоже решила не выплевывать, а засунула про запас себе за щеку. Так она и пила сок с крышкой во рту.

Швырнув, пустую бутылку на пол, она снова стала безобразничать, но стоило мне включить видеокамеру, как обезьяна превратилась в светлого ангелочка. Она явно не хотела оставлять на видео свою прохиндейскую рожу.

Вначале мы думали, что это случайность, но нет!!! Каждый раз как я пытался заснять ее художества, она прекращала хулиганить!

– Вы можете даже не пытаться, – улыбаясь, сказал подошедший парень зритель, – это самая хитрая и подлая обезьяна, которую я знаю. Видите в углу ту забитую и зашуганную обезьяну. Раньше она была веселой и доброй, играла с малышами. А потом к ней подселили эту скотину и она за-

скучала!

Скотина при этом слушала этот монолог и чего-то ласково бормотала себе под нос, протягивая через решетку к нему розовую ладошку.

– Ждет когда я ее семечками угощу, – объяснил парень. – Видите, – показал он еле заметный шрам на шее. Это я к ней по молодости с девушкой в клетку зашел, так она мне на спину прыгнула и чуть в горло не вцепилась. Ревнивая! Еще та бандитка!

Мы уже уходили, а бандитка нежно гугукая, деликатно тырила у своего благодетеля из кармана семечки.

Самая верная примета

Если вы увидели двух сопящих индивидуумов, сосредоточенно тащащих корявое гнилое бревно, о назначении которого никому кроме них не известно, то значит, перед вами дети.

Закон подлости

Я взял и подбросил вверх бутерброд. Он упал маслом вниз!

Я снова взял уже другой бутерброд – и он тоже упал маслом вниз!

Тогда я собрал массу ребят и торжественно объявил: – Ура! Закон подлости работает! Все бутерброды падают маслом вниз!

И подбросил третий бутерброд в воздух.....

Все проводили его глазами вначале в небо, затем на землю. И.... бутерброд упал маслом вверх!

Закон подлости снова сработал!

Кот

На помойке сидел кот, он думал.

Я проходил мимо и тоже думал.

Мы встретились с ним взглядами.

Я сказал: – Мяу

Он ответил: – Здравствуй.

Я оторопел и почесал в недоумении макушку: – Не пойму, кто из нас кот!?

– Я, – ответил кот прищурившись.

– Тогда почему ты вместо «Мяу» говоришь «Здравствуй»?

– Потому, что ты это сам придумал, литератор несчастный, – вздохнул кот и принялся умываться.

Обмен – дело тонкое

– Давай меняться!

– Давай! А на что?

– Я тебе перочинный ножик, а ты мне индейца!

– Н..е..е..ет..... индейца мне жалко.

– Тогда на пистолет с пистонами!

– Как же! Мне его только вчера купили!

– Ну, тогда давай на книжку с картинками!

– Еще чего!

– А на паровозик?

– Мне он самому нужен!

– А что у тебя еще есть?

– У меня?

– Да!

– Ну у меня есть солдатики, клюшка, мячик, стекло увеличительное, рогатка, челюсть вставная – бабушкина!
Много чего!

– Так давай меняться на то, что тебе не жалко!

– А мне все жалко!

– Как это...!?

– Вот так! Сам удивляюсь! Вроде и не нужно ничего! А как стали меняться, оказалось жалко.

– Ну, так неинтересно!

– Почему!?

– Да потому что ты жадничаешь!

– Это я то жадничаю!?

– А кто же!? Я что ли?

– Ты!

– Я!?

– Конечно ты!

– Врешь!

– Не вру!

– Нет врешь! Я никогда не жадничаю, в отличии от некоторых!

– Ну, если ты не жадничаешь, тогда я придумал!

– Что ты придумал?

– Давай ты мне ножик просто так подаришь.

?????????????.

Пострадавшие

Вася Басечкин и Витя Масечкин учатся на хулиганов. Они смело останавливают в темной подворотне самых маленьких ребятишек и отбирают у них деньги. Все их боятся, и им очень нравится такая жизнь.

Но сегодня им попался храбрый мальчишка!

– Денег? – спросил он. – Вам как? Поровну или одному побольше?

– Конечно, поровну! – возмутились Басечкин и Масечкин. Они считали себя очень справедливыми хулиганами.

– Ладно, – ответил парнишка и врезал им обоим, примерно поровну!

– Ой! Ай! – заныли Вася и Витя. – Он дерется!? Он знает против нас приемы! Это нечестно!

И побежали жаловаться в милицию.

Детсадовская история

Толстая Маша уже в старшей группе детского сада. Ей скоро в школу.

А Ване четыре года, и он меньше ее раза в три. Но он уже знает, что мальчик, и ходит с пластмассовым пистолетиком: – Пух! Пух!

Он и Машу расстрелял! Но та обиделась и пистолетик забрала.

– Отдай, дура! – кричит Ваня и прыгает вокруг огромной Маши, словно лилипутик.

– Допрыгнешь, тогда отдам, – флегматично басит Маша, подняв над головой пистолетик.

– Отдай!... Отдай, нехорошая! – колотит ее Ваня в районе коленок: – Отдай! А то, как наподдам!

В качестве эпилога два рассказа для пап и мам

Дед

Я сидел перед дедом и читал книгу. Он сидел почти слепой и глухой, мучимый разными недугами и ужасно дряхлый.

И так я читал, а он молчал и о чем-то думал. Тихо и мерно тикали часы, стрелки которых медленно приближались к цифре пять. Рано смеркалось. Январский снег пышными шапками белел на крышах, пригибал ветви деревьев к земле. Очередная зима очередного 2001 года, наверное, мало отличалась от зимы 1890года – природа не любит быстрых перемен, хотя человек и тешит себя самодовольной надеждой изменить все и вся по своей прихоти.

Я вновь посмотрел на своего деда. О чем он думает стоя на пороге вечности, отчего больной, слепой, глухой и немощный цепляется за каждый день жизни? Какая трагедия разыгрывается внутри него!? Ведь впереди его ничего не ждет, в этой жизни у него нет будущего, а нереализованные мечты уже никогда не свершатся! Да и разве можно о чем-либо мечтать в 92 года, разве только о волшебной вернувшейся молодости, о грядущем бессмертии и воскрешении.

Страшно когда нет будущего! Когда есть лишь прошлое!

Когда осознаешь что твоя жизнь на излете и ничего не в силах удержать тебя в этом прекрасном полном красок и звуков мире.

Дед пошевелился, заерзал на своем кресле и заговорил о былом. Его лицо озарилось радостью воспоминаний. В них он был молод, как и весь окружавший его мир, а на стариков и их странные горести он тогда не обращал внимания. Он просто их не замечал и не задумывался. Своя старость казалась такой далекой и нереальной, а жизнь бурлила столь заманчиво и волнующе, что хотелось отдаться ей полностью.

Я смотрел на деда и вдруг подумал – нас разделяет каких-то полметра стола, мир по-прежнему молод и прекрасен, жизнь столь же бурная и счастливо несчастливая, как и двести лет назад! Мы сидим рядом, но между нами пролегла невидимая граница времени. Его песочные часы давно перевернуты, его друзья давно умерли, – вымер без преувеличения почти весь земной шар, все человечество в ногу с которым он прошагал свою длинную дорогу жизни. Давно лежат в земле его одноклассники, и все с кем он встречался в ранней юности!

Все его даже лучшие воспоминания, будь то воспоминания о первой любви, о дружбе – это воспоминания о людях ушедших, – их уже нет! Весь его мир воспоминаний наводнен призраками и даже если услужливая память перевернет в этом мире все с ног на голову, некому будет опровергнуть явную нелепицу.

Я взял лист бумаги и записал эти мысли, а дед продолжал бубнить о своем, о том ушедшем в небытие времени.

А я подумал. Вот сейчас я встану, оденусь и уйду. Выйду на полные народа улицы и буду жить, так как умею и сколько мне отмерил бог, но я молод и полон надежд, во мне не перегорели стремления и мечты, я надеюсь на лучшее, и жду от жизни и людей только хорошее.

Я уйду и забуду на время о деде, занятый своими делами, своими проблемами. Я уйду в яркий красочный мир, хлопнув дверью, сбежав по лестнице на обледенелый тротуар, вздохну морозным воздухом наполняясь весельем,....а он останется! Сгорбившись в кресле, слепой и немощный он будет витать в тумане воспоминаний. Его слепые глаза вновь зажмурятся от яркого летнего солнца, от плещущегося у ног моря! Вновь сердце радостно сожмется от встречи с молодыми друзьями, от счастья, что все еще впереди!

Но, вернувшись, вынырнув из глубин своей памяти, он вновь ощутит себя несчастным, стоящим на пороге смерти никем не понимаемый и никому не нужный старик.

Трудное решение или собака монстр

Собираясь на театральную премьеру, я как всегда не поспевала. Время неумолимо поджимало, а мне необходимо было выгладить блузку и нанести последние штрихи к макияжу.

Одевшись, я подошла к зеркалу и чуть не застонала от разочарования. К вымытым, пышной гривой ниспадавшим на плечи волосам заранее приготовленное платье явно не шло! Поглядывая на стрелки часов, я лихорадочно копалась в шкафу, отвергая один вечерний наряд за другим.

Наконец решив эту проблему, я на пределе времени выскочила из квартиры, молясь о том, чтобы не попасть по дороге в «пробку» и успеть на спектакль хотя бы к последнему звонку!

Торопливо сбежав по лестнице и мельком кивнув поднимавшейся вверх соседке, я вышла на улицу и заспешила к автобусной остановке.

День, в смысле погоды, не задался. Небо, обложенное свинцовыми облаками, приблизило сумерки, обещал быть дождь, а я в спешке позабыла зонт, но возвращаться не хотелось.

Проходя мимо мясной лавки, я вспомнила, что собира-

лась прикупить на завтра продуктов, но сборы вывели меня из колеи, и теперь оставалось только вдохнуть и махнуть на эти планы рукою.

Машинально я скользнула взглядом по небольшой группе людей, терпеливо ожидавшей своей очереди. Семь обычных, ничем не примечательных людей, которым не лень потратить день в покупках. Я пронеслась мимо них, словно ветер, и собиралась перейти улицу, когда мой взгляд приковало необычное зрелище: чуть в стороне, в промежутке между лавками, стояла страшно худая собака, со следами ран на боках и спине. Не будет преувеличением сказать – это был скелет обтянутый кожей, живыми оставались только полные голода и тоски, большие на исхудалой морде, глаза.

Собака явно потерялась, так как на шее ее сиял дорогой ошейник.

«Сколько их, бедолаг, бродит» – подумала я с жалостью, собираясь пройти мимо, и вдруг увидела пролетевшую к бедняге сосиску. Кто-то из прохожих пожалел несчастную животину, не пожадничал, поделился!

Но собака повела себя странно, она почему-то не нагнулась за вкусным подарком, а сидела, пошатываясь из стороны в сторону, и казалось, что из ее глаз сейчас польются слезы.

И тут только я заметила страшную подробность, маленькую деталь, которую прежде упустила из виду – на собаку был одет намордник. Жесткий, не дающий есть и нормально пить намордник!

Человек, бросивший псу сосиску, наверное, как и я, в спешке не заметил намордника, а может, решил сделать доброе дело наполовину. Его можно было понять, так как перед ним сидела не простая собака, а известный своей свирепостью и непредсказуемостью Пит-Буль – терьер.

Я сама боялась и ненавидела столь опасную породу, оберегая свою дворнягу от острых зубов живущего в нашем доме монстра. Но сейчас я остановилась потрясенная этим зрелищем, словно вкопанная!

Возможно, кому-то и легче взять и уйти, действуя по известной поговорке «С глаз долой – из сердца вон». Я лично к таким не отношусь, зная, что если повернусь и уйду, то эти молящие о помощи глаза не дадут мне покоя. Где-то в глубине души я пожалела, что не пошла другой дорогой, проще об этом не зная, чем принимать нелегкое решение.

Что делать, как поступить, мучил меня вопрос. Страх и ненависть боролись во мне с состраданием. В то же время я отдавала себе отчет, что таит в себе данная порода, насколько опасна такая собака, особенно бездомная и голодная, если ее страшные клыки освободить от пут. Такая порода и с хозяином может натворить массу бед, а при мысли, что этот монстр, подобный взведенному пистолету в руках несмышленного ребенка, будет самостоятельно разгуливать по нашему району, меня пробирала дрожь.

Быть может, лучшим для всех исходом станет ее гибель – промелькнула у меня мысль? – Не я ли сгоряча давеча гово-

рила, что таких собак надо уничтожать!

«Да, наверное, это будет самое правильное решение» – сказала я себе, не в силах оторвать взгляд от собачьих плачущих глаз.

Я разрывалась от противоречивых чувств. И так и эдак было плохо.

Да, я не любила Пит-Булей, осуждала людей, их заводящих дома, но с другой стороны, в чем виноват этот несчастный голодный пес? Он таким родился и совершенно не понимал, почему его избегают и не любят. Говорят, что дома, среди своих, они проявляют нежность и щенячью ласковость, что многое зависит от воспитания, от того, какие навыки привьют им хозяева.

Все эти мысли пронеслись мгновенно, продавщица продолжала отвешивать товар покупателю, а люди – проходить мимо изможденного обреченного пса. Он ни на кого больше не надеялся, зная, что его никто не пожалеет. Что творилось в его крутолобой собачьей голове, какие мысли копошились, сколько пришлось пережить несчастной собаке за последние дни: здесь и потеря любимого хозяина, и чужой, во всем враждебный ему мир, в наморднике он даже постоять за себя не может, наверное; пить он с трудом, но понемногу умудрялся, а вот еда для него стала недоступна, он (я повторюсь) не мог также постоять за себя, и это было видно по глубоким ранам на его тощих боках.

На мгновение, представив себе ожидавшую его мучитель-

ную постепенную смерть, я ужаснулась.

Наверное, я с самого начала знала, что подойду к нему, преодолевая страх, и, нагнувшись над его холкой, освобожу от намордника. Все то, что он мог совершить, все это были гипотетические угрозы, это могло случиться, а могло и не случиться, а обречь пса на верную гибель я была не в состоянии.

Подойдя к нему, я стала расстегивать намордник. Пес стоял смиренно, поглядывая на меня влажными глазами, а стоявшие в очереди люди ворчали:

– Зачем вы это делаете?

– Вы знаете, что это за порода?

– Разве можно подвергать окружающих опасности?

– Раз сам хозяин оставил его в наморднике, не вам исправлять!

– Ведь это чудовище!

– Зачем вы снимаете с него намордник!?

– А вы попробуйте есть в наморднике, – огрызнулась я, сама боясь делать то, что делала. Освобождая его, я взваливала на свои плечи груз огромной ответственности: ведь если завтра он кинется на ребенка, я не прощу себе своего сегодняшнего поступка.

И вот пес свободен! Прежде еды он бросился к ближайшей луже и стал жадно лакать воду.

Он пил долго, и, глядя на него, очередь как-то поутихла.

– Бедняжка, – раздался из нее старушечий вздох.

– Изверги, не следят за своими животными, – поддакнул еще кто-то.

– До чего собаку довели...!

Настроение людей резко менялось, мне показалось, они сразу

сами вздохнули свободней. Наверное, не только меня терзали противоречивые мысли, только никто не хотел в них себе признаться.

Меня даже пропустили вне очереди, купить бедняге сосисок. И я купила! Накупила ему целый килограмм и разложила перед его носом. И мне стало радостно на душе и как-то очень празднично и легко!

А он, прежде чем начать есть, глядя на меня счастливыми благодарными глазами, подошел, виляя обрубок хвоста, и уткнулся крутым лбом, сухим носом в мою ногу, несколько раз приглашающе боднул мою руку в поисках ласки.

Я все же побоялась погладить его, почесать за ухом.

Он съел не все и, схватив в зубы остатки, потащил за собой хвост сосисок.

Я провожала его взглядом, пока он не скрылся в ближайшем лесочке – Страшный неведомый зверь, которого я пожалела.

12 июня 2001 год Дмитрий Соловьев.

Описаны реальные события, произошедшие с нашей соседкой Мариной Михайловной Докучаевой и рассказанные ею моей маме.

Собака звучит гордо

Трудно быть маленькой собачкой. Никто тебя не воспринимает всерьез. Вот и заливаешься в злобном лае и подпрыгиваешь, что бы тебя заметили.

Лаешь то ты ого-го!!! Но только практически ничего не слышно! Вот и подкрадываешься к водопроводчику со спины, что бы укусить его за палец! Хочется замахнуться на большее, но с моими маленькими зубками джинсы с карманами не прокусишь!

– Ой, что это почему я лечу. Вроде бы у меня нет крыльев!?

– Уй! Как же больно под хвостом!

– Вот это пинок! А где хозяйка!? Разве ж можно так с маленькой собачкой! Теперь долго буду хромать. А может, и не буду!

Собака – звучит гордо – не то, что драная кошка!

Волшебные времена моего детства

Пришла перестройка и в телевизоре появился Кашпировский. Злой черноволосый дядька, рычащий в микрофон, напоминал мне нечистую силу, о чем во всеуслышание, о нем заявляла церковь.

Как-то совсем незаметно в телевизор тихохонько забрался Чумак и они стали между прочим, неясными намеками обливаться друг друга грязью.

Чумак, по крайней мере, не обезболивал бедную тетку по телевизору за тысячу километров от Москвы, а просто тихонько шуршал руками над ведром воды, беззвучно шевеля губами.

По всей стране сотни теток с очумелыми глазами лично общались с инопланетянами, рожали от них детишек и требовали алиментов у правительства, обвиняя КГБ в бесчеловечных экспериментах. Астрологи точно называли дату конца мира, но их знания, почему-то не спасали их от тюрьмы.

Мой папа над всем этим смеялся, но маму захватил воздух свободы, и она записалась сразу в многочисленные кружки.

Прохиндей, мошейники, бывшие охранники генсека Брежнева, а может просто самозванцы расцветали словно бледные поганки по всей стране.

Мне было десять лет и мне очень хотелось поверить и в инопланетян и в Чумаков с Кашпировскими. Мне хотелось

увидеть чудо, а Россия напоминала со всеми этими гадалками, ведьмами, астрологами и различными религиозными сектами волшебный лес.

Тогда я наивно не предполагал, что это больше похоже на огромную помойку со злобными клопами и голодными тараканами готовыми тебя сожрать. И вообще жить было интересно, потому что об этих чудесах лженауки болтала вся страна.

Я честно высиживал вместе с мамой у телевизора, всеми силами надеясь, что меня введут в транс, тщетно прислушиваясь к своим ощущениям.

Мама рядом со мною то чувствовала приятное тепло, то жжение и у нее то проходила головная боль, то наоборот, начинала кружиться голова.

А у меня, вечно голодного, после получасового сидения просыпался волчий аппетит, что конечно списывалось мамой на эффект Чумака.

Как то мама провела меня за деньги в какой-то разоренный кинотеатр на сеанс великого в узких кругах экстрасенса Николая Николаевича о котором никто ничего не знал.

В зале набралась кучка слушателей, половина которых проходила мимо и случайно заинтересовалась ярко намалеванным на картоне объявлением, ну и конечно мы – приехавшие специально издалека.

У дядьки бодро вскарабкавшегося на сцену была очень интеллигентная клинышком борода и добротный светло-се-

рый костюм, в котором он напоминал сбежавшего от белогвардейцев профессора-большевика.

Окинув зал оценивающим взглядом, он поморщился и о чем-то зашущукался с пышущим здоровьем конферасье.

– Николай Николаевич, ну так получилось, реклама не сработала, скажите спасибо, что хоть этих собрал – шурша деньгами уговаривал его остаться конферасье оказавшийся директором этого кинотеатра.

Вздохнув, дядька принялся вещать. Оказывается, он напрямую общался с богом.

С его слов общаться с высшим разумом было просто, и он даже потряс со сцены распухшей тетрадкой его потусторонних бесед, обозвав ее дневником.

Я слушал его с юмором, но другие отнеслись к этому милому болтуну совершенно серьезно.

Он врал самозабвенно, и было понятно, что сам он удивляется, откуда в зале собралось столько идиотов. Встретившись со мной взглядом, он смутился и отвел глаза.

Опровергнуть его мог только сам высший разум, чьим именем он бессовестно прикрывался.

Все было очень просто – он спрашивал небеса, а они ему отвечали.

Понятное дело ему никто не орал сверху откровения, просто он бодро строчил в своем блокнотике навеянные высшим разумом мысли и слова.

Жить ему было очень просто. Зашел в магазин, посмот-

рел на потолок, спросил высшие силы свежая ли на прилавке колбаса, получил положительный ответ и бодренько с товаром к кассе.

Самое смешное, что если бы у мамы были с собою деньги, она бы купила на следующий сеанс билет.

Как-то я простудился и остался дома в ожидании врача. Врачиха, начавшая обход с нашего дома буквально вытащила меня сонного и сопливого из нагретой за ночь постели, поставив меня перед собою в одних трусах.

Холодной трубкой, заставлявшей меня ежиться, она выслушала мое дыхание. Ледяными руками задрала мне голову кверху и заставила широко открыть рот и высунуть язык.

От засунутого в глотку металлического шпателя меня чуть не вырвало. Я лязгнул зубами, чуть не откусив докторице палец, но она уже повернув меня к себе спиной, прикладывая к лопаткам волосатое ухо и одновременно щекотно тыкала мне пальцами в ребра.

– Не хихикай! А то я ничего не услышу – строго сделала она мне замечание.

Но даже когда я перестал хихикать, она все равно ничего не слышала. Она так и сказала стоящей в дверях маме, что в легких у меня ничего нет, а то, что я кашляю это начинающийся бронхит.

– В школу долго можно не ходить? – с надеждой в голосе спросил я, но она только закатила глаза.

– Пойдемте на кухню, я вам все напишу и объясню – сказала она маме, игнорируя меня.

Может быть у меня этот самый бронхит и сопливый нос, но уши то у меня были в порядке. Надев тапочки, я быстро прокрался в коридор, но на кухне только шуршала бумажками врачиха и вздыхала мама. Подслушивать еще мешало бубнящее радио. Но я терпеливо ждал, когда начнется диалог.

– Может быть, хотите чаю – спросила мама.

– Спасибо, но я недавно завтракала и не голодна. Вот вам рецепт, купите ему отхаркивающие и микстуру ну и аспири-ну, если у него сильно поднимется температура.

В коридоре было прохладно, я поежился, задержав плеча-ми. Лекарства меня не интересовали, я ждал волшебные сло-ва.

– Придете ко мне в поликлинику через неделю, если что, то вызывайте на дом снова – сказала врачиха, отодвигая стул, и я на цыпочках направился к постели.

Слова врачихи оправдали мои надежды и, забравшись под одеяло, я улыбался все шире и шире.

– Ура целую неделю бить баклуши и делать вид, что учишь уроки! А если повезет, то и вторая неделя тоже моя!

Болезнь я любил всегда, если это не каникулы или по-чти лето, тогда болеть это просто форменное издевательство над организмом, и полные кранты. Абсолютная несправед-ливость!

Мама взяла больничный по уходу и с ходу принялась меня лечить словно подопытную крысу, сбежавшую из исследовательского института.

Вместо любимого нафтизина, она капала мне внос какие-то жгучие капли, от которых у меня вытаращивались глаза и прояснялись мысли и вся голова. Она ставила мне через день банки и горчичники. Банки хотя бы не жгли и не щипались, но во что потом превратилась моя спина.

Как-то умываясь, я краем глаза увидел на ней какие-то почти черные круги как раз размером с банку и ойкнул разглядев что моя спина выглядит как копченая колбаса.

– Мама как я теперь буду ходить на физкультуру и в бассейн – со слезами в голосе накинулся я на нее.

– Ничего страшного, скажешь, что тебе ставили банки, и мальчики поймут – спокойно ответила она.

– Больше я их ставить не буду, как ни уговаривай! только горчичники – твердо заявил я, надеясь, что следы от банок быстро исчезнут. Ведь через несколько дней наступит весна!

Но, не смотря на эти неприятности болеть намного лучше, чем учиться и ходить в школу.

Из всего лечения мне нравилось только малиновое варенье, которое я в невероятных количествах поглощал. Правда к нему прилагался кипяток или горячий чай, но такой напиток кроме пользы был еще очень вкусный.

Я пил, обжигая о кружку губы, и усиленно потел. Мама меняла мне рубашку за рубашкой. По ее мнению пот от ма-

линового варенья меня выздоравлил.

– Из тебя с потом выходят вредные шлаки! – говорила она не слишком понятные слова.

А вечером она гнала меня в большую комнату к телевизору, на экране которого словно большая мышь шуршал руками и губами безмолвный Чумак. На табурете перед экраном стояла трехлитровая банка с налитой из под крана водопроводной водой и чем то там заряжалась обретая невероятно целебные свойства. Ау кого-то, где то там, в бескрайней России рассасывался нерассасываемый шрам.

Я еще понимал Кашпировского, который заставлял шататься как зомби целые стадионы людей и это производило на меня некоторое впечатление.

Иногда я, стоя перед зеркалом и размахивая руками грохал в обморок воображаемый заполненный зрителями зал.

Но сидеть перед экраном и пялиться в добродушную физиономию шуршащего губами и прочими частями тела Чумака, мне казалось полным идиотизмом.

У меня в отличие от мамы, прикрывшей для концентрации внимания и биополя глаза, ничего не щипало, ни грело и не рассасывалось. Из всех шрамов у меня был только завязанный при рождении пупок, и я с ужасом думал, что будет, если он рассосется.

От простуды меня лечили таблетками, вареньем, микстурой, банками и горчичниками, я полоскал горло три раза в день, еще мне капали в нос эти раскаленные щипучие капли,

но оказывается, меня вылечил своими тибидохами Чумак.

Если я во время обязательного телесеанса, чесал ногу или нос то это так на меня действовал своим шуршанием Чумак, если, напившись перед этим чаем, я срывался со стула в туалет, то в этом тоже был повинен добрый волшебник из телевизора.

– Вот видишь – радостно говорила мама – как благотворно действуют на тебя его сеансы, писай и какай побольше, не держи в себе эти шлаки.

Мама говорила это, словно я специально эти шлаки в себе копил.

Говорить ей, что я это и до Чумака регулярно делал, было так же бесполезно, как и отрицать пришествие на землю замаскированных инопланетян. Во что, кстати, я в то время охотно верил.

В это верили почти все мои друзья, потому что встретить и подружиться с инопланетянином это прикольно!

Через десять дней я снова пошел в школу со следами ба-нок на спине и выжженном каплями от простуды, носом.

Но еще несколько лет мама защищала на моем примере чудесного выздоровления всех этих Кашпировских, Глоб и Лонге и конечно Чумака.